

עַד וְאַחֵר

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

12' 2008

Литературный альманах **ДО И ПОСЛЕ**

12' 2008

*Альманах посвящается
60-летию образования государства Израиль.*

Руководитель проекта Иосиф Варди

Редакционная коллегия:
Леонид Бердичевский (гл. редактор),
Генриетта Ляховицкая,
Карл Абрагам,
Давид Яновский.

Общественный совет:
Екатерина Гескина,
Марк Шейнбаум.

Макет и оформление
Иосиф Малкиэль

Альманах иллюстрирован экслибрисами
еврейских художников (см. статью на стр.190)

Произведения, представленные в альманахе,
публикуются впервые.

Права авторов сохранены.
При перепечатке ссылка на альманах
обязательна.

ISBN 6-889-42-06

БЕРЛИН 2008

Поэзия и Проза

ДО И ПОСЛЕ

илл. 6

илл. 5

«Ам Га-сефер» – НАРОД КНИГИ.

Именно так названа монография, Якова Бердичевского, изданная в Берлине, тиражом в 300 экземпляров и сразу же, переизданная в Киеве большим, по нынешним временам, тиражом в 1000 экземпляров. В недалёком будущем ожидается её новое, значительно дополненное, издание. Эта книга об истории еврейского библиофильства и книжного знака в России.

Около 700 имен художников, издателей,

илл. 2, 3, 4

коллекционеров, библиофилов приводит автор в своем исследовании.

Книга, уже сейчас, является крайне редкой и приобрести её трудно. Ведь библиофилия несколько не утратила своего значения в широких читательских кругах.

Предлагаемый в разделе «Публицистика и эссеистика» текст Я. Бердичевского вкратце знакомит читателей с этой интересной темой. А в качестве иллюстраций номера редакция предлагает экслибрисы, из монографии «Народ книги» любезно отобранные и прокомментированные её автором.

МАРЛЕН ГЛИНКИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИЗРАИЛЬ

В Берлине мне много раз снился Израиль...

И когда сны стали одолевать меня, я решил посетить Святую Землю.

Когда мы вышли вечером из самолёта в Тель-Авиве, запахло морем и апельсинами. Сразу возникло чувство, что мы на курорте. Правда, через два дня мы узнали, что Израиль – это простор, масса незастроенных территорий. Очевидно, Бог создал в Израиле модель мира, расположив рядом горы и долины, цветущие сады и пустыни, солёные моря и пресные озёра. Полчаса езды и ты в другой климатической зоне. А дороги? Сказка. Европейский уровень с еврейским акцентом. Главное, что поражает, в Израиле много евреев: мужчины, женщины, дети, шофёры, землепашцы и строители, дворники и официанты, полицейские и проститутки и даже... премьер-министр.

Здесь гордо носят шестиконечную звезду и на знамени, и на груди. Всем большим во время операции, независимо от национальности, вливают «еврейскую» кровь.

Весной и летом очень жарко, сухо, безоблачно. Ближайший дождь – в декабре. Здесь очень красивые женщины, разнообразно красивые. Они поднимают настроение даже тем, кому за шестьдесят. Достаточно посмотреть на них, чтобы почувствовать, что настроение уже поднялось...

В Союзе я считал, что большинство еврейских женщин имеют специфическую внешность: жгуче-чёрные, носатые. С тяжёлыми фигурами. А оказалось, – они всех цветов и весовых категорий. Есть русые и бело-волосые, есть с кошачьими зелёными глазами, и по-детски голубоглазые, есть даже курносые. Есть по-мальчишески тоненькие и изящные, а есть с такими роскошными бюстами, что невольно начинаешь завидовать их грудным младенцам. А девушки-солдатки? Стройные обаятельные, пружинистые. Кажется, что их призывают в армию прямо с конкурсов красоты.

В Израиле масса разномарочных автомашин... и масса аварий. Арабские

террористы каждый раз злорадствуют по этому поводу. Водители «не доверяют» светофорам и объясняются руками, как на Кавказе.

Масса ресторанов, кафе, закусочных. Едят много, вкусно, сочно, шумно, как умеют только евреи. Создаётся впечатление, что в стране объявлена всеобщая ожираловка.

Кажется, что национальный язык – русский. Уже давно в витринах магазинов половина объявлений на русском языке. Работают русские театры, есть русские программы телевидения. Ежедневно выходит столько русских газет и журналов, что ими можно при желании застелить весь Израиль с учётом контролируемых территорий.

Русскими песнями здесь не удивишь. Удивишь только в том случае, если станешь доказывать, что они русские: израильтяне убеждены, что это их фольклор. Эти песни привезли с собой первые переселенцы из советской России, и они здесь прижились. Трогательно и забавно звучат на иврите «Катюша», «Синий платочек» и многие другие русские песни.

Израиль – удивительная страна, в которой сошлось всё: западная деловитость и восточная лень, американская оперативность и российская расхлябанность. Демократия, переходящая в демагогию, и социализм, сосуществующий с капитализмом, омрачая его жизнь. Здесь много говорят о политике. Везде. В каждом доме. Кто сказал, что СССР – страна Советов? Страна Советов – Израиль! «Два еврея – три мнения!» – это об израильтянах.

По количеству детей еврейские женщины вступили в соревнование с арабскими. Еврейки набирают темп. Мужчины здесь живут по принципу: «Мужчина! Не занимайся статистикой, а занимайся своим делом!» В Израиле мужчины знают своё дело – детей много, несмотря на жару. Что роднит всех израильтян, от подсобного рабочего до преуспевающего бизнесмена? Если послушать каждого, то он, как никто, погряз в долгах, еле-еле сводит концы с концами, стоит на грани банкротства, но при этом у каждого хороший дом или приличная квартира, одна или две машины, семья хорошо одета, ежегодно ездят отдыхать... Как выразился один знакомый израильтянин: «Мы нищая страна богатых людей». То, что богатых – радует, то, что нищая – спорно. А то, что бытует психология нищих, огорчительно. Американец покупает самое лучшее, платит большие деньги, понимая, что лучшее – выгодно, оно в будущем принесёт прибыль. Израильтянин, даже богатый, покупает похуже, но дешевле, не думая о будущем – важно сэкономить сегодня. Евреи вообще тяжело расстаются с деньгами, отдают их по частям, по шекелям, лишь бы оттянуть срок полного расставания. И очень необязательны. Ни одно совещание не начинается вовремя, на свидания постоянно опаздывают. Приглашённые к завтраку, приходят к ужину. Если исходить из определения «Точность – вежливость королей»,

то можно смело утверждать, что в Израиле с королями давно покончено.

Зато кофе пьют всюду, везде, всегда: до еды, после еды, вместо еды. Подзреваю, что вся Бразилия работает только на Израиль.

Это поистине удивительная страна, где всё материализуется: история, религия, мечты и даже парадоксы. Мой отец часто рассказывал свой любимый анекдот: «Стоит негр и читает газету на еврейском языке». Папа смеялся: «Ему мало, что он негр!» Здесь такое можно видеть на каждом шагу: стоит эфиоп на углу и читает газету на иврите.

Хорошо ли здесь? Говорят, что хорошо там, где нас нет. А так как мы уже повсюду, то нам нигде хорошо быть не может. И мне показалось, что еврею хорошо, когда он в пути, или когда у него есть дом на родной земле, в Израиле. Но для многих, Израиль – всего лишь платформа выживания, трибуна для оплакивания самих себя или перевалочный пункт в Америку или в Европу. Ведь каждый куёт своё счастье, даже если он не обрезан на восьмой день от рождения по законам Торы.

Любит ли основная масса населения Израиля своё государство? Не знаю. Одна московская проститутка утверждала: «Любви нет, её придумали большевики, чтобы не платить деньги». Но любовь есть, и многие полюбили Израиль. Ведь самое главное, Израиль – это люди, живущие в своём еврейском государстве. Однако, не секрет, что евреи были и будут во всём экстремальны. Если бунт, то, как минимум, Октябрьская революция, если война, – то шестидневная, если личность – то гениальная, если подонок – то величайший.

Люди продолжают ехать и ехать из стран СНГ, чтобы посмотреть в своё зеркало жизни. В Израиле бытует анекдот на эту тему: Предпоследний еврей звонит последнему: «Хаим, когда будешь уезжать из России, не забудь выключить свет». Почему-то не смешно, а грустно, правда?

Таковы мои первые впечатления об этой необычной, божественной стране с белокаменным Иерусалимом – центром трёх религий: иудаизма, мусульманства и христианства. Я прохожу по древним улицам этого города и приближаюсь к Стене Плача. Как и многие другие припадаю к её шершавой поверхности... и слышу её голос:

*Ложитесь, не стойте!
Прижмитесь плотнее всем телом.
Здесь пули свистят.
Здесь, отчаявшись, смерть озверела.
Но есть тишина
За моими глухими камнями
И белый вьюнок,*

*Непристойно, навеянный снами.
Есть выступ и щель
Ослабевшей испуганной птице.
Стена – я всегда
меж погоней и смертью граница.
Здесь Некто однажды прошёл,
не оставивши тени,
мгновенье – и в вечность
мои обернулись камня.
Зато понимаю,
что время судейское значит.
Я – Плача Стена,
Я – стена, у которой не плачут.*

.....

*Я этой ночью у её ступеней,
горячий лоб, прижав к сырой стене,
выслушиваю, как благословенье,
всё, что над ним играет в вышине.
Прекрасно всё: и темень, и улада,
и росы наливные до зари,
и никуда спешить теперь не надо,
и ни о чём не стоит говорить.
В Иерусалиме, городе высоком, –
живой купели неба и огня,
все откровенья, названные Богом,
лежат навечно в сердце у меня.*

ЧЕМ БОГАТЫ?

Вы когда-нибудь видели на прилавках книжных магазинов сборники еврейских народных сказок, легенд или каких-либо произведений фольклора? Я не видел... Обидно! Почти у всех народов есть, а у нас нет! У киргизов есть народный эпос «Манас», у чукчей – свои народные легенды и новейшее сказание о похождениях главного чукчи всех времён и народов – Абрамовича, а у нас нет даже какой-нибудь завалящей сказочки про Абрашу-дурачка.

Правда, умные головы могут возразить, что самую большую и страшную сказку о «Призраке», который «бродит по Европе», придумал еврей. Но у этого сказочника есть вполне конкретное имя и фольклор тут не причём.

Однако, немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что отсутствие у нас фольклора явление закономерное. Какой фольклор можно ожидать от народа, подарившего миру Колумба и Спинозу, Эйнштейна, Норберта Винера и Марка Шагала, Сару Бернар, Левитана, Шолом – Алейхема, Ландау, Бабеля, Пастернака, Мандельштама, Неизвестного и Бродского? От народа, давшего земной цивилизации Книгу Книг и получившего взамен двухтысячелетнее изгнание, костры инквизиции, Дахау, Освенцим, Бухенвальд, Бабий Яр, черту оседлости, процентную норму, 5-ю графу, клеймо «безродных космополитов» и Биробиджанскую автономную область?

Ничего, кроме проклятий, ожидать от такого народа не приходится, хотя Бог и предупреждал, что проклятия имеют свойство возвращаться... Даже, если эти проклятия талантливы. Даже, если они обрели конкретную литературную форму и имеют хождение в устах шутников, в виде некоего «черного юмора», то есть стали фольклором и даже имеют своё название на идише: «клурес». Многие из них всем нам знакомы и ласкают слух: «Чтоб ты висел и горел как лампочка!», «Чтоб ты проглотил зонтик, и чтоб он у тебя внутри раскрылся!», «Чтоб у тебя выпали все зубы, и остался один для зубной боли!», «Чтоб я тебя видел на костылях, а ты меня – одним глазом!» И совсем уже безобидное: «Чтоб ты был так здоров, как ты не здоров!»

Я коллекционирую эти образцы народного юмора и даже, признаюсь, сам пытаюсь их придумывать. Например: «Чтоб у меня так двоилось в кармане, как у тебя в глазах!», «Чтоб ты всю жизнь выглядел так, как моя бабушка в сто двадцать лет!», «Чтоб ты не дожил до своих похорон!», «Чтоб ты всю жизнь получал «социал», «Чтоб вам из этой жизни живыми не выбраться!», «Чтоб ты всю жизнь испуганно смотрел в светлое будущее!», «Чтоб ты в графе семейное положение всегда писал безвыходное!», «Чтоб жена твоя страдала не только плоскостопием, но и плоскогрудием!», «Чтоб ты день рождения и день смерти считал одним днём!», «Чтоб ты при виде девушек сразу чувствовал себя подлецом!»... Таких шедевров еврейского юмора у нашего народа предостаточно.

Однако, мне очень хочется, чтобы в нашей жизни такой юмор звучал всё реже, чтобы сегодня в нашей новой стране и новой жизни, в сутолоке каждодневных забот, в стремительной гонке за манящим благополучием, даже разочарованные, даже обиженные, даже обманутые, мы не наполнялись злобой и отчаянием, и не накапливали бы пожизненно запасы желчи.

Я верю, что мы ещё создадим свои сказки, поведав в них о наших распахнутых бездонных душах, выплеснувших наше самое большое богатство, вывезенное и выстраданное из прошлого – наш неиссякаемый генетический оптимизм и нашу мудрую, печальную, ироничную еврейскую доброту... Я желаю себе и вам, чтобы до конца наших дней, в памяти у

каждого искрился не «чёрный юмор», а свет наших сердец и душ, которые были бы для нас напутственным маяком из прошлого и зелёным светофором в будущее!

Однажды я подумал, чего только не делали в годы застоя, чтобы остановить выезд из страны: и арестовывали, и сажали в психушки, и запрещали, и не давали визы... Ничего не помогало – всё равно уезжали, всё больше и больше.

И вот, наконец, кого-то осенило: давайте разрешим! И всё... И движение притормозилось. Это было самое мудрое решение правительства за последние годы. Подозреваю, что его подсказал ему какой-нибудь еврей при президенте.

Однажды ночью, перед моим отъездом на Запад, мне приснился Наполеон. Он предупреждал всех отъезжающих: из Москвы надо уходить! Если Наполеон продолжает свою благородную ночную деятельность и сегодня, то к нему пристают с вопросами: а куда, именно, уходить, в какую страну? Возможностей стало больше. И это прекрасно! Правда, в Израиль будут выезжать уже не все подряд. Какой-нибудь известный физик, даже при своих крайних сионистских настроениях, не захочет променять кафедру в Москве на метлу в Тель-Авиве: у него будет возможность выбора. Если представить себе, что в России отменяют паспорта, то в стране останется так мало людей, что все будут узнавать друг друга на улице. Мне могут возразить, вы всерьёз верите, что весь народ бросится уезжать? А я отвечу: бросился бы, да кто ж его выпустит! Только евреев это не остановит. Этому народу не привыкать преодолевать трудности. Как сказал один умный человек: «Россия постепенно становится обезжиденной». Вопрос в том, сумеет ли какой-нибудь Наполеон убедить всех евреев ускорить свой отъезд? Я бы ответил: сумеет, если его не опередит какой-нибудь Кутузов с призывом устроить им Бородино...

СТРАСТИ ПО ГОМЕРУ

История эта приключилась в Киеве, хотя могла случиться в любом другом городе.

Преуспевающий бизнесмен Владимир Тимохин, возвратившись домой после длительной командировки в Китай, был неприятно поражён тем, что в гостиной, прямо на ковре, спал какой-то неопрятный, лохматый человек в дырявых чёрных носках и в его, Тимохина, дорогих фирменных брюках.

– Это ещё кто такой будет? – спросил он жену с явным неудовольствием, вглядываясь в одутловато-серое лицо незнакомца.

– Да это же поэт! – шепотом ответствовала жена и добавила, приложив палец к губам: – Спит! Притомился, бедняга...

– Спит? Почему днём спит? – недоумённо и бессмысленно спрашивал Тимохин, проникаясь неприязнью ко всем поэтам и к поэзии вообще.

– Устал он очень! – пояснила жена. – Всю ночь стихи писал! Какие строки, какие строки! Вот, например, свежие – только что из под пера:

Снятся мне в разгар весны

Эротические сны.

Жаль, весенний час недолог –

К лету снится венеролог.

– Совершеннейший суперматозойд! – обозвал пришельца растревоженный муж. – А откуда он у нас взялся? – не унимался он, допытываясь, словноследователь по особо важным делам, с которым сам недавно имел продолжительную беседу.

– Фу ты, Господи! – раздражённо вздохнула жена. – Ну, так и знала, что ты обязательно устроишь скандал из-за ерунды. Это моё интеллектуальное приобретение. Ну, купила я его! На Крещатике, в подземном переходе! Вот у Скоропадских огромный обезьян живёт и ничего! У Гетьмановых – крокодил! А ты из-за какого-то поэта шум поднимаешь! У Жмуриковых хомячки живут. А мы что – хуже? Растить нужно интеллектуально!

– Да нет... – рассеянно проговорил Тимохин. – Только это... Там что, женских особей не было, что ли?

– Были и женские... Только мужские лучше! Талантливее! Это лауреат каких-то поэтических конкурсов и премий. Надёжный он очень. И жрёт меньше женщин...

– Да я что... Я ничего, – сказал Тимохин. – Только что-то он того, непорodистый какой-то!

– Как это непорodистый? Как это непорodистый? – горячо вступилась за поэта жена. Очень даже порodистый. Я его с родословной брала! Отец с матерью – поэты. Бабка с дедом – писатели. Весь соцреализм выписывали... По прадеду он – драматург. Непорodистый?! Ещё какой порodистый! Вчера написал свежие строки:

Нас кто-то снова строит по ранжиру, городит нам какую-то хреновину,

Одни опять катаются по миру, другие, как и прежде, ходят по миру.

– Да? – Тимохин постепенно успокаивался. А в одутловатом лице спящего поэта он даже увидел какую-то одухотворённость.

– Гомер! – громко позвала хозяйка.

Поэт встрепенулся, задрал голову и стал озираться по сторонам, остановив свой бессмысленный взгляд на Тимохине.

– Читать! – скомандовала жена.

Поэт прокашлялся, расставил ноги пошире, руки сложил на груди и, возведя очи к небу стал громко и заунывно декламировать, словно отпевать покойника.

На час светлее стали сутки!

И лес очнулся ото сна!

Проснулись бабы-проститутки!

Пришла красавица весна!

– Достаточно, – прервала его жена Тимохина и сунула поэту в рот конфетку, потрепав при этом за ухо. Поэт довольный, зажмурив глаза, радостно зачмокал.

– Хороший, хороший поэт! – приговаривала хозяйка. – Ну, иди! Иди, пиши стишки, – она легонько шлёпнула его по мягкому месту. – Давай, давай! Напиши что-нибудь про евреев – это сейчас очень модно. Ивановы, вон, из «новых русских» купили по случаю поэта – песенника; так тот написал для них ораторию-парафраз на мелодию самого Глинки – «Жизнь за президента!» Иди, пиши! – И поэт, удовлетворённый и умиротворённый, снова улёгся на ковре, возле батареи отопления.

– А он не кусается? – спросил Тимохин.

– Да ну! Наоборот! – замахала руками жена. – Знаешь какой он ласковый? Разве я бы взяла дикого да злобного?

Тимохин присел на корточки возле поэта и осторожно погладил его по бороде. Поэт заурчал и почесался головой о ноги Тимохина. Затем встал на колени и продекламировал:

В евреях есть опасности синдром,

И состоят они из механизма,

Который чутко чувствует погром

И смрадное дыхание фашизма.

– А он часом не жидомасон? – подозрительно приглядываясь к курчавой бороде поэта, снова спросил Тимохин. – А то ведь неприятностей с ним не оберёшься...

– Да ну... Какой он там жидомасон? Русский! Самый настоящий! У него и с «доказательством» всё в порядке – сама проверяла! Жидомасоны, они все обрезанные! – успокоила мужа уверенным тоном жена.

– А-а-а! Ну, тогда ладно... – успокоился муж. – Жрёт, говоришь, не много?

– Да сущие пустяки! У Жмуриковых хомячок жрёт больше! Да ты не волнуйся! С ним никаких хлопот. Только изредка в скверик выходит погулять. Там много поэтов собирается. А то он тоскует иногда. Перестал посещать свою литературную студию, и тоска не покидает его. Говорят, как от материнской груди оторвали.

– Ну, дала б ему свою, – посоветовал муж, – а то ещё и правда, убежит...

– Да куда ему бежать-то? Господи! – рассмеялась жена. – Сам посуди! Тут ему и кормёжка, и постель! Соберём материал, книгу его издадим. Я и название придумала – «Страсти по Гомеру»... Что он дурак что ли, бежать?

– Но поводок на всякий случай нужен, – заключил Тимохин.

Поздно вечером, сидя у телевизора после сытного ужина, Тимохин, задумчиво глядя на мирно дремавшего на коленях у жены поэта, неожиданно сказал:

– Ты знаешь, Галь, я думаю, может быть сводить его к врачу да охолостить? При слове охолостить поэт встрепенулся и тревожно посмотрел на Галю.

– Это ещё зачем? – огрызнулась она.

– Ну... – неуверенно стал рассуждать Тимохин. – Поэты, они, знаешь, того... Весна придёт, гулять захочет.

– Так это же хорошо! – горячо возразила жена. – Он и сейчас неплохо гуляет... А вот весной, в период любовного томления, они, поэты, и пишут лучше! А ежели его охолостить, он вообще перестанет писать и будет только пИсать!

– Да?! – удивился Тимохин познаниям жены в области поэзии. – Тогда, может быть, ему самочку купить, чтобы пара была? Тоже поэтессу какую-нибудь? А?

Поэт в нетерпении заёрзал на коленях у хозяйки, заволновался.

– Ещё чего! – фыркнула жена. – Самочку какую-то! Скажешь тоже! Не нужна нам самочка! Верно, Гомерчик!? – нагнулась она к лохмам поэта и поцеловала его в нос.

– Это точно! – вздохнул поэт и зажмурил в истоме свои сладкие глазки. – Хорошо жить, хорошо! – изрёк он, тем самым приглашая к продолжению повествования.

ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ

«ТЫ НЕ ИЗГНАН ИЗ РАЯ, ИЗРАИЛЬ!»

Такое молодое Государство отмечает юбилей – всего-то шестьдесят лет. Для Истории – мгновение, для человечества – два поколения, но для многих людей – вся их жизнь.

Такой древний Народ вновь обрёл государственность. Быть может, она и не терялась, эта государственность? Просто таилась в священных свитках Торы, в томах Талмуда, в крошечных пергаментях мезуз и молитвенных коробочках, закрепляемых на головах молящихся евреев, и в самих этих головах.

Такая вечная Земля приняла вновь свой Народ, чтобы он напоил и возделал её, вернул ей плодородность, украсил виноградными лозами, укрыл в тени деревьев и порадовал смехом детей.

Такой древний Язык обновился, омолодился, вновь стал Государственным Языком, родным для новых поколений евреев.

Небывалое чудо, что всё это свершилось!

ИЗРАИЛЮ

Государство Израиль!
Ты моложе меня,
ты моложе!
Я молюсь за тебя:
долгой жизни
пусть даст тебе Боже,
и покоя суровым твоим
платогорьям и склонам
и бежево-жёлтым камням,
и недвижимым, солёным,

поседевшим
от древности водам
под высоким и царственным,
всепокрывающим сводом
пусть подарит Он тоже,
наш Боже.

Я молюсь за народ:
долгой жизнью
в скитаньях изранен,
бесприютной судьбою своей
он не сломлен, не сломлен,
и бедственно-тяжким тем дням,
и от пота солёным,
поседевшим
от ужаса годам
не поддался и выстоял –
на удивленье народам.

Ты не изгнан из рая,
Израиль!

Чудо возрождения Израиля свершилось после Холокоста и вопреки ему. Евреев больше не должно было быть в Германии. Но они есть! Немногие, уцелев, вернулись. Многие приехали из бывшего Союза. Союз этот был когда-то Россией. Евреи, уехавшие оттуда в Израиль и в Германию, говорят по-русски. Их называют русскими. Так получился Еврейский треугольник – «Израиль – Германия – Россия». Он сложнее и непостижимее Бермудского.

В обычном треугольнике, лежащем на спокойной, ровной плоскости, сумма углов равна ста восьмидесяти градусам. Так что слишком острыми сразу все три угла быть не могут. А вот на искривлённой поверхности все три угла одновременно могут стать опасно острыми.

Еврейский треугольник прочерчен на поверхности, страшно искривлённой чудовищными историческими судорогами. Его углы – каждый из них бывает острее иглы... Но чудо свершилось и да продлится оно.

ТРАМВАЙ БУДТО БОЯЛСЯ

Солнечным берлинским летним днём двухтысячного года в трамвае, идущем по Ораниенбургерштрассе, ко мне обратился на странном немецком темноволосый с маленькими усиками мужчина:

– Это христианская церковь или мусульманская? – спросил он, показав вперёд на золотой купол здания «Новой синагоги».

– Вам нравится? – спросила я.

– Да, очень красиво!

– А фашисты хотели такую красоту сжечь, ведь это синагога – еврейский дом.

Трамвай проехал мимо здания. Мы оба смотрели теперь назад, на купол. Мужчина помолчал и вдруг заявил с вызовом:

– А я родился там же, где и Гитлер.

– И вы гордитесь этим?

– Да! – произнёс он и потрогал свои усики.

– А я бы стыдилась.

Трамвай завернул за угол. Говорить больше было ни к чему. Но человек с усиками стал как-то особенно всматриваться в моё лицо, видимо, начиная догадываться, что я еврейка. И тогда я сказала:

– Представьте, что кто-то решил уничтожить ваш народ. Стали убивать стариков, детей, женщин, даже беременных, только за то, что они из этого народа. Убили и ваших родителей, сестёр, братьев, вашу жену и ваших детей, а вы чудом уцелели и годы спустя встретили человека, который гордится быть земляком главаря убийц. Вы бы смогли его понять? – мне было трудно говорить, и не только потому, что приходилось находить немецкие слова...

Трамвай ехал совсем бесшумно, будто боясь чего-то. Или эта тишина лишь почудилась мне...

Мы долго смотрели в упор один на другого и не отводили глаз. Наконец, я отвернулась, пора было выходить.

Трамвай распахнул двери. Чувствуя взгляд, обернулась. Земляк Гитлера неуверенно помахал мне рукой и, словно удивляясь самому себе, приложил её к сердцу.

СТАРИННЫЙ ТОМИК

Вот небольшая книга. Пожелтели,
как старый жемчуг, хрупкие страницы
и потускнело золото обреза...
Богатство духа выше злата Креза.

Над этой книгой годы пролетели.
Кого могу представить с нею рядом?
Конечно же, не нынешние лица,
а в милых локонах и с ясным взглядом,
и тех, что так почтительно склонялись
над нежными прозрачными руками,
которые её тогда листали.

Давно их нет... А мы какими стали?
Ведь времена безжалостно менялись.
Там время длилось медленно, веками,
а ныне – лишь мгновенья перелёта
над глубиной безумной океана...

И всё же, всё же, как это ни странно,
мы в этой жизни нашей непростой
храним духовности обрез златой.

Лишь затвердела кожа переплёта...

СМЕЩЕНИЯ

Я не знаю,
что станет в прошлом со мной,
и не ведаю, что это в будущем было,

но сегодня встает небывалой волной
то, что в прошлом и в будущем
я совершила.

Я вчера напишу вам на выбор стихи
из всех тех, что я завтра уже создала,

а сегодня себе я сама отпускаю грехи
из когда-то, когда-нибудь
не совершённого зла.

ВРЕМЯ ВЕСНЫ

Затворницей живу. Ем по утрам творог
и творчеством себя порою тешу.
Не очень-то богат гостями мой порог –
порог жилища, и порою внешней
случается холодная погода
за стенами жилья и в сердца стенах.

Весна – капризнейшее время года –
вся в пасхах, паводках и в переменах.
Чахоточным грозит её дыханье
уходом с алой кровью в мир иной:
«О, не губи меня...»

Но что это со мной?
Ещё не время думать о прощаньи...

Я родилась далёкою весной.

СВИНЕЦ

Свинец – это общий конец,
вещество всераспада.
Это золото ада.

Если в ад попаду,
то пред тем, как войду,
протяну я швейцару
монетку свинца

как свидетельство
или расписку конца,
ведь свинец – это золото ада.

Нет, пожалуй, не надо.
Для чего мне за вход
в эту бездну платить
пусть даже
и тусклым свинцом?

Не лучше ли будет
с невинным лицом
мне золота солнца испить,
и к жизни вернуться,
и жить!

ДЕВУШКА НА КОНЦЕРТЕ

На лице смуглокожем удлинённом
сиянье глаз со взглядом удивлённым –
их уголки приподняты к вискам,
в агатах их замедлены века
пустыни иудейской древней.

В ней чудится восточная царевна,
и с западною музыкой в контрасте
мне кажется она ещё прекрасней.

ВСПОМНИТЬ РАДОСТЬ

Чьи крылья вижу я из клетки быта?
Былая воля!

Мной почти забыта
отрада молодых и дерзких дней.
Я всё пугливой и душой бедней –
неволя укрывает в непогоду.

Вот, осмелев, я выйду на природу:
на землю упаду, лицом в траву,
и поспежу за бегом муравья,
и лёжа на спине, на синеву
небесную свой взгляд направлю я,
отброшу прочь наручники часов,
собью с души закрытости засов –

пусть ненадолго, но вдохну свободу!

СЕДИНА

Вот седина – знак старости. Парик...

Из-под него беззвучный рвётся крик
души, оставшейся,
как прежде, молодой:
«Гонцов! Скорее – за живой водой!»

.....

Никто не знает, где вода живая.

Прирос парик...

Но, годы доживая,

с ним не смирилась юная душа –
она смеётся, Вечностью дыша.

МИНА ПОЛЯНСКАЯ

«ПЛАЦКАРТЫ И КОНТРАМАРКИ»

(отрывок из книги о Фридрихе Горенштейне)

С 1980-го года один из крупнейших прозаиков второй половины 20-го века Фридрих Горенштейн жил в Западном Берлине. Мне в качестве редактора берлинского журнала «Зеркало Загадок», где он публиковался, довелось с ним познакомиться, а затем и подружиться.

Писатель прожил в Берлине 22 года (то есть дольше всех других русских классиков – за ним следует Набоков, проживший в Берлине 15 лет), умер 2 марта 2002 года после тяжелой болезни в клинике Августы-Виктории (Auguste-Viktoria Klinikum) и похоронен на старейшем еврейском кладбище в Вайсензее. Напомню читателям наиболее значительные работы мастера, писавшего во всех жанрах, начиная от драматургии и кончая публицистикой. Романы «Место», «Псалом», «Искушение», «Попутчики», «Скрябин», пьесы «Разговоры о Достоевском», «Детоубийца», «Хроника времен Ивана Грозного» – вот далеко не полный перечень того, что могло бы впоследствии составить большое собрание сочинений писателя.

На могиле Горенштейна установлен памятник серого гранита, напоминающий разбитую скрижаль, на скошенной плоскости которой высечены слова из пророка Исаии: «О Вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!» Именно этим призывом пророка заключил Горенштейн свой роман «Псалом».

Спустя некоторое время после внезапной смерти писателя я написала книгу о Горенштейне «Я – писатель незаконный...» для нью-йоркского издательства «Слово-Word», которая была опубликована в 2003 году, затем книга вышла вторым изданием в Петербурге в 2006 году с названием «Плацкарты и контрамарки».

В альманахе «До и после» публиковалась одна из последних работ писателя «Тайна, покрытая лаком», посвященная вчерашним и сегодняшним

спорам о предках Пушкина по материнской линии. На сегодняшний день этот ежегодник – единственный, пытающийся сохранить память берлинской русской культуры и ее традиции.

Поскольку мои записки о Горенштейне не появились на прилавках берлинских русских книжных магазинов, редакция предложила мне опубликовать на страницах альманаха первую главу книги, наиболее биографическую, для ознакомления с ней берлинского читателя.

М.П.

«Там на шахте угольной паренька приметили...»

Фридрих Горенштейн родился в Киеве в 1932 году в семье профессора-экономиста. Отец, Наум Исаевич Горенштейн (1902-1937), родом из Бердичева, был арестован и приговорен 6-го сентября 1937 «Особой тройкой» УНКВД по Дальстрою к расстрелу. В 1995 году Фридрих получил в «органах» копию приговора той самой «тройки» и показывал мне этот «продукт» изощренной инквизиции эпохи Советов. Приговор был приведен в исполнение 8 ноября 1937 года – такая дата стояла в документе. Кроме того, Горенштейну показали «дело» отца, которое он внимательно прочитал. Выяснилось, что отец его был не совсем случайной жертвой сталинского молоха. Молодой профессор был посажен за «дело»: он доказал нерентабельность колхозов. «Как будто бы колхозы были созданы для рентабельности, – говорил Горенштейн, – наивный отец! Романтик!» Отец был обвинен в саботаже в области сельского хозяйства. В документах по обвинению постоянно фигурировала дама по фамилии Постышева, оказавшаяся сестрой Павла Петровича Постышева – Члена президиума ЦИКа СССР, секретаря ЦК ВКП (Б) Украины, впоследствии (1939) также не избежавшего молоха. Сестра Постышева, специалист по экономике и сельскому хозяйству, оказалась главным разоблачителем Наума Исаевича. Горенштейн рассказал о своем отце в романе «Веревочная книга». «Мой отец, – писал он, – молодой профессор экономики, был специалистом по кооперации. Кооперативные предприятия резко отличаются, как от капиталистических, так и от хозяйственных организаций, имеющих принудительный характер». Роману «Веревочная книга», еще не опубликованному, я посвятила отдельную главу во второй части книги. Горенштейн говорил, что уделил в романе своему отцу достаточное количество страниц.

Мать, Энна Абрамовна, урожденная Прилуцкая, по образованию педагог, была директором дома для малолетних нарушителей. После ареста мужа она с ребенком скрывалась у своих родственников на Украине, вернув себе девичью фамилию, сына она тоже записала Прилуцким, чтобы оградить

от возможных преследований. Впоследствии писатель вернул себе фамилию отца. Горенштейн не только вернул «неблагозвучную» фамилию отца (а также еще и имя Фридрих – мать назвала его для «конспирации» Феликсом), но и, позднее, категорически отказался от литературного псевдонима. «В 1964 году при первой моей публикации рассказа «Дом с башенкой» в журнале «Юность» мне дали заполнить анкету автора, – вспоминал он. – Там был, естественно, пункт «фамилия, имя, отчество» и другой пункт – «псевдоним». Я знал, где нахожусь. Энтузиазм Маяковского «в мире жить без России, без Латвий единым человечим общежитьем» давно разбился о быт. Я посидел минут пять и сделал в пункте «псевдоним» прочерк».¹

Перед самой войной Энна Абрамовна с девятилетним мальчиком скрывалась в Бердичеве у своих сестер, но уже очень скоро вынуждена была покинуть этот город. Горенштейн писал: «Восьмого июля 1941 года, через 17 дней от начала войны, танки немецкой дивизии победным маршем ворвались в Бердичев, «стратегически важный объект», как обозначен был Бердичев на оперативных немецких военных картах. А стратегического было в Бердичеве – только старьевщики и их клиенты. «Веселые немцы... ехали на танках и грузовиках, смеялись и кричали: «Juden kaputt!»² Фридрих рассказывал, что чуть было тогда не погиб от разорвавшейся рядом бомбы. Им удалось с матерью сесть в последний эшелон, отправляющийся в эвакуацию.

Однако самое жестокое испытание для мальчика было еще впереди. Мать заболела и умерла прямо в поезде. На какой-то станции ее вынесли из вагона, а девятилетнего Фридриха отправили в детский дом. Так рассказывал он мне эту историю. Я не случайно останавливаюсь на этом трагическом факте, поскольку это факт не только биографический, но и литературный. Он лег в основу рассказа, благодаря которому советский читатель впервые познакомился с творчеством Горенштейна – «Дом с башенкой», и наложил неизгладимый след на все его творчество.

В рассказе «Дом с башенкой» мальчик едет с мамой в поезде в Сибирь в эвакуацию. Она заболевает, на какой-то станции ее на носилках уносят и везут в больницу. Мальчик тоже выходит из поезда, мечется по городу в поисках единственной в городе больницы, куда увезли мать, и не может ее найти. Он плутает вокруг городской площади у противоположной стороны вокзала, на которой стоит старый одноэтажный дом с башенкой, и у которого старуха торгует рыбой. Он, наконец, находит больницу (нужно

---

¹ Ф. Горенштейн, Товарищу Маца – литературоведу и человеку, а также его потомкам. Зеркало Загадок, Литературное приложение, Берлин 1997.

² Ф. Горенштейн, Как я был шпионом ЦРУ, Зеркало Загадок, Берлин 2000, 9.

было, оказывается, на этой площади сесть в автобус и ехать довольно далеко), в которой мать умирает у него на глазах. И вот он снова на площади, которая, как ему кажется, покрылась теперь белым саваном: «Она была совсем незнакомой, тихой, белой. Дом с башенкой был другой, низенький, и очередь другая, и старуха больше не торговала рыбой». Рассказ «Дом с башенкой», напечатанный в «Юности» в 1964 году, остался единственной российской доэмигрантской публикацией Горенштейна. Анна Берзер, литературный редактор «Нового мира» времен Твардовского, в рецензии писала тогда: «Наивное, детское (да и не только детское) цепляние за проблеск надежды и жестокое, безжалостное, немислимое для детской души уничтожение этой надежды – вот что по существу составляет содержание рассказа «Дома с башенкой».

Действие рассказа отличается от реальных воспоминаний писателя. Вместо короткой сцены выноса тела матери, здесь долгие, мучительные метания по заснеженному городку. Впрочем, иногда мне кажется – может быть, виной тому воздействие художественности – что рассказ с его бесконечной станцией, привокзальной площадью, вагоном, в котором мальчик едет дальше один, то есть «художественная» правда, ближе к действительности, чем признавал сам писатель. Дом с башенкой, вокруг которого блуждал мальчик и зафиксировался в детском сознании как символ смерти матери, не придуман им, и остался тайным наваждением будущего писателя. Именно тайным, то есть правдой, которую он способен был высказать лишь в отчужденно художественной, фикциональной сфере. Может быть, где-то в оренбургской степи, в маленьком городке стоит старый одноэтажный дом с башенкой, символ внезапно грянувшей беды – панического сиротства и одиночества, к которому Горенштейн мысленно возвращался всю жизнь. Стоит, не ведая, какие силы всколыхнул.

В 1995 году Горенштейн ездил в Москву (в качестве члена жюри Московского кинофестиваля) и привез оттуда документ, свидетельствующий о том, что он был в эвакуации. Он тогда еще сказал: «Мать моя была мудрая женщина, обо всем позаботилась, везде, где нужно, меня вовремя зарегистрировала. Благодаря этому документу, я буду получать пенсию как жертва геноцида». Горенштейн получал эту пенсию до самой смерти, и она была основным средством существования последних лет. Значит, мать еще была жива некоторое время, когда приехали, и зарегистрировала там, где надо. Можно предположить, что эта регистрация произошла как раз в том городе, который фигурирует в рассказе.

В романе Владимира Брагина «В стране Дремучих Трав» (первое издание - 1948 год, второе – 1958) есть глава с названием «Дом с башенкой». Герой романа Сергей Думчев исчез из дома с башенкой в некоем городе

Ченске, однако любимая женщина ждет его и днем, и ночью у «бессонного окошка», и потому прозвали ее «вечной невестой». Рассказчику неизвестен адрес дома с башенкой. Но можно попытаться найти дом с башенкой. «Какой там адрес! Вот если идти отсюда налево, дойдете до переулка, а переулок выведет к площади, от нее бульвар идет, с бульвара повернете во вторую улицу – опять налево. С этой улицы, считай, третий переулок направо. Так вот, в этом переулке, на правой стороне, четвертый дом от угла забора. Дом с башенкой». Как видим, и здесь метания вокруг дома с башенкой, и невозможность найти, и мучительное желание найти. Рассказчик спрашивает себя: «Так зачем же я искал дом с башенкой?» И отвечает: «Главное, что вот-вот – и загадка исчезновения человека, может быть, перестанет быть загадкой». Наконец, нашел он дом с башенкой: «Постоял, прислушался. В домике было тихо. Слегка шумели тополя. Светило в палисадник бессонное окошко: кто-то кого-то ждал».

Горенштейн использовал брагинский (писатель любил Брагина) образ дома с башенкой как символ исчезновения и роковой безвозвратной потери. Горенштейн в 60-х годах написал для Андрея Тарковского сценарий «Возвращение» – продолжение своего рассказа «Дома с башенкой». Главный герой, уже взрослый человек, искал могилу своей матери и, как рассказывал Горенштейн, «утраченное время». Этот сценарий со «сложной психологией» нравился Тарковскому. Идею, однако, не удалось осуществить. В памфлете «Товарищу Маца» Горенштейн написал: «...Мои матери – где-то под Оренбургом, могила отца – где-то под Магаданом. Я поставил им памятники: матери – роман «Псалом», отцу – роман «Место».

Десятилетний мальчик был отправлен в детский дом. К концу войны детей, которые помнили, из каких мест они родом, отправляли в детские дома «по месту жительства» в надежде, что найдутся какие-нибудь родственники и заберут ребенка. Фридрих, конечно, помнил, что родился в Киеве, и его распределили в какой-то детский дом на Украине. Его и в самом деле отыскивали сестры матери из Бердичева – Рахиль и Злота. В своей пьесе «Бердичев»³ он оставил им подлинные имена. Тетки вернулись в Бердичев из эвакуации в 1944 году, сразу же после его освобождения, и застали пустую разоренную квартиру. У младшей сестры, Рахили, муж ушел добровольцем на фронт и погиб под Харьковом. Нужно было содержать, кроме Фридриха, двоих своих детей, так что жили в постоянной нужде. Старшая сестра, Злота, старая дева, считала себя опекушкой Фридриха. Она зарабатывала шитьем, что было рискованно в сталинские времена.

---

³ Пьеса «Бердичев» была впервые опубликована в 1980 году в Тель-Авиве в журнале «Время и мы».

После скитаний и долгих детдомовских лет мальчик оказался в кругу родственников, в пестрой обстановке послевоенного быта с портретом Сталина над старым продавленным диваном и гипсовым бюстом Ленина на буфете. В ремарке к третьей картине пьесы «Бердичев» Горенштейн описывает накрытый в честь новогоднего праздника стол «в духе роскоши 46-го года»: «Стоят эмалированные блюда с оладьями из черной муки, тарелка тюльки, несколько банок американского стуженного молока, жареные котлеты горкой на блюде посреди стола, картошка в мундире, рыбные консервы, бутылка сидра и бутылка спирта». За столом дружно и вдохновенно звучат застольные песни на смешанном русско-еврейско-украинском немыслимом языке, своеобразном явлении советско-еврейского конгломерата, густо замешанном на неповторимом местном колорите. Поют песню о Сталине на идише, «шедевр» еврейского фольклора:

Лоз лыбен ховер Сталин, ай-яй-яй-яй, ай.
Фар дем лыбен, фар дем наем, а-яй-яй-яй.
Фар Октябрь революци, ай-яй-яй-яй-ай.
Фар дер Сталинс конституци, ай-яй-яй-яй.

(Пусть живет товарищ Сталин, ай-яй-яй-яй-ай. За жизнь новую, ай-яй-яй-яй... За октябрьскую революцию, за сталинскую конституцию, ай-яй-яй-яй). Тут же дружно подхватывают песню о вожде народов, уже по-русски: «Встанем, товарищи, выпьем за Сталина, за богатырский народ, выпьем за армию нашу могучую, выпьем за доблестный флот...»

В пьесе «Бердичев» Рахиль и Злота выходят на балкон и наблюдают за дракой во дворе «дружбы народов» – украинского, русского и еврейского. Злота, в отличие от взрывчатой «огненной» Рахили, медлительна, и к тому же она плохо слышит. Она подносит ладонь ко лбу козырьком, прикрываясь от солнца, чтобы лучше видеть.

Рахиль. Гоем шлуген зех...

Злота. Что такое?

Рахиль. Гоем дерутся...

Колька (лейтенанту). Оторвись!

Злота. Вус эйт «оторвись»?

Рахиль. Оторвись – эр зол авейген... Чтоб он ушел.

Злота. Ну, так пусть он таки уйдет... Пусть он уйдет, так они тоже уйдут...

Рахиль. Ты какая-то малоумная... Как же он уйдет, если они дерутся?..

Злота. Чуть что, она мне говорит – малоумная... Чуть что, она делает меня с болотом наравне...

Рахиль. Ша, Злота... Ой, вэй, там же Виля...

Злота. Виля? Я не могу жить...

Рахиль. (кричит). Виля, иди сюда... я тебе морду побью, если ты не пойдешь домой.

Виля. Оторвись!

Рахиль. (Злоте). Ну, при гоем он мне говорит: оторвись... Язык чтоб ему отсох...

Витька. (лейтенанту). Оторвись!

Лейтенант. (озверев). Под хрен ударю!

Злота. Что он сказал? Хрон?

Рахиль. (смеется). Ты таки малоумная. Оц а клоц, ын зи а сойхер...

Бердичевская квартира в сером кирпичном доме с «пузатыми» железными балконами и длинными деревянными верандами, выходящими во двор, стала для Фридриха приметой домашнего очага. Он впоследствии воистину воспел Бердичев. Если бы бердичевляне знали, как он описал их город в романе «Попутчики» (о пьесе «Бердичев» уже и не говорю) с его старой водонапорной башней, которая видна была отовсюду, узорными чугунными оградами и старинными мостовыми, изумительной красоты православным кладбищем, с его особой атмосферой и исторической судьбой, то они поставили бы памятник создателю неповторимого образа Бердичева.

Когда я однажды рассказала Горенштейну, что предки мои по материнской линии (Лернеры) – выходцы из Бердичева, откуда во второй половине 19-го века во время русско-турецкой войны отправились они в Бухарест, он сказал мне: «Если ваши предки жили в Бердичеве, то это значит, что они были свободными людьми! Без гетто-комплекса маленьких местечек с их гнетущей подавляющей атмосферой, страхом перед внешней средой и внешним окружением. Это ведь был в России единственный крупный город со своей большой ярмаркой и городскими привилегиями, который был доступен евреям, где они могли свободно себя чувствовать».

Пьеса «Бердичев», написанная в 1975 году, имела в театральных кругах Москвы не меньший успех, чем пьеса «Волемир» (1964), о которой ещё скажу ниже. Марк Розовский во время чтения не смог ее дочитать – заплакал, и пьесу дочитывал сам автор. Виктор Топоров в некрологе Горенштейну, «Великий писатель, которого мы не заметили» («Известия», 12 марта 2002 года) назвал «Бердичев» одной из вершин творчества писателя. В свое время кинокритик Александр Свободин отмечал, что пьеса недостаточно оценена – она «превосходит то, что сделал Бабель в описании своих классических персонажей еврейского быта». Сам же Горенштейн

категорически отказывался от сравнений «Бердичева» с произведениями Бабеля, считая, что его «еврейская идея» находится «в другом измерении». Впрочем, приведу случай с Горенштейном во Франкфурте-на-Майне. Когда в одной галерее его спросили, «откуда у него такое имя» – Фридрих, он ответил: «В России у меня было имя Исак. Фамилия – Бабель. «Фридриха» купил за десять тысяч марок».

В одной из своих последних работ, эссе «Как я был шпионом ЦРУ», писатель постоянно возвращается к довоенному и послевоенному Бердичеву, создавая его особую городскую семантику в лучших традициях писателей-урбанистов. Он сокрушается, что снесли красавицу водонапорную башню, уничтожили бульвары, вырубил старые каштаны, разрушили старые дома в стиле барокко и рококо.

«Такие дома барокко и рококо с ажурными балконами, в которых еще успели пожить Рахиль и прочие персонажи моей пьесы «Бердичев», теперь разве что в Берлине, Вене, Милане и прочих подобных городах увидишь... В бывшем городе Бердичеве, еще с башней, бульварами и домами в стиле рококо и барокко, чудные старики старьевщики ходили по мощеным старым булыжным улицам и к радости детворы кричали: «Айн галош – а ферделе! Один галош – лошабочка!» И детвора сбегалась со всех сторон, несла старые галоши, старые башмаки, позеленевшие медные шпингалеты, ржавые замки... А в оплату получали глиняных лошадок, глиняных коровок, куколок, свистулек, сладких красных и зеленых петушков и рыбок на палочке, а кто был поразумней и поэкономней, брал копейку. Эта еврейская жизнь веками цепко, как растение у забора, цвела и цеплялась корнями, изо всех сил пила соки этой благодатной Божьей земли, невзирая на все погромы, порубки и злобу «коренных» дубов и колючих кустарников, желавших все Божьи соки пить самим».

Страницы о Бердичеве в романе «Попутчики»,⁴ на мой взгляд, одна из вершин творчества Горенштейна. Главный герой романа, писатель Феликс Забродский, оформил командировку в Здолбунов, казалось бы, без всякой необходимости. Заказанный издательством фелетон он вполне мог бы написать и без посещения «места происшествия». Однако была у него для поездки тайная причина: «захотелось опять проехать ночью мимо маленьких станций юго-запада, особенно, мимо Бердичева». На подъезде к станции герой размышляет о городе, в котором жил всего четыре года в ранней юности. Тем не менее, всегда, когда он подъезжает к Бердичеву (что случа-

---

⁴ Впервые отрывок из романа «Попутчики» («Попутчик до Здолбунова») был опубликован в Нью-Йорке в журнале «Слово», полностью роман вышел небольшим тиражом в 1989 году в Лозанне

ется редко), его охватывает ни с чем не сравнимое волнение. Он сожалеет о том, что само название города стало символом комически-постыдного. Несправедливо обиженный, затравленный город, думает он. Поезд стоял у станции «Бердичев» всего три минуты. Бердичевляне на перроне непрерывно кричали, выкрикивали имена, звали, искали друг друга. Забродский вдруг, неожиданно для самого себя, в смятении чувств, бросился к двери и, держась за поручни, подавшись вперед, насколько возможно, стал «выкрикивать» свое собственное имя. «Забродский, Забродский, Феликс Забродский!», – кричал он самозабвенно. «Пусть мое имя и фамилия окунутся в бердичевский воздух, поплывут в нем вольным стилем, обогнут здание вокзала, приземлятся на бердичевский бульжник, поскачут по трем городским бульварам, которые тянутся от самого вокзала к центру далее к тому месту, где стояла ныне покойная, знаменитая бердичевская водонапорная башня, сложенная из серого старинного кирпича». На такой пронзительной феллиниевской ноте произошла встреча с Бердичевым. (Сохранился видеofilm, где я, на последнем чтении Горенштейна осенью 2001 года в книжном магазине Нины Гебхардт «Радуга» в Берлине, читаю эту сцену, и писатель слушает и плачет).

...Поезд медленно тронулся, и в который раз появилось непреодолимое желание сойти с поезда и уйти вглубь города, окунуться в него и, может быть, пройти к дому, где жил в юности, и где не осталось никого из родственников и близких. «Пока не поздно, пока поезд движется медленно, хорошо бы сойти, снять номер в бердичевской гостинице, утром погулять по бульварам, потом пойти в гости к Гуманюку в его кулацкую хату, сделанную по-хозяйски, крытую цинком. Выпить сахарного самогона, поесть великого сала, поесть жирных баклажан, поесть вареников с вишнями. Нет, опять я проехал мимо Бердичева. Сегодня буду ночевать в гостинице города Здолбунова Ровенской области. Потому что у меня нет сил жить в бердичевской гостинице. В Бердичеве я мог бы спать только в домашних условиях».

Однако вернемся к юному Горенштейну. В Бердичеве он учился в школе и получил аттестат зрелости. Злата и Рахиль понимали, что дать высшее образование сыну «врага народа» будет трудно. В пьесе «Бердичев» Злата говорит о Виле (в этом подростке мы узнаем самого автора): «Пусть ваши дети будут слесари, а Виля будет большой человек, большой врач или большой профессор, как его отец. Люди еще лопнут, глядя на него».

Сын «врага народа» мог поступить либо в мукомольный, либо в горный институт. Горенштейн поступил в Днепропетровский Горный институт. Могу себе представить, с какими слезами и напутствиями отправляли юношу поступать в «шахтерский» институт. У Злоты были серьезные основания для беспокойства: Фридрих в детском доме болел полиомиелитом (во

время войны прививок не делали) и с тех пор едва заметно прихрамывал. «С такой ногой только на шахте работать!» – причитала Злота, – врагам моим такого не пожелаю!» Однако снарядили в дорогу, дали целую сумку с продуктами. Там, в этой сумке, чего только не было: и банка гусиного жира со шкварками и жареным луком, и коржики, и банка свежесваренного варенья из крыжовника, и жареная курица. А в институте выдали нарядный черный мундир с золотыми погонами. Правда, Фридрих надевал его только по торжественным дням, а в остальное время носил коричневую вельветовую куртку, которую сшила ему Злота.

* * *

В 1955 году Фридрих Горенштейн стал обладателем диплома горного инженера и получил распределение на шахту в Кривой Рог. Отсюда у автора будущего романа «Зима 53-его года» знание шахтерской профессии. Герой повести – его зовут Ким – как и автор, личность с неподходящей анкетой, у него также репрессированы родители. Обвиненный в космополитизме, Ким отчислен из университета (он проявил самостоятельность мысли, заявив однажды, что Ломоносов ошибся, считая источником подземного жара горение серы). Ким, сын «врага народа», работает на шахте под постоянной угрозой ареста и в конце повести погибает. Примечательно, что герой так же, как и Фридрих (в честь Энгельса), назван в духе времени. Ким – аббревиатура. (Коммунистический союз молодежи, как известно, до войны назывался Коммунистическим интернационалом молодежи, сокращенно КИМ).

Высказывания критиков, звучавшие в 60-х годах как политический донос, о том, что труд советского человека в этом романе показан хуже подневольного каторжного труда в сталинских лагерях, вполне справедливы. Безысходное положение, в котором, находился Ким, ничуть не лучше положения Ивана Денисовича из повести Солженицына. Более того, в то время, как у Ивана Денисовича остается хотя бы надежда выжить и освободиться, «свободный» Ким знает, что надежды нет – «освободиться» можно либо в лагерь, напрямик к Ивану Денисовичу, либо в смерть, что, собственно, и произошло, когда исчезла последняя опора жизни – любовь к ней. «Когда природа отказывает ему в праве любить себя, любить воздух, воду, землю, он гибнет. И чем чище и нравственней человек, тем строже с него спрашивает природа, это трагично, но необходимо, ибо лишь благодаря подобной немолимой жестокости природы к человеческой чистоте, чистота эта существует даже в самые варварские времена». (Зима 53-го года).

Мне кажется, что Горенштейн в «Зиме 53-го года» откровенно «намекал» на знаменитую повесть Солженицына и даже полемизировал с ней.

Дескать, зачем далеко ходить? Вы пишете об экстремальных условиях в сталинском подневолье, а я докажу, именно докажу, что на воле бывало не лучше. Смерть Кима, говорит писатель, «страшнее любых земных мук». Как бы не издевались над человеком, он, «искалеченный раскаленным железом, терзаемый стыдом, унижением, болью по невозвратному, очнувшись или забывшись в промежутках между пытками или приступами боли, в течение часа или долей секунды, а это не важно, потому что время условно, может увидеть либо представить себе родные ему лица, глотнуть свежего воздуха, наконец, просто лечь поудобнее».

Намеренно провожу эти «параллели», поскольку оба произведения предназначались для премьеры в «Новом мире» с временным промежутком всего лишь в три года. Впрочем, для эпохи уходящей «оттепели» – это солидное временное расстояние. Литературный редактор судьбоносного тогда журнала Анна Берзер «Ивана Денисовича» сумела «протолкнуть» (а, как потом стало известно, повесть Солженицына была опубликована еще и по личному распоряжению Хрущева), а «Зиму 53-го года» – «протолкнуть» не смогла. Во вступительной статье Инны Борисовой к книге Анны Берзер «Сталин и литература»,⁵ рассказывается о скандале, возникшем в «Новом мире» в связи с тем, что Анна Самойловна приложила максимум усилий для того, чтобы опубликовать повесть «Зима 53-его года». «Ей не удалось опубликовать повесть Фридриха Горенштейна «Зима 53-его года. Эта история едва не окончилась уходом ее из журнала. Но Твардовский ее не отпустил».

Нахожу расхождения в воспоминаниях Инны Борисовой с рассказом самого Горенштейна об этих событиях в его эссе «Сто значит?»: «Анна Самойловна Берзер, редактор отдела прозы «Нового мира», через головы членов редколлегии дала прямо Твардовскому рукопись неизвестного рязанского учителя Солженицына. «Я была уверена – Твардовскому понравится, сказала она мне, – а вашу рукопись «Зима 53-го года» я дать не могла, не была уверена, понравится ли». (Твардовскому она не понравилась). Самой Анне Самойловне рукопись нравилась, но некоторое время спустя она сказала, что разочаровалась во мне. Я критически отозвался о художественности сочинений Андрея Синявского, а Андрей Синявский был тогда для интеллигенции святым: жертва нашумевшего процесса. Прошло еще некоторое время, и при случайной встрече (я не встречаюсь с теми, кто во мне разочаровался) Анна Самойловна Берзер заявила, что должна извиниться передо мной: относительно Синявского я был прав – «отвратитель-

---

⁵ А. Берзер, Сталин и литература, Звезда, №11, 1995. Вступительная статья редактора «Нового мира» тех лет Инны Борисовой. Инна Борисова была другом Фридриха Горенштейна.

ная личность». (Я не о личности говорил). Андрей Синявский в то время уже был в Париже, где купил дом, преподавал в Сорбонне и писал критические статьи в издаваемом им журнале «Синтаксис» об идеях Солженицына. Лет пятнадцать спустя, вновь приехав в Москву после долгого перерыва, я из-за занятости не позвонил Анне Самойловне, и потом мне сказали, что она обижается, почему не позвонил, не встретился. Да, это моя вина, которой не искуплю, поскольку вскоре Анна Самойловна умерла.

В этих записках Горенштейна ощутима его обида на редактора, не пожелавшего его, Горенштейна, так же настойчиво отстаивать, как Солженицына (а так же Некрасова, Домбровского, Войновича и др.) и отважно передать его рукопись «через головы редакции Твардовскому», тогда как Солженицына не только отстоять сумела, но и терпеливо редактировала незрелую, неготовую рукопись, бесконечно правила, переправляла, переписывала. Мне, разумеется, все это известно со слов Горенштейна. Анна Самойловна была талантливым литератором, а возможно, даже и писателем и умела «переписывать» чужие рукописи не хуже Салтыкова-Щедрина.⁶ Примечательно, что она настойчиво и бесстрашно сражалась за Солженицына спустя всего лишь восемь месяцев после скандала с рукописью Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», возникшего в журнале «Знамя» и последовавшего затем ареста рукописи и копии. Позиция Горенштейна объяснима: Анна Самойловна была в восторге от его «Зимы 53-го», которая, к тому же, не нуждалась в редакторской правке, однако бороться за Фридриха, за судьбу его книги, не хотела. Так считал Горенштейн.

В этих непростых отношениях Горенштейна с литературным редактором «Нового мира» отражено назревающее противостояние между ним и той самой диссидентствующей «вашей интеллигенцией», апологетом которой Анна Самойловна была.

* * *

С каким чувством Фридрих спускался в черную глубину шахты, подальше от «воздуха, деревьев и звезд», можно только догадываться. Рассказывать о работе на шахте он не то, что не любил – категорически не хотел. Когда я попросила Горенштейна подробнее рассказать о работе на шахте, он ответил мне только: «Читайте внимательно «Зиму 53-го года». Часто он напевал песню из кинофильма «Шахтеры», что в контексте берлинских

---

⁶ Редактор журнала «Отечественные записки» Салтыков-Щедрин умело редактировал своих авторов, так что в Петербурге удивлялись, почему автор, допустим, Х, как в другом журнале публикуется, так плохо пишет, а как в «Отечественных записках» публикуется - так хорошо пишет.

реалий, а также моих познаний о каторжном труде на шахте из романа Фридриха, слушалось, как фантазмагорические солярисовские мотивы:

Спят курганы темные,
Солнцем опаленные,
И туманы белые
Ходят чередой.

Через рощи шумные,
И поля зеленые
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Я тоже помнила слова песни Бориса Ласкина, и затем мы уже пели вместе песню о романтике шахтерского труда:

Там на шахте угольной
Паренька приметили,
Руку дружбы подали,
Повели с собой.

Девушки пригожие
Тихой песней встретили,
И в забой отправился
Парень молодой.

Фридрих, как и его герой Ким, попал в аварию: в шахте случился обвал. Целые сутки он простоял в забое по колено воде (к тому же еще и повредив и без того больную ногу), пока его оттуда не вытащили. Больная нога беспокоила его до конца жизни. «Дни работы жаркие, на бои похожие, в жизни парня сделали поворот крутой», причем, поворот не менее крутой, чем когда-то бесконечное кружение вокруг дома с башенкой. Полагаю, что с «Зимой 53-го года» произошло то же, что и с «Домом с башенкой» – говорить о самых тяжелых этапах своей жизни писатель мог только языком литературы.

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ

МОЙ ПЁС

Мине и Боре

Мой частый спутник, верный пёс,
ты дружбою моей отмечен.
Твой взгляд моим очеловечен –
он проникает, как наркоз.

Мы вместе коротаем дни.
Тебе я поверяю тайны
и это, явно, не случайно.
Людские дружбы – где они?

Не думаю о них всерьёз.
Мой пёс! При мне ты горд, спокоен,
похвал за выдержку достоин –
вдыхает всё твой влажный нос.

Когда ты чувствуешь беду,
не ласшь и вздыхаешь только
и неприятностей осколки
проглатываешь на ходу...

По вечерам с тобой бредём
в жару и холод, в град и ливень.
Мой собеседник молчаливый,
тебя я приглашаю в дом.

И грязь с твоих смывая лап,
уверен: ты всегда мне нужен,
с тобой делю свой скромный ужин,
под твой я засыпаю храп.

* * *

А. Ленину

Не строить планы наперёд.
Не ускользать из плена быта.
Непредсказуемость закрыта
на свой последний оборот.
К чему нелепая возня
над тем, что приключится завтра,
что приготовит Главный Автор,
чем угостит дыханье дня?
Один случайный эпизод
лишь симулирует удачу.
Строфу кудрявить и рифмачить –
не значит, что успех придёт.
И не растягивать меха,
вращая циферблат событий...
Приятель! Вы меня простите
за назидательность стиха.

* * *

Прошу, улыбнись.
За окном расцветает каштан.
Зажёт он свои белокудрые длинные свечи,
которые не замутит серебристый туман
и даже, подёрнутый мглой, наступающий вечер.

Прошу, улыбнись.
Ты красива, как в мае весна.
Не стоит пенять на летящие бешено годы.
Тоску погаси и спокойно взгляни из окна
на то, что творится сегодняшним маем с природой.

Прошу, улыбнись.
Впереди ещё множество дел,
такой же весною задуманных, кажется, все.
Ты помнишь, как Ангел на нас восхищённо глядел,
и ласково сверху воздушные слал поцелуи.

Прошу, улыбнись...

* * *

Дождь лето простудил.
Посеял щедро насморк.
Отнял остаток сил.
Дыханье бросил в астму.
И колокольный звон
от дождевых наветов
вдруг превратился в стон
и в реквием по лету.

* * *

Тупое лезвие печали!
Ты, как секиру, держишь власть.
Всё, что мне Музы нашептали,
ты отвергаешь, как напасть.
Сбиваешь ритм и дыханье.
Находишь дверь в моё нутро.
Своей бетонной жёсткой дланью
бьёшь апперкотом под ребро.
Совсем не признаёшь морали.
Ты против совести большой...
Слепое лезвие печали,
Не потешайся надо мной.

* * *

Паучьей хваткой боль впилась
и вяжет паутину.
Какой напор, какая страсть –
путь выбирает длинный.

Прильнёт к затылку горячо, –
и голова в угаре.
К спине нырнёт через плечо,
и по ногам пошарит.
Но как её мне обуздать,
остановить зверюгу?
Слегка отпустит и опять
несётся круг за кругом.

* * *

На всё вокруг гляжу трезвей
и ввязываться в спор не смею,
но с колокольни, со своей –
с прищуром старого еврея.

Всегда найдётся без меня
и разрушитель, и ваятель.
И искру своего огня
по пустякам не стоит тратить.

Без напряженья, без труда,
я в книгах подмечаю что-то.
Достаточно мне иногда
тиснения на переплётах.

Метафор кутерьма, размах,
глагольных рифм столпотворенье –
не тронут, не сведут с ума –
поколебать не смогут мнение.

А информации поток
с экрана, прессы – где-то, мимо.
И то, что слушать раньше мог,
теперь уже невыносимо.

С годами, что ли, стал мудрей,
спокойней окунаюсь в Лету.

Как рассудительный еврей
в закатах чувствую рассветы.

ДЕНЬ ДОГОРЕЛ ДОТЛА...

День догорел дотла. И очередь луны
Дорогу проложить внимательно, дозором,
восторгом одарив нахлынувшие сны.
Соблазны распалив нескромным уговором...

День догорел дотла. И подведён итог,
увы, невстречам, пораженьям и задачам,
найдя метафоры, поправив сбои строк
в стихах болезненных: поспешных и горячих...

День догорел дотла. Его не вернуть.
Не стоит карусель раскручивать сначала.
Зачем дразнить клубком запутанную нить
и снова семенить к последнему причалу...

День догорел дотла. Слова сорвались с уст.
Возможно, сгоряча. Прощенья ждать не надо.
Всё то, что день принёс, останется, но пусть
в слезе гербария потупленного взгляда.

РОНДЕЛЬ

Твой взгляд опущен перед сном,
в нём пожеланье доброй ночи.
Так, молнией улыбку корчит,
уставший от раскатов гром.

Я знаю точно: коль потом
нагрянет пасмурный денёчек,
ты взглядом хмурым перед сном
мне пожелаешь доброй ночи.

Усилится бровей излом,
прекрасные поднимешь очи,
Уста чего-то напророчат...
И, как нетленность аксиом,
мне пожелаешь доброй ночи.

ВЕСЕННИЕ ЯМБЫ

Обильные дожди спешат пролиться вволю.
Они несут собой природы щедрый дар.
Под занавес хотят, своей увлекшись ролью,
ненадолго продлить законный месяц март.

Он всё равно уйдёт и с первого апреля
мы жизнь переведём на целый час вперёд.
И юная листва зелёной акварелью
напомнит, что весна заждалась у ворот.

Когда под утро ночь рассыплется рассветом,
и в памяти никак не восстановишь сон,
нам день преподнесёт апрельские приметы
и свежестью весны всяк будет восхищён.

Вот настороженно прошествует сорока
и солнца нервный луч ударит по окну.
Всё существо тогда пронзит весенним током
и улиц суэта проглотит тишину.

МОЯ ДОРОГА

Среди вихляющих дорог,
желаний робких и возможностей,
не остановит стон и вздох,
на всех развилках, с пастью ножничной,
ни по ногам бегущий ток

стовольтового напряжения,
ни захлебнувшийся зевок,
ни задохнувшееся мнение...

Дорога преподаст урок,
то медленней, то суетливее,
глота мысли между строк,
жару размешивая с ливнями.
И размышления презрев,
(к чему пустая демагогия!),
преодолея её рельеф:
благодарю за это Бога я!

из цикла «Берлинские этюды»

* * *

Укрыта пеленой берлинская лазурь,
из мешковины – драпировкой рваной,
и стаи туч друг к дружке жмутся рьяно,
и небо ухмыляется обманно...
Укрыта пеленой небесная лазурь,
и кажется, вот-вот начнётся приступ бурь.

Лазейку разыскав, прорвался солнца луч
и нервно заметался по орбите,
вшил в темноту свои золотые нити,
он выступил, как явный ночи мститель...
Лазейку разыскав, прорвался солнца луч,
небесную лазурь освободив от туч.

И, в общем-то, совсем не в этом суть,
а в том, что проявив великодушие,
озябшие согрело солнце души,
дыханье неба помогло прослушать...
И, в общем-то, совсем не в этом суть:
теперь нам легче разглядеть свой путь.

Угадать победителя
в их марафоне не просто.
Небо, им подмигнув,
указало в пространстве мишень.
Бьют на кирхе часы,
приближая нас к солнца закату,
И фонтанные струи
опустятся вниз виновато...
Сожалею о том,
что скончался божественный день.

АНЖЕЛЛА ПОДОЛЬСКАЯ

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Время в этом мире течёт медленно. Долгая, бесконечная вереница дней. Ничего не меняется. Десять, сто, тысячи лет. Покой, сменяемый штормом... Цунами, умиротворённое человеческими жертвами... Некий, кем-то задуманный раз и навсегда, алгоритм. Со временем все смиряются. А что еще остаётся?

И море, с годами смирившееся, становилось всё старше, и скалы, нависшие над ним – всё мудрей. А ленивая Волна всё продолжала играть с Камнем. Им всегда было хорошо вместе. Они так привыкли друг к другу. Ведь они не знали иного. Им не нужно было сбрасывать одежды, притворяться. Тела их были немолоды и разношены. Им нечего было стесняться.

Медленно лаская Камень, Волна то набегала, то снова удалялась. «Когда же она насытится, успокоится?» – думал Камень. И смеялся. Его тело помнило. Ничего не забыло. А над ними было небо – свидетель их любовных игр. Это была трудная любовь. Любовь-притяжение, любовь-отталкивание, сохраняющая равновесие. Вечно длящиеся страдание и надежда. Иногда горячий воздух так раскалял Камень, что от прикосновения к нему Волна закипала. Не в силах успокоить сумасшедший ритм своего сердца, она с яростью набрасывалась на него, билась и билась, превращаясь в пену. Когда же ночь подходила к ним близко-близко, остывая, они согревали друг друга накопившимся теплом и любили всё той же нежной, первозданной любовью. Все различия между ними исчезали, становились ничем. Их ленивый шёпот гармонировал с темнотою ночи, а свет луны сиял приглушённо. Они были одни. Без посторонних глаз. И когда Волна порывалась что-то сказать ему, Камень обрывал её: «Молчи. Молчи. К чему слова? Не существует тебя. Нет меня. Есть – мы». Но она всё равно шептала: «Люблю. Я – Вода. Да растает весь мир! Зачем стесняться, уходить от любви? Пусть всё вокруг нас исчезнет. Никого. Только мы с тобой». Преодолевая печаль, он просил: «Тише. Ты потревожишь Ветер, и он разбудит Солнце. Оборвётся слияние наших душ».

Ещё были звёзды, но уже бледнела Луна. Из-за горизонта медленно выплывало Светило, и свежее утро развенчивало иллюзию ночного умиротворения.

МНОГОТОЧИЕ

Какое счастье, что память возвращает нам прошлое не для того, чтобы переделать его, а лишь затем, чтобы осмыслить, оплакать и понять. Мы в ответе за всё – за каждый поступок и за каждое слово...

Надежда Мандельштам

Поздний звонок не оторвал её ни от сна, ни от каких-либо других дел. Лишь от скучного чтения с сиюминутным сюжетом, о котором, закрыв последнюю страницу, больше не вспомнишь.

– Алло... – полувопросительно произнесла немолодая женщина, сняв трубку.

– Здравствуйте! Это я.

Голос, который она узнала бы из тысячи, не заставил её вздрогнуть, не свёл горло судорогой.

– Плохо слышно. Попробуйте позвонить ещё раз, – произнесла она стандартную фразу на двух языках и положила трубку. Всё-таки ей требовалась минутная передышка, чтобы справиться с небольшим замешательством. Она не слышала этот голос много лет и думала, что, возможно, не услышит его больше никогда. Хотя, нет. Она вообще не думала об этом. Это тайлось глубоко, на самом дне её души. Она чувствовала, что последует второй звонок, и «валять дурочку» ей как-то не к лицу. Он не заставил себя ждать.

– Добрый вечер. Хотя у нас уже глубокая ночь, – и он назвал своё имя.

– Кто? Ах, да, конечно...

– Не узнали? – полунасмешливо спросил он.

– Узнала. Впрочем, ваш голос несколько изменился. Появился новый тембр.

– А вот ваш – всё тот же. Совсем не меняется.

– Иллюзия. Всё меняется в жизни. Пристрастия, привязанности, вкусы... предпочтения. Всё проходит.

– Но что-то, всё-таки, остаётся неизменным?

– Что же? Удивите меня...

Словесный поединок, нескончаемый спор, о чём-то далёком, известном только им, соединил два континента. Слова, слова... Вместо точек – много-точия. Короткие паузы сменялись долгим молчанием, но не бестелесным,

а с его энергетикой и концентрацией. Молчанием, соединяющим пространство между ними.

Он не видел её лица, но представил себе, будто касается нежной кожи, скользя губами по длинной белой шее, теперь уже, наверное, морщинистой. И про себя, вновь проговаривал слова, которые никогда и никому больше не говорил. «Почему эта женщина, гораздо старше его, старше тех женщин, которые были до неё, притягивает его всю жизнь? Что есть любовь? Чувство, которое нельзя заслужить или получить в благодарность? Возникающее из ниоткуда? Из воздуха? Из ничего? Химия, как теперь утверждают»...

Он прислушивался к своему внутреннему голосу, пытаясь попасть в тон, настроиться на её волну. Безуспешно... «Пора избавляться от ненужных эмоций». Но, как это сделать? Она осталась в его сердце. Эта любовь – через край, любовь – любой ценой, с кровью в словах и со своим приговором.

Они слушали музыку тишины, в которой угадывались невысказанные вслух мысли. Они понимали друг друга без слов.

– Я позвонил, просто... Хотел услышать ваш голос, – прервал он молчание.

– Я знаю.

– Как вы? Что – вы?

– Как? Что интересного в, почти, старости?

– Вам идёт старость.

– Вы сами не понимаете, что говорите. «Идёт старость!» Старость никому не может идти!

– А вам идёт!

Она рассмеялась своим волнующим, грудным смехом. «Мальчик вырос. Наверняка, уже весь седой», – подумала она и вспомнила, как много лет назад, покидая бывшую Родину, он сказал: «Каждый вечер – в одиннадцать». И каждый вечер, закрывая глаза, она чувствовала, что их соединяет мысленный диалог.

Она попыталась угадать его настроение. «Что в голосе моём тебе?» – хотела спросить, но промолчала. Их отношения, сложные, обреченные изначально. Нечто неизъяснимое, когда из тысячи рук узнаешь только одни. Отношения – на грани падения в пропасть. От болезненной ясности – абсолютно безысходные.

– Вы закрыли глаза? – вдруг спросил он. – Вы давно не делали это.

Она мысленно улыбнулась. Тому, как по прошествии десятилетий, они по-прежнему думают в унисон. Душа её отделилась от тела и устремилась в ночь, навстречу его душе. Вглядываясь в темноту, она хотела получше рассмотреть его. Хотя... Кто лучше её знал его? И наоборот.

– Я часто думаю о том острове. Вокруг вода. Помнишь? – сказал он.

– У вас по-прежнему проблема с единственным и множественным числами.

– По-прежнему. Это плохо?

– Это издержки...

И всё же он возник. Этот, проклятый комок в горле. Вот так всегда. В самую неподходящую минуту.

– Я всё помню, – продолжал он.

– Я тоже... ничего не забываю.

– Зная вас, уверен, что эта реплика далась вам с трудом, – с легкой иронией в голосе произнёс он.

– Нисколько. В моём возрасте я могу позволить себе быть более откровенной.

– Я... Я не знаю. Правильно ли поступил когда-то?

– Я знаю. Самое ужасное – жалеть о том, чего когда-либо не сделал.

– Почему?

– Это так очевидно. Правда жизни. У неё нет сослагательного наклонения. Жизнь, как глина. Мы лепим её сами, – задумчиво произнесла она.

– Многое зависит от обстоятельств... Я не смог вылепить... И всё-таки, счастлив.

– Чем же?

– Тем, что был остров. Где бы я ни был, ты всегда рядом. Мы «проросли» друг в друга. Даже не видя тебя, я чувствую твоё присутствие. Порой, не могу с этим жить. Существование. Но, всё же, счастлив. Потому что это было. И есть.

– Это было. Давно. – Она хотела напомнить, что это было его решение. Но, зачем? – Ну, всего... Желаю вам... – и она положила трубку.

Сколько ещё будет подобных полётов навстречу друг к другу? Во сне... Наяву... Сколько телефонных диалогов ожидает их? Возможно, ответ знал лишь ветер, кочующий в пространстве между ними.

ВИРТУАЛЬНЫЙ РОМАН

Рабочая неделя оказалась трудной и длинной, растянувшись до конца субботы. Обычно так бывает, когда в эксплуатацию сдаётся очередная версия математического обеспечения большой «ON-LINE» системы, в которой завязано много разработчиков. Что-то не стыковалось, вылетало на «защиту», «падало», и лишь ближе к полуночи всё заработало.

Едва переступив порог дома, Вера, не раздеваясь, вошла в сеть и про-

смотрела почту. Не найдя ожидаемого ею сообщения, прошла в ванную. Наскоро приняв душ и разогрев еду, с тарелкой вернулась к компьютеру. Общаясь с очередным собеседником-претендентом, тут же механически примеряя «на себя» его приметы, доедала вчерашнее жаркое. Периодически погружаясь в свои мысли, думала о том, что всё это, в сущности, самообман. Конечно, каждая женщина мечтает о принце. Ну, пусть не о принце, просто о мужчине. Чтоб был умён, не стар, немного разбирался в искусстве и, конечно, был честен. В отношениях. Да, она, тридцатитрёхлетняя (впору распинать), разведённая, обременённая шестилетней дочерью, живущей с её матерью, также пошла на эту авантюру – поиски женского счастья в Интернете. В принципе, романы, мимолетные и бессмысленные, не затрагивающие душу – это было не для Веры. Во всяком случае, прежде, когда тоска после мучительного развода навалилась на неё кошмарным сном. Как сказал при разводе бывший муж, она, Вера, была замечательной, красивой, красивее он никого не видел. Была талантливой, доброй, умной. Но, не мудрой. И потому их брак распался. Она долго «оттаивала». Была «вся» в работе, пребывала в книжном тумане и, казалось, была счастлива. Теперь же, задумываясь о дальнейшей жизни и желая завести, если не «роман», то хотя бы «повесть», стала осваивать новое для себя пространство. Анонимность происходящего давала некоторую свободу. Она разыскала посредническую фирму, предлагающую «счастье», оплатила её затраты и заполнила анкету:

«Вера. Шатенка, с глазами цвета свежескошенной травы. Тридцать три года, по зодиаку – Близнец. Обеспечена, имею маленькую дочь. Ищу мужчину, до сорока пяти, готового к серьёзным отношениям».

Когда «игра» началась, Вера не могла прийти к согласию с самой собой. Как она поведёт себя, если дело дойдёт до конкретных действий? Привлечь мужчину не сложно в любом возрасте, с любой наружностью. Но вот заинтересовать – способны единицы. При этом она понимала, что во всемирной сети девяносто девять процентов «соискателей» – ловцы женщин, от которых у неё сводило скулы. Хотелось бы попасть в оставшийся, один процент. Постепенно вошла во вкус, интернетный азарт овладел ею, и через некоторое время она уже не представляла себя без этих, ни к чему не обязывающих, бесед. Среди прочих, встречались довольно милые собеседники, с которыми даже было легко и просто. Она знала, что вероятность встречи с ними минимальна, и могла позволить себе расслабиться, спокойно рассказывая о прошлой жизни, и каких-то неудачах в настоящем. Она жила формой происходящего, а не его сутью, при этом испытывая некий кураж, именно потому, что всё это было ей не свойственно, не

в её натуре. Обычный, так – ни о чём, ничего не значащий интернетный треп, как например, сегодня:

«Привет. – Добрый вечер. – Добрый вечер? Скорее, доброй ночи. – Ах, да. Простите. Я только что с работы. – Не понял? Что это за работа такая, после полуночи, сударыня? Кажется, я помешал вам? – Работа, как работа. Не то, о чём вы подумали. И вы мне не помешали... – Сердитесь? Вам плохо? – Почему же? Не все так плохо. Иногда что-то меняется к лучшему, – врала она. – А вы хотели бы встретиться со мной? – Возможно. Пока не уверена. Привет. До связи».

Так всё, приблизительно, и происходило. После таких бесед, она размышляла: «Каков он, этот таинственный собеседник?»

Впрочем, сегодня, вглядываясь в монитор, она ждала того, который уже третью неделю не выходил с нею на связь. Три месяца отчаянной переписки, и – молчание. Вроде, она успела узнать о нём многое и, в то же время, знала ничтожно мало. Вспомнила, как началось их общение всего несколько месяцев назад:

– Здравствуйте. Вы кто? – спросил ОН тогда.

– А кто вам нужен? – Ей совсем не показался странным этот вопрос. Возможно, ОН сомневался в том, что попал куда следует.

– Кто мне нужен? Разве я знаю? Мне просто приснились ваши «E-Mail» и «ICQ». Извините, что побеспокоил. – После этих слов ОН отключился.

«Ничего себе, – подумала она. – Хорошенькое начало».

Несколько дней она не могла выбросить из головы этот случай, который её заинтриговал. А потом, ОН снова вышел на связь:

– Это, снова я. И мне опять приснился ваш «E-Mail».

Есть тонкая грань, почти невидимая, между «да» и «нет». Между «не знаю» и «согласна». Как трудно не преодолеть её. Даже в виртуальных отношениях существуют табу, которые не стоит преступать. А тем временем их отношения переросли далеко за рамки простого общения. В каждом слове – нежность. По полночи они говорили и не могли наговориться. Она писала ему: «...Когда успокоится эхо моего сердечного ритма, возможно, я и решусь... Не прячься за анонимность. Это зависит от того, насколько хорошо мы узнаем друг друга. От того, смогу ли полностью довериться тебе»...

Вера и не подозревала раньше, что ей доступен такой стиль, что она может писать о чувствах столь откровенно. Происходило что-то странное, чудо узнавания, открытие новых вкусов. Между ними возник какой-то химический контакт. Она только подумает, а ОН уже произносит, и наоборот. Ей хотелось длить эти мгновения. Это был роман. Почти. Правда, иногда у неё – бесконечно сомневающегося человека, где-то глубоко мелькала мысль, точно включался некий цензор: «Вероятно, я совершенно сошла с

ума – влюбиться в текст на экране?! Так не бывает. Возможно, мой собеседник, вообще, женщина, знающая все тонкости женской души не понаслышке и здорово играющая на этом? Может быть, бросить всю эту затею и сменить, пока не поздно «E-Mail»? И в том, что он перестал связываться с нею, она сама виновата?» Ведь не готова она была прервать эти вербальные отношения, находя веские причины и откладывая личную встречу. Вера вспомнила, как во время последней связи, ОН написал: «...Неужели, ты не видишь, что у нас далеко не всё нормально?! Ты не умеешь строить отношения, потому что ты – математическая женщина, просчитывающая каждый ход. У тебя слишком прагматичный ум. В тебе отсутствует компромисс между душевным и физическим. Вот если бы ты была гуманитарием. Ты запуталась...»

Да, она запуталась. Не могла уже не общаться с НИМ, на расстоянии. Чувствовала его сексуальность, которая выражалась в умении выражать свои мысли. Восхищалась им и даже желала. Но, не физически. Мешало отсутствие тактильных ощущений кожи, запаха. А может, она уже и не женщина вовсе? Перестала ею быть? Отвыкла? С головой ушла в математически идеальные отношения программных текстов? И всё, на что она способна, это лишь высокий стиль в словах, когда не видишь глаз собеседника? Кто способен насытиться подобными отношениями и не устать от них?

За этими размышлениями, она и не заметила, что ночь близится к концу. Ненавязчиво стал подмигивать «ICQ», но она не отозвалась. Быстро сменив его и «E-Mail», она подумала, что если ОН, всё же решится снова выйти на связь, то пусть его позывные растают во всемирной сети. Ей стало холодно. Ветер, раздувая занавески на окнах, врвался в комнату свежим воскресным утром. Она выключила компьютер и ушла в спальню.

ОПРОКИНУТЫЙ ДОМ

(Глава 5 из повести «Сёстры». Главы 1,2,3,4 опубликованы в альманахах «До и После» NN8–11)

Прошли годы. После смерти мужа Шарлотта Максовна болела. Резко постарев, теряла интерес к жизни, и Марьяна, несмотря на свою загруженность, боролась с этим. Закончив несколько лет назад институт, она стала руководителем группы проектировщиков, много работала, но о маме не забывала. Она заставляла Шарлотту Максовну больше двигаться, доставала необходимые лекарства, разные интересные статьи и толстые журналы. Прибегая к хитрости, пыталась её заинтересовать:

– Мамочка, ты же понимаешь, что у меня нет времени. Ты прочтёшь и

расскажешь мне самое главное, существенное. Вот я и буду в курсе последних литературных новинок.

Это срабатывало.

Жили все, по-прежнему, вместе. Светина семья увеличилась, у неё родилась вторая дочь, Юля. Теперь рассчитывать на помощь мамы и сестры, освобождавших её от домашних обязанностей, не приходилось. На помощь мужа – также. Свете пришлось вспомнить, что она – мать и жена. Хозяйкой она была плохой. В основном, оставаясь верной самой себе, не умела думать о ком-либо другом, кроме себя. На первом месте у неё была она сама, потом следовали её руки, ноги и лишь затем, где-то там, на последнем – дети. Муж, мать, сестра? Эти, вообще, не в счёт.

Отношения её с Леонидом ухудшались. Он уже не был тем молодым влюблённым, податливым и готовым выполнить любую из её прихотей. Его злила бесконтрольная трата ею денег, её бесхозяйственность, необоснованные амбиции. Выйдя из-под её контроля, всё чаще думал о том, что женился не на той из сестёр. С женой у него не было ни общих интересов, ни общих тем для разговоров, кроме материальных. Принося деньги, которых не хватало от зарплаты к зарплате, он требовал у Светы отчёт. И ей приходилось изворачиваться, юлить, скрывать купленные обновки. Он раздражался, перестал отдавать ей премиальные. Бросил институт и начал пить. Вернее, не то чтобы валялся в подворотнях. Но с работы часто приходил выпившим и заваливался спать. В редкие дни, когда он бывал трезв, между супругами обычно возникала очередная ссора. Поводом могла послужить любая мелочь. То прошёл в обуви по вымытому полу в коридоре, то бросил на виду свои дурно пахнущие носки, то отказался есть пригоревший суп. Рождение ещё одного ребёнка нисколько не укрепило семью. Света была не из тех, кто скрывает семейные разногласия, всё у неё было «навынос», и потому окружающие, включая детей, всегда были свидетелями их ссор.

Шарлотта Максовна, переживала, пыталась образумить дочь:

– Как же ты не понимаешь, что семейный климат зависит, прежде всего, от женщины. Ты ещё можешь что-то исправить, если захочешь. Иначе потеряешь мужа, даже такого никчемного.

Марьяна никогда не вмешивалась во взаимоотношения сестры с мужем. Это было табу. Даже, когда Шарлотта Максовна просила её: «Да поговори ты с ней, объясни. Я понимаю, что это почти бесполезно, но всё-таки», Марьяна оставалась сторонним наблюдателем. Она не чувствовала удовлетворения от того, что семейная жизнь сестры не складывалась, лишь испытывала сожаление. Пропасть между нею и сестрой всё больше углублялась.

Света злилась. На мать. На сестру: «Одна – придумала себе болезни. Другая – думает только о себе, о своей карьере и ей наплевать на семью, на

детей». Нет, Света нисколько не завидовала сестре по поводу её карьерного роста. Её бесило отсутствие прежней помощи от сестры, которая даже стала отдельно питаться. И действительно, Марьяна готовила теперь только для себя с матерью, а если и помогала сестре, то очень избирательно. Покупала племянницам фрукты, кое-что из одежды. Систематическую помощь Марьяна отменила. Причиной послужил такой случай. Однажды, после рождения Юли Марьяна была разбужена сестрой среди ночи. В Свете клокотала ярость: «Что происходит, чёрт возьми?! Почему ты не подходишь к ребёнку? Оглохла? Не слышишь, что она орёт? Не понимаешь, что я с ней вожусь целый день, пока ты на работе прохлаждаешься? Хотя бы ночью можно меня от неё освободить? Этот придурок ссылается на какие-то сверхурочные, и ты дрыхнешь? Вы решительно хотите свести меня с ума». Видимо, это была та грань, которая поставила Марьяну перед выбором. Она поняла, что если сейчас не дать сестре достойный отпор, то будет «проглочена» ею окончательно. И она напомнила Свете, чьи это дети. А потом захлопнула перед ней дверь своей комнаты. Потрясённая, потерявшая на несколько мгновений дар речи, Светлана прокричала сестре, чтобы та впредь не смела приближаться к детям. Угроза, впрочем, была ложной.

Оставаясь мишенью для сестры, Марьяна реагировала на её выпады хладнокровно. Вероятно, срабатывала защитная реакция организма. Обычно, когда она возвращалась с работы и готовила ужин, Света затевала «дружескую» беседу:

– Ну, и когда ты, наконец, выйдешь замуж, Мэри? Пора уже завести себе мужчину. Я, всё же, твоя сестра. Между прочим, старшая. Почти все твои подружки, известные «красотки», и те уже давно замужем. А ты? Чего медлишь-то? Или некого заарканить? Так не стесняйся. Помогу, чем смогу.

– Ты права, – лаконично парировала Марьяна. – Некоторые повыскакивали. Кто-то необдуманно. А кто-то, кому-либо назло. К чему это привело? Надеюсь, ты понимаешь.

– Вот, так-так. Ты на что намекаешь? Что я, назло тебе, вышла за этого идиота?

– Хорошего же ты мнения о собственном муже! – рассмеялась Марьяна, пядь за пядью отвоёвывая у сестры свои права.

– Тебе нужен мой муж? Так возьми его. Нет проблем. Знаешь ли, детка, секс для здоровья очень полезен, – не унималась Света. – Кроме шуток, Мэри! Вы же всё ещё нравитесь друг другу. Вижу, не слепая. Старая любовь, да? Так сойди с ним. Переспи. Убей свою страсть. Я разрешаю, – с сардонической усмешкой продолжала она, но вывести из терпения Марьяну было не просто.

– Хочешь вывести меня из себя? Придумай тогда что-либо новенькое,

более экстраординарное. А это так, очередной бред. Я думаю, тебе лечиться надо. Не пробовала обратиться к психиатру? Ты, словно вампир, которому необходима чужая энергия для получения удовольствия. Только ты не учла, что, прежде всего, унижаешь этим себя. – Марьяна была спокойна, в противовес своим словам, которые падали, точно удары молота. – Кто ты такая? Кто дал тебе право так бесцеремонно обращаться с людьми, постоянно высмеивать их? Тем более тех, к чьей помощи ты постоянно прибегаешь? И оставь, пожалуйста, свой жаргон, побереги для тех, кто близок тебе по духу. Хотя, я уже почти никого не вижу рядом с тобой.

– Ах, прости, прости, что задела твои девственные чувства. Ох, уж эти мне кислые старые девы. Ты подумай всё же о том, что я тебе сказала. Секс, это то, ради чего нужен мужчина. Заменитель ещё не изобретён, – смеясь, отступала Света, чувствуя в сестре равную себе силу.

Подобные эскапады со стороны Светы прекратились внезапно, когда, однажды, она недооценила выпившего и уснувшего мужа. Услышав обрывки разговора, он неожиданно появился на кухне. Схватив Свету за волосы, втащил её в комнату. Звуки пощёчин разносились по квартире. В тот день Света так и не покидала свою комнату, не желая, чтобы мать и сестра увидели её горящее лицо и опухшие от слёз глаза. «Её семейная жизнь? Ну да, не удалась. Ну, и что?» – думала она, ощущая злорадство. Ведь никто и не догадывался, что у неё был любовник, от которого родилась младшая дочь. Правда любовник исчез, как только она объявила ему о своей беременности. Он и нужен-то ей был лишь для чувственного наслаждения. Мужа, как мужчины, ей не хватало. Просыпаясь утром, она думала: «Кто сказал, что следует любить мужа? Нет, это невозможно. Презираю. Идиот». Отношения их всё больше деградировали. Они скандалили, и не для поддержки чувственности, как в былые времена. А всё больше мрачно, глубоко и всерьёз. Безобразные потасовки входили в привычку, и всё реже они находили общий язык. Иногда, после очередного скандала он, схватив свои вещи, убегал к маме. «Да, катись ты...» – неслоь ему вслед. Но проходили дни и, пересилив себя, ещё более его ненавидя, Света караулила Леонида на улице, просила прощения, разыгрывала нежность и... И он возвращался, но ненадолго. Через несколько дней, самое большее – недель, всё повторялось заново. Они не проживали свою общую внутреннюю жизнь, и на смену былой страсти пришли равнодушье, неприязнь, постоянное раздражение и, в итоге, ненависть.

Всё чаще сравнивая жену с Марьяной, Леонид спрашивал себя: «Почему?»

– И отчего мы, всё-таки, не поженились? – задавал он тот же вопрос Марьяне.

Вопрос был риторическим, своего рода ритуал, превратившийся в де-

журную шутку, довольно болезненную для Марьяны в первые годы семейной жизни сестры.

Со временем, эти шутки трансформировались в другие:

– Я уйду к Марьяне, вот увидишь, – пугал он жену.

Домой он приходил только к ночи и, как правило, почти всегда находился подшофе. Случайно сталкиваясь в коридоре с тещей, паясничая и икая, дыша ей в лицо перегаром, он спрашивал:

– Шарлотта Максовна! Поделитесь-ка... Как это вы умудрились произвести на свет таких непохожих девочек? Колитесь, не увиливайте.

Вопрос повисал в воздухе, поскольку Шарлотта Максовна, брезгливо глянув в его сторону, уходила в свою комнату.

– Презираете, да? Ненавидите? Ну и хрен с вами! Всё и так ясно. Смазочки... Смазочки для Светкиных мозгов не хватило.

Выбегающая на крики Света, уводила его в комнату, и начинался очередной скандал.

– Когда ты прекратишь пить? Не можешь – убирайся к мамочке. Достал... До потери пульса надоел... Что тебя не устраивает, скажи?

– А лицо твоё надоело. И уйду. И не ищи меня потом по подворотням.

Во время ссор Алина пряталась у Марьяны или бабушки, а Юля, ещё совсем маленькая, напуганная, начинала плакать.

– Довёл ребёнка, сволочь?! Вон! Слышишь, вон! И чтобы ноги твоей здесь больше не было!

И он снова уходил... И снова возвращался... Но уже не к Свете – к детям.

С годами он располнел, немного облысел. Стал неопрятным. Мог несколько лет, не снимая, носить один и тот же лоснящийся пиджак, не знавший химчистки. Когда, под натиском приятелей, покупал новый, то начинал хвастать обновкой:

– Ну, как вам матерьяльчик? А?!

Если узнавал, что кто-то приобрёл похожий, но значительно дешевле, жутко расстраивался. Рядом со Светланой, носившей по-прежнему «фирму», он выглядел неухоженным, поношенным. Хотя, их всё реже можно было увидеть вдвоём.

Как-то поздно вечером, когда все уже спали, Леонид постучался в дверь Марьяны:

– У меня разболелось горло. Напой меня чаем. А ещё лучше, давай попьём вместе. Ладно?

– Ну, давай. Что с тобой поделаешь? Тебе покрепче, как всегда? – Она как-то по-особому заваривала чай, аромат которого заполнял кухню.

– Ты знаешь, Марьяш! Когда мы, вот так, попьём чай вдвоём, это – счастье.

Правда. Нет, серьёзно, не смотри так. Я абсолютно трезв. Мне кажется, я бы жизнь сейчас отдал, чтобы не расставаться с тобой. Ты прости. Не думай, я не шучу. Давай попробуем всё начать с начала.

Марьяна рассмеялась:

– Ты, кажется, всё-таки пьян. Прекращай нести чушь и иди спать.

– Не надо, не гони меня. Я знаю – всё в своей жизни сломал. Мне так противно от этого. Ненавижу себя. А я ведь люблю тебя. Никогда не переставал. Веришь? Просто было затмение какое-то, а теперь оно рассеялось. А в последнее время... Ты взяла меня за сердце и сжала его так крепко, что я его больше не чувствую. Сердце. Что мне сделать, чтобы ты простила?

Он говорил, и сам верил в свои слова. Ему казалось, что он убедителен, что сможет её вернуть. На самом деле всё обстояло совсем иначе. Годы, проведённые под одной крышей, сделали своё дело. Он всё больше ощущал потребность в её присутствии, скучал, если её не было, с нетерпением ожидая её прихода. Словом, обстоятельства сыграли с ним шутку. Она стала ему необходима, и он уже не мог без неё обходиться.

– Ну, скажи, что хоть немного ещё любишь. Я не верю, что ты больше ничего ко мне не испытываешь. Пусть «это» будет. Помнишь, как ты сказала когда-то?

– Было бы смешно упрекать тебя в не деликатности, – перебила Марьяна.

– Ты забыл значение этого слова. Или не знал вовсе. Подумай что ты только несёшь? В кого ты превратился? Ну, взгляни на себя. Неужели, ты – тот человек, которого я когда-то любила? Тот был другим. Ты что же? Решил окончательно превратить свою жизнь в фарс? Пожалуйста... Только я в этом не участвую. О какой любви может идти речь? Я люблю в тебе того, кем ты не стал. Не смог или не захотел. – Марьяна смотрела сквозь него и, казалось, хотела разглядеть того, другого, которого знала когда-то, давно. Она слушала столь любимый в прошлом голос, оставляющий её абсолютно равнодушной сейчас, не затрагивающий сердца. – Ты забыл, что женат, наконец?

– А мне наплевать на неё. Рано или поздно, я всё равно уйду. Вот только, девчонки...

– Не забывайся, – оборвала его Марьяна. – Она всё-таки мне сестра. И запомни, дважды войти в реку можно, только не выходя из неё.

– Как это? Повтори...

– Не имеет смысла. Вряд ли поймёшь.

Он искал её взгляд, потел, и под мышками у него расплывались круги. Смесь пота и одеколona вызывали в ней отвращение. Ей было жаль его, и не очень: «Как же невыносимо зрелище мужской слабости, в чём бы она не проявлялась».

Прислушиваясь к себе, Марьяна отчётливо осознала, что разлюбила

свою мелодраму. Как же это происходит? Любишь, сходишь с ума, кажется, что всё кончено, что жизнь достигла края и вдруг.. Заглядывая внутрь, пытаешься отыскать частицу прежней себя и не находишь... И неважно, что тебя предавали, обманывали... Удивляешься себе. Смеёшься над собой. Зачем растрчено столько сил, столько души? Неужели всё это было с тобой? Как же сильно можно любить и как бесследно это проходит? Что же это за болезнь? Когда тебя всего лихорадит, а здравый смысл молчит? И ты летишь, летишь куда-то, что называется, с губительным восторгом?

– Марьяша, где ты? – Возвратил к действительности его голос. – Какой же я был дурак. Ты же лучше всех. Я всё, всё помню. И как мы познакомились в метро. Как простаивали в нашей парадной. И всё, другое... И мама моя до сих пор тебя любит... Мне холодно. Мне очень холодно. Согрей меня, как когда-то, помнишь?

– Холодно? Я свяжу тебе свитер. Тёплый. Только держись от меня по-дальше.

– Прежде ты не была такой холодной и чужой. Что с тобой случилось?

– Когда-то со мной случился «ты». Помнишь? – напомнила она.

Что-то в ней изменилось... Непоправимо. Только он не мог понять, что. На какое-то мгновение, в её облике проступила та наивная девушка, бросившаяся к нему в объятия десять лет назад. Девушка, которую, он когда-то любил, и которая любила его...

– Какая же у тебя память. Недобрая. Ведь всё можно изменить.

Вздыхнув, она встала, но он, преградив ей путь, подошёл к ней со спины и прижался всем телом.

– Да ты что? В своём уме? – отпрянула она. И в этот момент на пороге кухни появилась Света.

– Воркуете? Так и липнете друг к другу? Я смотрю, ты не теряешься, сестричка!

– Стараюсь. Вот лечу твоего мужа крепким чаем и душевным разговором. Ну, пойду. Оставляю вас наедине с вашей радостью, – улыbnулась Марьяна и вышла.

– Ну, и как долго это ещё будет продолжаться? – повернулась Света к мужу.

– А всегда, Светик. Всегда. Чувствую, как во мне просыпается здоровый оптимизм. А оптимизм, что? Надежда. Что не всё потеряно, что и у меня ещё всё будет О'К. Придётся тебе с этим смириться, детка.

ЛЮБОВЬ РЕЙНГАЧ

* * *

Вон! – закон стихосложения,
Вон! – склонения, спряжения,
Прочь! – почёт и уважение,
Для других оставь их медь.
Позабудь про искушение,
Осужденье, поношение –
Небольшое прегрешение:
Знать, найдут о ком «радеть».
Только с Богом – соглашение.
Через жертвоприношение –
Строки самовыражения.
По-другому – не запеть.

* * *

Когда в воспалённом сознании
Со скоростью сверхзвуковой
Мелькнут вдруг слова – сбой дыхания,
Ныряешь в себя с головой.
Вслепую: рукой, осязаньем
И связкою голосовой
Пытаешься в слоги-мельканьи
Найти. Потом вымолвить – свой.
Всё. Собран стих. Миг ликованья.
Но помню – процесс групповой:
Я лишь выполняла заданье
На том, что предстало канвой.

* * *

Надоело. Заскучала.
Одолело. Возмечтала
И скачу лошадкой шалой
Я в родимые места.

Озираюсь одичало:
Где же рельсы? Только шпалы,
Нет и старого вокзала,
Дервянного моста...

В школе – горы стеклотары,
Дома нет – есть «Канцтовары».
Боль под ложечкой сковала.
Где она, моя мечта?

Дурочка, за чем ты мчала?
Память с временем сличала?
Пред тобой, лошадкой чалой,
Шпалы... Дальше – пустота.

* * *

Ещё стоял горячим чай,
Ещё дымилась сигарета.
Напрасным было звать врача –
Неспешно проступали меты.
Уж поминальная свеча
Была готова вспыхнуть светом,
А кто-то, плача и крича,
Метался в поисках ответа.

* * *

Платить адвокатам?
Увольте! Грабёж!
Но платит глупец тем не менее.

Конец – без затрат. Притаился – и ждёшь,
Когда приведут в исполнение.

* * *

Как будто что-то производим,
Бежим, как пузырьки в крем-соде,
Напряжены, курок на взводе,
Немеет мускул плечевой.
Как будто что-то происходит,
Вдруг прозреваем на исходе,
Что кроме «всходит» и «заходит»
Не происходит ничего.

* * *

Всё реже виражи
Всё ниже этажи
Всё ближе муляжи
Им душу не кажи.
Мне нечем дорожить
Мне нечему служить
И не разворожить.
Разучиваюсь жить.

* * *

«Жених-то к невесте:
Единая гроздь».
И счастье, как в песне:
Рекою лилось.
И всё интересней
Любилось, плелось.
«Не станет ли тесно?»
«Ты, бес, это брось!»
И выпала мезью
Игральная кость.
Живущие вместе –
Бредущие врозь.

* * *

Люди богатые и неимущие,
Невиноватые и предающие,
Жалом сосущие и отдающие,
С жаром живущие и завидующие,
Честные, жадные, лгущие, злющие,
Трезвые, пресные, резвые, пьющие...
Как – ту – дорогу осият идущие,
Те, что не в райские кущи допущены?

* * *

«Друг другу подходим отлично.
Не броска, стройна и бела.
Берёзка, ведь так тебя кличут?
Прильни же!»
«Была не была.
Твоя» – и, махнув на приличья,
Смущённо косу расплела:
«Я верю тебе безгранично.»
«Проверим» – сказала Пила.

* * *

Когда одно: огрехи иль прорехи
Когда одно: смыкаются мехи
Когда одно, и места нет утехе
Когда в одно сливается: грехи.
Когда одно: проржавлены доспехи
Когда ты с ног – смыкаются слои
Тогда на дно – неразличимы веши
Тогда пятно: чужие ли, свои...

* * *

Кру́гом: вилки да тарелочки.
В кругу хором: дети, грелочки.
Круг, зазубренный до мелочи:
Круг знакомых, круг семьи.

Кругом ! – в салки ли, в горелочки,
Добежать до вехи, стрелочки
К той смешливой, глупой девочке.
Да бежать на край земли.

* * *

Тьма в серость на глазах менялась
И в миг белела до седин.
А синь всё ширилась, плескалась
И заливала стеарин.
И бухла, наливалась завязь,
Слетались спешно соловьи,
И солнце, пряжами касаясь,
Ласкало чашечку земли.

ЛИСТОПАД

Вот и поставлена точка. Прилёт.
Кто с жёлтой меткой – два шага вперёд.
Жёлтому цвету приходит черёд.
Жёлтою строчкой строчит огнемёт.
Скалит машина пасть-перемёт.
Жёлтые шины – липкий налёт.
Зондер-команда сзади идёт.
Зондер-команда мёртвых гребёт.

* * *

Переписать! Перетачать!
К кому взываю – нем. Молчит.
С начала? Поздно. Не начать.
Печать – седины в голове.
Назад? – Объезд: два кирпича.
Здесь? – без задач, без теорем.
Мат – впереди, а не ничья.
Кому печаль свою повем?

* * *

Что б ни сулили –
Люди! Не верьте!
Остерегайтесь
Форм для литья!
Крепость и сила –
Спутники смерти.
Гибкость и слабость –
Суть бытия.

* * *

Только мечусь со своею печалью
Между охраною береговой,
Стаей крикливых, прожорливых чаек
И мутной, пенной, курчавой каймой.
И постепенно всё больше дичаю:
Чаю, что вдруг отвлечётся конвой,
Шарить на миг перестанет лучами –
В воды нейтральные, и – по прямой!

АЛЬБЕРТ ЛЕИН

ВЕНОК СОНЕТОВ

1

Ночного неба звёздный балаган –
Пугающая немостью арена,
И в таинстве молитвы на коленях
Склонилась над землёю тишина.

И горизонта мрачные луга,
И душ умерших зыбчатые тени,
Как будто болью стонущее тело,
В беспомощности летящее в угар.

В узлах сомнений скомканы дороги,
Хозяин ночи – любопытный мрак–
Убийств участник и кровавых драк.

В такую ночь смолкают голоса.
И шляются по тусклым небесам
Тоска разбойна, месяц кривоногий.

2

Тоска разбойна, месяц кривоногий
На заводи разглаженной реки,
Ночь торжествует, как когда-то Кир,
Опустошеньем отданного долга.

Приход не каждый радостен итога,
Пути души и чувства нележки,
Стремленья наши, как ни велики,
Свершения смакуют лишь немноги.

На взлёте оборвавшийся полёт.
Не одряхлённа старостями юность,
Мечта самоуверенна, как глупость,

Когда наивность за руку ведёт.
Пока заря не выплеснет ожогом,
В такую ночь не уповай на Бога.

3

В такую ночь не уповай на Бога,
Случайности не до твоей игры,
Хотя спасли однажды гуси Рим,
В младенчестве истории нестрогой.

Земля-медведь в медвежище убогом,
О, сколько зла познать ей и открыть,
Страдать в землетрясениях, говорить
Забвеньем пепла, где был раньше город.

Помпеи ужасающий конец,
Несчастья кровожаждающая слава,
Огня всё пожирающая лава,

Весь город для заклания агнец.
Разрубленное солнце на камнях.
Спасенье тела и души в ногах

4.

Спасенье тела и души в ногах,
Великодушье щедрое могилы-

Торжественно грохочущая гибель,
Безумия нельзя предугадать.

Мешающий огню дышать угар,
Темнеет лава, и совсем остыла –
Свершила всё, что сделать можно было,
Ни вздохом, ни движеньем не солгав.

Стихии неожиданный нарыв
Выплёскивает возмущенье взрыва,
Бегущий день – конь с пожелтевшей гривой

Уже не в жизни, он уж вне игры.
Бездомности любимец и слуга
За каждой тенью прячутся врага.

5

За каждой тенью прячутся врага
Твои следы, смакующие рыси,
И, если ты соседствуешься с высью,
Не забывай родства земли в ногах.

Завистнику нельзя мир предлагать,
Подальше от него и равнодушье-
Испытанное временем оружие-
Не замечавший карлика гигант.

Честолюбивость носит гордо тогу,
Достоинство не в степени одежд,
Питают орденами ум невеж.

На море штиль – предательств благодать.
Пусть о штормах не смеют забывать
Глаза вниманья и твоя тревога.

6.

Глаза вниманья и твоя тревога,
О, сколько нам они несут забот,
Бессонниц со страданьем бутерброд,
Глаза ночей, как хватка осьминога.

Просторы туч – холодные чертоги,
В них Бог ветров загулами живёт,
Зовущий горизонта эшафот,
Как слово завещанья без подлога.

Там зори облака кострами жгут,
Там вечера спешат в ночи покровы,
И ветры, если смиренные молчат,

С огнями, перепутавшись волчат.
В счастливой беззаботности живут...
Вдруг дерево выходит на дорогу.

7

Вдруг дерево выходит на дорогу,
Где раньше был пугающий пустырь,
Располовинилась, как будто ширь,
Как двери за неведомым порогом.

Что там за ним? Как хочется потрогать,
Пока событий пепел не остыл...
Спешит забвенью выставить кресты,
Но память в поколениях, как гордость.

Восстановить события давних лет
Для скрупулёзной летописи благо,
Когда она – изученный скелет-

Одаривает жизнью на бумаге.
Вечерний лес молчит, как интриган,
Ветвей оскалив чёрные рога.

8

Ветвей оскалив чёрные рога,
В сомнений пляске пляшут привиденья,
В тумане взлётов, в иное смиренья,
Смакуя лунность – ночи пирога.

Расклёвывает сон вороний гам,
Рассвет вдыхает сласть грехопаденья,
Пока день не банкрот, он полон денег,
Он расточитель, враль и хулиган.

Уже сейчас, в сию минуту, миг,
Пока ещё в груди не вызрел крик
Утраты сожалений – безысходность.

Пиши священно жизни своей повесть...
Как будто вдруг – и нечего нам ждать,
Не спрятаться и некуда бежать.

9

Не спрятаться и некуда бежать,
Ты жертва чьей-то памяти и мести,
Не в силах отказать ты этой чести,
Судьбы, встречая жадность грабежа.

Любая жизнь дороже платежа,
Земля для всех вынашивает место,
Отягощает золото наследства
Богатство жизни, лет, как багажа.

Счастливым тот, кто может прочитать
По глади волн разгневанность прибоя,
Не повторит судьбу он гордой Трои,

Помпеи не узнать ему печаль.
А рядом неожиданности локти,
Кругом ночи вонючие лохмотья.

10

Кругом ночи вонючие лохмотья,
Роскошность одиночеств, нищета,
Луны холодной в небе маета,
Тень Данте, рядом с ней Буонарроти.

За ними дальше – прокуратор Понтий...
Их разбудила наша суета.
Быть может, раньше жизнь была не та?
Казнила ль современность патриотов?

Всё то же и сегодня, и вчера.
История – рассказчик и свидетель,
Сегодня мы её шальные дети,

А завтра хуже пасынков двора.
И время нашей жизни укоротит
Прикосновенье страха липкой плоти.

11

Прикосновенье страха липкой плоти-
Присос медузный, скользкий, ледяной.
Создателя был избранником Ной
С ковчегом первобытнейшего флота.

Клубок ветхозаветности размотан.
Потомок любопытнейший любой

Не пользуется избранностью той,
Хотя в ладах с ней каждый быть не против.

Неся одежды тяжкого греха
Завистничества, жадности, обмана,
Коварства кровожадного Амана,

Мы строки неудачного стиха.
Капкана нам тревог не избежать,
Как будто к горлу лезвие ножа.

12

Как будто к горлу лезвие ножа,
Обязанности нас линчуют быта,
Быть может, беззаботным время было,
Когда Бог человека обожал.

Начало есть – конца не избежать,
Быть каждой жизни смертью убитой,
Но никогда не оборваться нитям,
Которым прошлость с завтрашним держать.

Истории призванье – не забыть,
Не утаить – призванье летописцев,
Не исказить преемственности истин,

Пороги обойдя лжи и злобы.
А гильотина месяца на взлёте,
Исчезло всё, ничто не озаботит.

13

Исчезло всё, ничто не озаботит,
Когда завершены уже дела,
И не нести коню уже седла,
Когда он жизнь, промчавшись, отработал.

Приходит старость мумией зевоты,
Печалью, одиночеством стола,
Как шевелюра череп берегла-
Не избежал он лысины заботы.

Окрасит благородством седина,
Молчанием, задумчивостью, мудрость,
Так ночь любви озолочает лунность,

Так после войн царица-тишина.
Возможностью упейся возмужать,
Коль жребий на тебя пал грабежа.

14

Коль жребий на тебя пал грабежа-
Жестокости слепой каприз и случай,
Ты пойманный далёких стран лазутчик,
Ты в клетке, в прошлом, вольного стрижа.

Вороны в ожидании падежа,
На землю вечер сбрасывает тучи,
И сумерками солнца луч потушен,
Серьгой огня, сверкнувшей на ушах.

Огромной ямы чёрное пятно,
Плывут куда-то мысли, как галеры,
И тишины пугающей холера,

И в мир тепла закрытое окно.
Раскачивает осени цинга
Ночного неба звёздный балаган.

15

Ночного неба звёздный балаган,
Тоска разбойна, месяц кривоногий,

В такую ночь не уповай на Бога,
Спасенье тела и души в ногах.

За каждой тенью прячутся врага
Глаза вниманья и твоя тревога,
Вдруг дерево выходит на дорогу,
Ветвей оскалив чёрные рога.

Не спрятаться и некуда бежать,
Кругом ночи вонючие лохмотья,
Прикосновенье страха липкой плоти,

Как будто к горлу лезвие ножа.
Исчезло всё, ничто не озаботит,
Коль жребий на тебя пал грабежа.

ИЕРУСАЛИМ

До свиданья, Иерусалим,
Архивы для тысячелетий,
Спешащий солнца пилигрим
По холмам Ветхого Завета.

Легенд переседельный грим
Смывает новое приветье,
Неповторимостью на свете
И ненавидим, и любим.

И улиц пейсы разбросав,
Под шапкой недоброжелательств,
Ты вечности терпеньем платишь,
Понятий изменив устав.

Распахнутостию креста
И равнодушием Пилата.

ТЕЛЬ-АВИВ

Восток в зарницах интеллекта,
Шуршит туристовый прилив,
Как будто оживленье лекций –
Гостеприимный Тель-Авив.

Уютность улиц синагожных
И минаретов острей,
И камни – летописей тоги
Давно себя сдают внаём.

Неугомоннейший подлиза –
Обпеневшийся прибор
Всё лижет берега карнизы
И любопытства разнобой.

И не дома, а зданья, зданья-
Отелей гулливерства смесь,
И светофоры, как гаданье
На картах перекрёстков здесь.

И переласковое солнце
И в розницу и на разлив,
Как будто искренность смеётся –
Гостеприимный Тель-Авив.

Петра апостольская церковь
На возвышенья, как маяк,
Неверья ангелы и веры-
Терпимости примерный такт.

Разноязычность разговоров,
Неудивительность ни в чём,
И воздух, и гипнозность моря,
И незнакомость за плечом.

МАРК ШЕЙНБАУМ

КАЗАНОВА РАЙОННОГО МАСШТАБА

Толкового главного врача в нашей больнице трудно было припомнить. Это замечалось по унылому её внешнему виду ещё до того, когда приходилось обходить обширную, почти никогда не исчезающую лужу перед входом.

Как-то распространился слух, что к нам едет очередной новый главный. Будто бы наш район будет для него уже четвёртым по счёту за недолгое время после окончания института. Согласно слухам, менял он места работы исключительно по причинам «романтическим». Подробности его богатой приключениями жизни достигли наших краёв задолго до его прибытия, и женское большинство коллектива ожидало появления нового начальства с заметным нетерпением.

Первое впечатление несколько разочаровало многих: неспортивного вида, худой – кожа да кости, не очень выразительное, скорее некрасивое лицо, явно напускная суровость во взгляде. И всё таки в его облике было что-то аристократическое, как бы слегка «импортное», да и звали его непривычно для нашего уха: Иржи Ладиславович. Его предки переселились на Украину не то из Богемии, не то из Моравии. Аристократизм – аристократизмом, но уже в первые месяцы своего пребывания в районе он сумел перейти на ты со всем здешним начальством, среди которого аристократов при самых тщательных поисках было не найти. Он стал участвовать в их развлечениях на охоте, что уж точно говорило об особо доверительных отношениях. Никто из наших предыдущих главных об этом и мечтать не смел. У него вскоре обнаружились многочисленные связи среди «полезных для дела» людей: он дружески похлопывал по плечу, кроме начальства всех рангов, ещё и директоров торгов и прочих влиятельных лиц.

В больнице грянули перемены. Для начала он переоборудовал свой кабинет, добавив к нему просторную «ожидалку». Бывшую молоденькую секретаршу заменил весьма презентабельной дамой в очках с позолоченной

оправой. Рядом с его новым просторным письменным столом, где раньше в одиночестве торчал старенький покорёженный телефонный аппарат, появилось внушительного вида телефонное семейство. Как он выразился: «Власть должна быть окружена, если не божественным сиянием, то хотя бы ореолом значимости». Впрочем, всевозможные средства связи заработали в отделениях, кабинетах, в прачечной, на кухне и даже в морге. На стене в его кабинете появились два панно – проекты, изображавшие территорию больницы после предполагаемой её реконструкции. На этих панно наш двор изобиловал сногшибательными элементами современного дизайна и походил на территорию ВДНХ до её постсоветского упадка. Первоначальные сомнения в осуществимости этих проектов рассеялись, когда самосвалы, урча, начали завозить во двор мелкую щебёнку, а в его углах появились штабеля бетонных плит для будущих дорожек. Через два месяца территория больницы выглядела точно так, как её изображали панно. Утопия стала реальностью. Теперь мы шагали на работу мимо благоухающих кустов роз по великолепным дорожкам. Лужа перед входом исчезла. Ремонт внутри зданий проводился с размахом. Многие наши сотрудники впервые в жизни услышали завораживающие слова «кашпо» и «бра», и вскоре увидели их воочию в коридорах отделений, засверкавших свежей краской.

В операционной, лабораториях и многих кабинетах появилась новая аппаратура с иностранными ярлыками. В новенькой водолечебнице можно было пользоваться всякими замысловатыми видами душа. Казалось, усовершенствования предела не будет, а для главного недостижимых целей не существует.

Мы привыкли, что наши шоферы без устали под открытым небом постоянно возятся с починкой единственного больничного автомобиля. Не прошло и года, как автомобилей оказалось больше десятка, появились отпливаемые гаражи, а Иржи Ладиславович разъезжал на «Волге» без медицинской символики, что было чрезвычайно существенно при его частых поездках инкогнито. За рулём «Волги» восседал персональный водитель.

На стенах орг.метод. отдела появились прекрасно выполненные графики, повествующие о наших достижениях, весьма умеренно грешившие против истины. Мы сами не предполагали, что мы такие хорошие. Оказалось, что чуточку показухи, в разумных пределах, не во вред делу.

В городе нашёлся балетмейстер, бывший студент Вагановского училища, чуть недотанцевавший до диплома, а также хормейстер с незаконченным консерваторским образованием, оба умеренно пьющие, и наша художественная самодеятельность стала блистать на областном небосклоне. Никто до этого не предполагал, что в коллективе так много талантливых,

невероятной красоты девушек, а наш патолого-анатом располагает таким прекрасным басом.

Числился наш новый главврач хирургом, но за операционным столом его так и не увидели. Зато он оказался незаменимым тамадой. Его присутствие на любых мероприятиях, начиная с медицинских советов и кончая рядовой пьянкой, обуславливало атмосферу, пронизанную оптимизмом. Казалось, что любые трудности изобретают только нытики, а жизнь во всех её проявлениях – удивительна. С трудом припоминаются один или два обхода больных с его участием, но после них больные в палате поголовно повеселели, хотя в медицине он разбирался, если говорить правду, не намного лучше самих пациентов.

Не разочаровал он и тех, кто ожидал от него подвигов на амурном поприще. Город небольшой: что-либо скрыть трудно. То он был замечен, когда почему-то спускался ночью из окна второго этажа дома, где с мужем проживала одна из лаборанток, то две докторши стали громко выяснять между собой отношения, избобличая одна другую в коварстве и распространении сплетен друг о друге, связанных с нежными чувствами по отношению к главному. Потом наша старшая операционная сестра пожаловалась, что боится заходить подписывать требования на медикаменты к нему в кабинет одна, и с этой целью кооперируется с другими старшими сёстрами. Как-то одному из врачей срочно понадобилось получить что-то в больничной аптеке. Он забрёл аж в аптечную кладовку в поисках аптекарши и застал её на тюках ваты в объятиях главного.

На его избыточно настойчивые ухаживания пожаловалась даже консультант из Киева, вызванная к тяжёлому больному. Персональный шофёр, которому слишком часто приходилось отвозить главного в лесок с очередной пассией и там прохаживаться невдалеке, оставив парочку наедине в машине, пожаловался, что его заедают в лесу комары.

В отношениях с подчинёнными главный был ровным и довольно объективным, умудрялся даже не потворствовать своим «фавориткам». Случилось, правда, что одного из стоматологов он преследовал долго и упорно, в основном, по мелочам, и добился, что тот уволился по собственному желанию. Единственным прегрешением пострадавшего был флирт с дамой, глаз на которую положил сам главный врач.

Жена главного – учительница, была у него четвёртой по счёту. Он говорил, что иногда сохраняет верность женам, доказательством чего может служить тот факт, что вторая и четвёртая жены у него – одно и то же лицо. «Правда, – продолжал он – общеизвестно, что супружеский долг, как и воинский, порой порождает дезертиров». Как-то на дружеской вечеринке в строго мужском составе его попросили поделиться секретом успеха у дам.

– «О, всё очень просто, – оповестил он – я закидываю удочку в 100% случаев, в 20% клюёт, а это так много!». Всё же не только закон больших чисел был причиной его успехов. Кое-кто из очарованных им дам поделился впечатлениями с подругами, а те по большому секрету со всем коллективом. Получалось, что очаровывает дам его природный шарм и умение ухаживать. У большинства его избранниц первое любовное свидание с ним происходило обычно в самой шикарной гостинице областного центра. Там был заранее заказан номер – люкс, с букетом роз и конфетами на столе и шампанским в холодильнике. Потом ужин в ресторане и поездка домой на «Волге», которая ждала за углом. По дороге – остановка в лесу для прощального поцелуя. Здесь весной при луне можно было ещё и собрать букетик ландышей. Вполне понятно, что для некоторых замученных провинциальным бытом дам – вода из колонки, стирка в корыте – это были незабываемые мгновения. Эпизод на тюках ваты в аптеке был, конечно, случайным и явно нетипичным.

В хороводе его пассий невозможно было отметить какие-либо предпочтения. Ограничения всё же имели место: они касались возраста и, в меньшей мере, интеллекта избранниц. Впрочем, он говорил, что изъяны, связанные с возрастом у дамы менее заметны в зависимости от интенсивности освещения, а интеллект партнёрши прямого отношения к силе страсти не имеет. Потом оказалось, что влюбчивость у него бывает разной по накалу. Большинство его приключений не мешало ему создавать, до поры- до времени, видимость нормальных семейных отношений. Он появлялся с женой на всяких вечеринках, сопровождал её в кино и на концерты заезжих гастролёров и т.п. Всё это продолжалось, пока у него не случился роман с Галей. Галя, внешне довольно привлекательная жена директора леспромхоза, работала терапевтом. Роман этот долго оставался секретом только для её мужа. А вскоре Иржи ушёл из дома и перебрался на частную квартиру. Начались у него неприятности по партийной линии. Его сняли с работы. Правда, всё это время он успевал заводить и другие романы. Своим приятелям, на их недоуменные вопросы, он отвечал, что только к Гале у него настоящее чувство, а «маленький попутный роман большой любви не помеха». Ушёл он из дома потому, что, по его словам: «...у женатых, как и у пернатых, периодически возникает желание улететь подальше». Оказался он где-то под Харьковом. Там, благодаря старым знакомствам, стал тоже главным врачом, и вскоре появился у нас с намерением украсть у мужа Галю. Кража осуществилась по всем правилам приключенческих фильмов. Галин муж гнался за ними на мотоцикле, вооружившись охотничьим ружьём, так как они увозили в машине ещё и их с Галей дочурку. Чуть не догнал, поскольку по дороге у очередного железно-

дорожного переезда Иржи случайно зацепил крылом машины шлагбаум, и их надолго задержала ГАИ, а от него немного несло шампанским. Как он потом говорил: «Дороги у нас плохие, зато шлагбаумы крепкие». В итоге всё обошлось. Однако, вскоре оставленная им жена стала получать письма от Гали с жалобами на то, что та его плохо воспитала, потому что он и ей, Гале, тоже изменяет. Впрочем, она готова его ей возвратить. Зачем-то копии этих писем она посылала ещё и в райком партии. Распался и этот, пятый по счёту, брак.

Спустя два десятка лет, он, заметно постаревший, но всё такой же жизнерадостный и подвижный, приезжал в гости в наши края с седьмой по счёту женой. Уверял, что это последняя, потому что «жизнь уже поизносилась на сгибах», а «любовь вспыхивает всегда как пучок соломы, а потом не знаешь куда девать пепел». Больница, которая при нём процветала, после его отъезда захирела основательно и надолго. Главные врачи, пришедшие ему на смену, были серыми, скучными, зато в амурных похождениях замечены не были. Перед входом в больницу вновь появилась лужа, прекрасно сохранившая прежние очертания.

ВАЛЕРИЙ МАТЭТСКИЙ

ТЕНЬ УЛИЦ

Улица тѐней,
Тень улиц.
Листья растений
Разулись.
Перемигнулись.
Слились лианово
С руслами лиц и тѐней,
Тянут тицианово
В нановость ¹ мнений.
Гений
Зреет
Звереет ветер.
Терции бреют
Бровями петель.
Оттепель!
Только.
И только лет,
Мягкость телесная.
Лес комет,
Метами тающих,
Пьющих сих,
Зрелых, и будущих,
Хмурых и злых.
Лихо!

---

¹ нановость – компьютерные НАНОтехнологии

этот
нелепый
мир?...

Мысли колотятся, как семена
в картонной коробке,
сброшенной с обрыва и прыгающей
от камня к камню.

Любовь нужна, чтобы размножаться!
И, каждое движение женщины
зовёт тебя,
в этом участвовать.

КОМУ
ЭТО
НУЖНО?

Что управляет моей душой?
Кто забросил меня
В этот нелепейший из миров?
Кто программирует мои инстинкты?

Мы все – несчастны!
Мы все – узники!
Жертвы!
Почему свобода поступков – подлость?

Мы – всего лишь, глупые дети,
бегущие по краю пропасти
и ежеминутно срывающиеся в неё.
Но каждый из этих детей,
за ничтожные мгновения своей чувственной жизни,
успевает подумать, что он –
лучше всех
и что он –
несчастней всех.

Кто наблюдает за брожением этой
био-ботанической массы?
Кто помешивает ложкой нашу жизнь,
посыпая её
специями глупой радости
и чудовищных несчастий?

Нет Бога, которого придумали люди!
Есть –
        только монструозный повар,
который заварил всю эту кашу!

А ТЫ,
        ПОВАР,
получаешь ли ТЫ
                        наслаждение,
расплющивая наши души?
Рассматриваешь ли ТЫ– нас,
                        под микроскопом?

А может быть, лучших из нас
ты прищипливаешь булавкой,
как экзотических бабочек для своей коллекции?

Я остриг свои волосы,
чтобы женские пальцы, играя с ними,
не успокаивали семена мыслей,
прыгающие в картонной коробке моей души.

Я хочу знать правду!

Но разве повар,
который нас приготовил,
слышит наши вопросы?

Нас приготовили для того,
                        чтобы съесть!
И тот, кто нас ест – наслаждается этим!

Но и повар,
это ещё – не истина в последней инстанции!
Вопрос в том,
                                для кого
  готовит
  повар?

ДЛЯ КОГО ГОТОВИТ ПОВАР?

Часть II. Ответ.

ЧМОКАЛОВОЕ ЛОГОВО

Ты,
Чёрно-красная красotka,
равнодушная к моей
омороченной ничтожности.
Для тебя,
я всего лишь – один,
из пилигримного биллиона
комариной стаи,
чью жужжащую чашу гущи
слепо поглощает твоё
ЧМОКАЛОВОЕ ЛОГОВО.

Ачува́линая каду́ла
Чумалу́каная наго́вь
Малика́линая люду́ла
Окума́ринавая кровь.

Жибилу́навая нага́ша
Чуринóсавая сыша́
Мироту́ни мою слагáшу
Аширятинаю брыжа́.

ПРОТИВ ВЕТРА

Л.Ф.

Я лечу в тебя напрягшейся стрелой,
Против ветра.
Твой призыв, во мне тугою тетивой,
Гекзаметра.

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Середина лета – поуже,
Середина лета – рябей,
Середина лета – снаружи
Рыжеватых щёк кораблей.

ГЛАЗА-ФОНАРИ

Глаза – фонари!
Глаза – головёшки!
Глаза из глазури
зарёванной кошки!
Как шкалики
лаками скованной осени,
не жёлтые – долгие,
с колкою просинью!

ТЕНЬ

Нас только двое в этом мире,
Нас двое: лишь она и я –
Всё повторяет, тень моя.

КЛУБИСТЫ

Клубились клубисты
Клубами клубук,
Быками брыкались

Клыкастые пасти.
Пастились пастилой,
Слетались на мух,
Ухмыльно-обмыльно-
Брутальные страсти.

МИХАИЛ ЭНЕНШТЕЙН

МУСИК

Отцовский помазок ни черта не взбивал пену из кусочков стирочного мыла. Я долго точил лезвие в гранёном стакане, но всё равно, всухую пушок на щеках не сбивался. День тянулся страшно медленно. Старые ходики с тяжёлым ключом, привязанным к гирькам, громко тикали. Но я не доверял им, и каждый раз спрашивал время у соседей. Настроение было хорошее, как перед праздником, или, когда заболела училка. Хотелось петь, с кем-нибудь почирикать и говорить приятные слова, даже нашей корявой математичке в пенсне, хотя точно знал, на экзамене она меня срежет. Но сегодня я добрый. У меня свиданка, первая свиданка в жизни, с самой красивой девчонкой школы. А имя, какое имя! Виола! Лично я полный урод, но это между нами.

* * *

И, правда, Мусик, так звали его родители, был каким-то неказистым подростком: длинным, худым, с торчащим кадыком и ломающимся голосом. Выше всех ростом в классе, он сидел за последней партой и отпускал шуточки, задиравшие сверстников, а иногда учителей. Родителей вызывали в школу, но те сына никогда не наказывали. Ида Марковна, мама Мусика, часто подходила к постели спящего сына и долго рассматривала его лицо. Переполненная счастьем, она поправляла одеяло, подушку, затем складывала его нехитрую одежонку. Негнущиеся брюки вешала на спинку стула, а поверх аккуратно рубашку. Старые ботинки мужа, на два-три номера больше ступни сына, обтирала тряпкой и уносила в коридор под вешалку. Затем снова возвращалась и ещё долго стояла у его изголовья. Сердце матери разрывалось от нежности, от жалости, от любви к этому нескладному мальчишке, её второму сыну. Первенец умер ещё до войны. Эти чувства, накопленные на двоих, теперь отдавались одному Мусику. В гетто погибли четыре её племянника и две племянницы, такого же возрас-

та. С тех пор страх поселился в сердце матери. Иде Марковне казалось, что с сыном должно что-то случится.

«Что бы я только не отдала для его счастья, для его здоровья!? – думала она, – бедный, бедный мой мальчик, он уже взрослый. Наверное, ухаживает за девочками. Ему так нужна приличная одежда».

Она понимала, что его нервозность, вспыльчивость и резкость связаны с переходным возрастом, и ещё больше с постоянной нехваткой денег в доме.

Мусик стеснялся своего имени, и когда мама с балкона звала его домой, пытался прятаться в закоулках двора. Но на этом его мытарства не заканчивались. Дворовые мальчишки быстро находили его: – Мусёнок, маменька кличут чаю откушать! – хохотали они.

Мусик страдал в душе и завидовал ребятам, имеющим другие имена, но вида не подавал. Часто ввязывался в драки, а иногда подавлял своей эрудицией. Он читал запоем, и нередко на уроках. Мусик был романтиком, мечтал о путешествиях, верил в вечную любовь, верность и дружбу.

* * *

После бритья я в зеркале подробно рассмотрел свою физию.

– Не очень... да ладно... зато могу «сделать» любого школьного фраера. А почему? А потому, что книжки люблю. Часто казёну* – это да. Нужно завязывать... Ну, а если подумать, серьёзно подумать. Какие могут быть занятия, если можно сесть на буфер трамвая или вскочить на подножку и через полчаса быть на Лонжероне? Ещё 5 - 10 минут ходьбы вдоль берега скалки, а там бычки, крабы, мидии, и, конечно, карты. Захватил с собой пустую консервную банку побольше, например, от американской тушёнки, шмат хлеба, соль. Вот и всё, – больше ничего не требуется: здесь тебе первое и здесь тебе второе. Какая лафа! А на закусь воздух.

Ах, какая дыхалка у моря! Пацаны говорят, на мозги действует, помогает запоминать стихи, шпаргалки и разную прозу. А то наша украинка совсем охренела, взяла себе за моду задавать по полстраницы, наизусть. Что я, во время путешествий буду говорить с туземцами на украинском или рассказывать им «за Коцюбинского» или «за Тычину»? Правда, слышать, что польза от морского воздуха будет только к старости, лет в 30 – 40. Жаль, но и то хлеб, значит, делаем запас. Как говорит наша классная, «запас карман не рвёт». Как-то вечером вернулся с моря домой усталый, в хорошем настроении. Как будто за день сделал что-то важное, или завтра в школе не будет занятий. – Чего так поздно, сынок? – спросила мама.

– В библиотеке был. – Ты, вроде, как загорел? – У самого окна сидел,

---

* казёнить (жарг.) – пропускать уроки

– не моргнув глазом, соврал я. Наши учителя с ума посходили, задают чёрт-те сколько. А ты знаешь мам, схитрил я, это наверно правильно, без образования сейчас никуда. А то буду, как ты, на табачной фабрике вкалывать. – Правильно, сынок, молодец.

* * *

Вообще, Мусику лет до 12 ходить на море одному запрещали. «Мусику нельзя без мутерши, Мусик может застудить лапки или, не дай Бог, затонуть» издевались пацаны и убегали на море без него. Тем не менее, они опекали его. Во-первых, он был свой. А по неписаному кодексу мальчишеской солидарности, обиды, причиненные дворовым, чужакам не прощались. Во-вторых, он подробно пересказывал прочитанные книги. В хорошую погоду – на хрупкой черепичной крыше. А в плохую – на полутёмном чердаке, презрев запреты родителей и проклятия дворничихи. Они слушали рассказы о парусниках, пиратах, вольных охотниках, индейцах, мушкетёрах и прекрасных дамах. Лица их преобразались: мальчишки то бледнели, то краснели, а руки сжимали воображаемые шпаги, или мушкеты. Они уже давно «покинули чердак» и мчались на лошадях, выручая кого-то, управляли парусами, сражались с пиратами, или доставляли бриллиантовые подвески. Мусик открывал им другой мир, где не было дворового туалета, одного на весь трёхэтажный дом, куда по утрам шли гуськом женщины опорожнить помойные вёдра и ночные горшки, где не было дяди Гриши, гонявшего их по чердакам, и проститутки Нади, водившей своих клиентов к себе в подвал.

Мир каждого большого двора на Молдаванке, как в капле воды, отражал все проблемы общества того далёкого времени.

Если ребятам нужна была серьёзная помощь, шли к дяде Марику, только что вернувшемуся с войны. Он из тюрьмы попал в штрафбат. Марик был не последним человеком в воровской иерархии и пользовался уважением даже у «Чёрной кошки» – банды, терроризировавшей город. С родителями и сестрой он жил в подвале на чёрном дворе. Все они побывали в тюрьмах. Тем не менее, были они добрые, весёлые люди.

Нашему двору везло. В тяжёлые послевоенные годы его жители без опаски оставляли на ночь во дворе сушиться бельё или застеленную постель днём. В те времена живущих в подвалах соседей донимали крысы, слизняки и сырость, поэтому летом они спали во дворе.

В этом доме всегда жил кто-то из воровских чинов. Уже значительно позже, в семидесятых годах, сменилось поколение и во дворе жил уже другой авторитет. Помню, мой друг замыслил ремонт квартиры. Ему привезли двухметровый рулон линолеума весом в 400 кг. и поставили на площадке

третьего этажа у дверей его квартиры. А на утро рулон исчез. Естественно, в милицию он не заявил, а пошёл к соседу: – Когда украли? – Спросил он. Этой ночью. Значит продать, не успели. Не волнуйся, иди с Богом, сделают возврат, успокоил сосед. На утро следующего дня рулон стоял на прежнем месте.

Долгая борьба с родителями всё-таки завершилась победой Мусика, он стал Михаилом. Перетерпев несколько жестоких материнских трёпок, завоевал право ходить с ребятами к морю.

– Мусик, шоб я так жил, не такой ты и слабак, как мы думали, раз маманю и батю прижал. Значит, теперь ты наш полный кореш.

Кранты, мы тебя зауважали и давай до нашего табора, – сделал заключение старший из пацанов по прозвищу Посмитюха.

* * *

Учусь я так себе, и пример с меня не берут. А если что в классе случается, сразу тащат к директору. Только меня и видят. Но это я так. Главное сегодня будет свиданка. Вот обалдеют в классе. Особенно этот фраер Вовка, профессорский сынок. Ухлёстывал за Виолкой, ухлёстывал, а получил дулю. Мало я ему надавал по сопатке. Ребята видели, как я ему юшку пустил, но по делу. Пацаны одобрили. Тогда был сильный ливень. Все наши скопились в школьном подъезде. А этот жлоб говорит: – Отойдём на пару слов, – отошли, и он тихо на ухо шепчет, – у меня новенькие ботинки со скрипом, я их берегу, а у тебя очень старые и сильно большие, дай добежать домой. Надену новые калоши, папа привёз из Ленинграда и принесу сюда твои старые. – Меня аж потом прошибло. – Ах ты, гад, маменькин сынок! – заорал я, – мои ботинки большие и старые, ну и что? Так они же отцовские. Я должен беречь твои ботинки?! И врезал ему. Нервным я стал, чуть что, сразу в морду. А как же не быть нервным? То классная пристаёт: – Ты из бедной семьи и должен хорошо учиться, ты же способный мальчик. – Да какой я мальчик, если уже бреюсь, а что бедные мы, я и сам знаю. Нечего всему классу рассказывать. Дома мама пристаёт: – Почему столько троек? На отца жалко смотреть, совсем плохо ходит. Он уже старый, как никак, 40 лет. Потому я и нервный. Вот кончу восемь классов, пойду работать. Эти мысли испортили мне настроение, даже музыка в душе замолчала. И с часами что то случилось, то ли идут, то ли стоят. А когда вспомнил о свиданке, на сердце сладко, сладко стало. Сразу счастье вернулось, и снова на душе что-то запело. Выглянув из окна, окликнул соседку:

– Баба Клава, – сколько времени? – Ты же полчаса, как спрашивал?!

– Да, с головой у меня что-то.

– Вот именно, – ответила она и захлопнула окно.

* * *

Да, Мишка был из бедной семьи. У отца была какая-то то редкая болезнь и быстро прогрессирует паралич. Мать работала на табачной фабрике. Даже платить соседке по рублю за прочитанную сыном книгу, было не просто. Семья жила трудно. А одевать сына-подростка и вовсе неподъемно. Рубашка из пелёночной фланели и светло-зелёные брюки из палаточной ткани были Мишкиным выходным нарядом, впрочем, и повседневным. Ещё у него были выходные туфли с калошами, купленные по случаю на толкучке. Их шили подпольные сапожники. Верх был из какой-то плотной крашенной ткани, а подметки из картона от американских посылок. По тем временам, они выглядели довольно прилично, если, конечно, не приглядываться.

Мишка их очень берёт, но после первого дождя картонная подметка отвалилась. Он был в отчаянии, но его друг Владик, человек смекалистый, нашёл решение. Мишка одевал на ногу то, что осталось от туфля, а Владик прямо на ногу, со стороны подошвы, скреплял её тонкими медными жилками от электропровода и поверх надевал калошу. Эту процедуру приходилось повторять каждый раз перед очередным ответственным выходом из дома.

* * *

О, из кухни пошло тепло. Это на примусе греются два железных утюга. Мне нужно ещё погладить брюки и рубашку. Этот наряд мне сшила тётя Поля, мать моего друга. Наша дура химичка, классная дама, выговаривала маме, что она, мол, меня балует. Роскошно одевает, поэтому я часто пропускаю уроки. Ну не идиотка?

Воспоминание о двойке по химии, которую я никак не могу исправить, не испортило мне настроение. Я летаю по квартире, что - то напеваю, а сердце бухает от счастья. Ещё бы, через два часа с моей Виолой я прошвырнусь по Дерибасовской. Может быть, даже возьму её под руку. И я три раза сплюнул через левое плечо. Вообще я не суеверный, но на всякий случай.

Опаньки, гром, значит можно спокойно надевать парадную обувь. Ну, Михайло, тебе сегодня везёт!

Тяжёлый утюг с трудом разглаживал пересохшие брезентовые брюки.

Но когда я закончил глажку, их почти можно было ставить на штанины, а стрелками порезать руки. Осталась рубашечка, моя единственная любимая рубашечка. Будем тебя гладить, а если бы её не было, хоть в майке иди.

В маленьком флигеле, напротив нашего балкона у окна сидела баба Клава и с полужакрытыми глазами лузгала крупные семечки – «Конский зуб». Лушпайки она не выплёвывала, а выталкивала изо рта языком. Они

висели на нижней губе, цеплялись друг за друга и закрывали подбородок, как седая борода. Во дворе появился мой друг Владик.

– Монсеньёр, вы, кажется, вздремнули, – закричал он – но будьте любезны, заглянуть в окно к кавалеру Де Мусик, вернулся ли он с охоты?

Баба Клава вздрогнула и открыла глаза, вся кожа осыпалась с подбородка. – Чё тебе, придурок!

– Ох, пардон, вы оказывается женщина, а я вас принял за монсеньёра Ришелье! С бородой, вы точный монсеньер. Мадам у меня плохо с глазами. Как назло, в постели у Помпадур забыл монокль. Не придуривайтесь, не придуривайтесь, вы хорошо её знаете.

– Не с глазами у тебя плохо, а с головой. Вы все тронутые, тьфу, тьфу на вас! – Мадам, вы такая почтенная матрона, а выражаетесь, как тачечник дядя Балабанчук.

– Ах, ты байстрюк, ещё и матроной обзываешь, вот придёт твоя мутерша, всё ей расскажу! – крикнула баба Клава и запахла окно.

Я выскочил на балкон, а соседи открыли окна. – А-а-а, кавалер, приветствую вас, сколько лис вы затравили на этот раз? Он снял с головы кацманку и сделал глубокий реверанс. – Малохольный, ты знаешь, сколько сейчас времени? – прошипел я. Он посмотрел на руку, где обычно носят часы. – До свидания осталось час сорок восемь с половиной минут. Не волнуйтесь, я уже приказал почистить вашего коня. Сегодня ваш день, ведь будет дождь.

* * *

Соседи высунулись из окон. Их мучил вопрос: откуда у этих сопляков столько лисих горжеток, да ещё и лошадь, это же большие деньги?

Владик Сенькин, по прозвищу Шмуклер, был с Мишкой не разлей вода. Эта дружба сохранилась на всю жизнь.

Он был крепким, красивым мальчиком. Пользовался у девочек абсолютным успехом. Мечтал стать моряком и всегда носил морскую фуражку с крабом. Почему-то на Молдаванке её называли кацманкой. Он ею очень гордился и не снимал её ни зимой, ни летом. Прочитав очередную книгу, он выражался витиевато, подражая её героям. Всегда носил в руках толстый том, независимо от содержания. Говорил – для солидности. Это часто было поводом для Мишкиных шуток.

* * *

– Я знаю, – продолжал Владик, – почистить коня, надеть на вас ботфорты некому, слуги обнаглели. Но у вас есть друг, который разберётся и с конём, и с ботфортами, и с дворней. Я перегнулся через перила балкона и сквозь зубы зашипел: – Хватит п....., весь двор в окнах.

– Чего тебя холера душит, чего ты бросаешься, как живой, «будьте увереночки», я не подведу! Я знал, если Владик заговорил по человечески, можно не волноваться.

– Шо, Мишка подживает с дворничкой? – подала голос глухонькая баба Маня, затягиваясь самокруткой. Она про всех всё знала и не могла понять, как упустила такую новость.

– Закрой уже свой рот, Маня, тебе нужно всё знать. Не порть мальчика, я помню, ты начала этим заниматься, только - только, перестала сцать в кровать, заметил дядя Гриша с третьего этажа, и несколько деревянных гвоздиков вылетели у него изо рта. Он набивал набойки на ботинки внука. – Кавалер нервничает, – предположил Владик, – всё-таки первое свидание...

Соседка над нами высунулась из окна: – Бабы! Шо-то дымом тягнет. Я отшатнулся от перил и влетел в комнату. На моей рубашке стоял утюг. Вокруг него кучерявился лёгкий дымок. Под ним тлела столешница.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕДАЛЁКОМ ПРОШЛОМ, ИЛИ ORDNUNG MUSS SEIN

Фрау хаузмастер по фамилии Питбулен, дама средних лет, была родом из Восточной Германии и сносно говорила по-русски.

Короткая стрижка гладко зачёсанных тёмных волос, вселенская печаль на скуластом лице делали её похожей, скорее на мужчину, который спешит на ответственные похороны. Это впечатление дополняли чёрный брючный костюм, белая сорочка и чёрный галстук, повязанный широким узлом. Фрау Питбулен передвигалась почти строевым шагом, выпрямив спину и развернув плечи. При встрече, на моё заискивающее приветствие: – Гутен таг фрау хаузмастер! – Не поворачивая головы в мою сторону, она холодно бросала: – Добрый день, хер Гринштайн! – и строевым шагом удалялась.

Поначалу приставка «хер» к моей фамилии меня сильно напрягала и немножечко обижала. Я не мог понять, откуда это уважаемая дама знает приставку, которой мы иногда пользуемся при упоминании морского зверя с длинными клыками, если хотим сделать, «приятное» собеседнику. И почему прелести моржа ассоциируются у неё с моей фамилией?

У фрау Питбулен было два пунктика: один – порядок, порядок и порядок, другой – экономия денег налогоплательщиков. Несколько раз в неделю она обходила все этажи нашего дома, делала замечания уборщикам, осматривала пожароизвещатели, гидранты, заставляла убирать из коридо-

ров детские коляски, велосипеды и прочее, что, по её мнению, помешало бы пожарным спасти жильцов. Как оказалось позже, приняховиваясь, она даже определяла, что готовилось на кухне за той или иной дверью. Эта чопорная, педантичная женщина олицетворяла в моих глазах всю немецкую власть и немецкую ментальность.

* * *

Как-то, встретив меня, она сказала:

– Вы много курите, хер Гринштайн.

– Да не так уж и много, всего три сигареты в день, – польщенный её вниманием ответил я.

– Это не мало, хер Гринштайн, если вы стряхиваете пепел с балкона, и он летит на нижнюю лоджию. Для этого существуют пепельницы, хер Гринштайн. Это не есть Россия, это есть Германия.

– Я окурки не бросаю, а только пепел, – робко оправдывался я.

– Если бы были окурки, хер Гринштайн, то сегодня здесь была бы полиция.

Это не есть Россия, это есть Германия. Надеюсь, вы ещё не забыли русский язык и меня правильно поняли, – уточнила фрау хаузмастер и подняла палец вверх.

– Не забыл, не забыл, – поспешно успокоил я госпожу Питбулен.

Теперь, проходя мимо нашего дома, она многозначительно поднимает палец вверх, а я демонстрирую ей пепельницу.

* * *

Через некоторое время мне позвонила эта суровая женщина и спросила, как я расходую водопроводную воду. Ничего не подозревая, я ответил, что экономлю днём и ночью, как и подобает коренному берлинцу. Не скрывая сарказма, она сказала:

– Не знала, что вы коренной берлинец. Я покраснел и что-то промямлил в ответ. А как ваше здоровье? – Продолжала она. «Ей неудобно за резкость», – потеплело у меня на душе. – Спасибо! Я тронут вашим беспокойством, всё в пределах возраста. А что вас так волнует? Не заметив ответа, она продолжала. – В вашем возрасте с простатой шутить нельзя, хер Гринштайн, так и до рака прийти можно. Вы ничего такого не заметили? Мой лоб покрылся испариной, ладони стали влажными, и я упал в кресло. Воображение нарисовало мне собственные похороны. Идущая за гробом строевым шагом фрау хаузмастер с венком от фервальтунга. На чёрных траурных лентах золотом выведено: это не есть Россия, это есть Германия. Она ещё что-то долго и быстро продолжала говорить. Когда я пришёл в себя и смог соображать, до меня дошла её фраза:

– Могу порекомендовать первоклассного уролога, – сказала фрау Питбулен. Я опешил.

– Зачем он мне? Я здоров, понимаете, здоров, – заорал я.

– Не надо так кричать, слава Богу, это ещё пока Германия, а не Израиль. Вы по ночам часто пользуетесь туалетом. Это беспокоит соседей, им рано вставать на работу. Конечно, те кто живёт на социальное пособие, могут себе позволить поспать подольше, – ехидно заметила она. А если, вдруг, вы здоровы, то меньше пейте пиво, чай, а также ваш борщ. Вы поняли меня хер Гринштайн. Это не есть Россия, это есть Германия, – сказала она и повесила трубку.

С тех пор после двух часов я не пью ни пиво, ни воду, ни чай и даже не ем мой любимый украинский борщ, который так вкусно готовит жена.

* * *

Как-то супруга стряпала жаркое из бараньих рёбрышек, да с чесночком, да с лавровым листиком, с перчиком, да ещё и с мускатным орехом. Я ходил по комнате, глотал слюнки, от нетерпения поглядывал на часы, предвкушая именины желудка.

Не часто это блюдо готовилось у нас, учитывая суммарную цифру холестерина в нашей семье. Его с избытком хватило бы на два десятка новобранцев.

Как вдруг раздался звонок в дверь. Открываю. – Фрау Питбулен, – удивился я. – Извините, хер Гринштайн, можно с вами поговорить?

– Пожалуйста, фрау хаузмастер заходите, прошу вас.

– Нет, нет! У вас очень душно и пахнет чесноком, пройдёте к лестничной площадке. Мне это сразу не понравилось. Иду за ней по коридору, а на сердце неспокойно. Лихорадочно вспоминаю, что же я ещё натворил: пепел не стряхиваю, ночью сливаю в унитаз по бесшумной технологии. Значит, я чист перед Фрау Питбулен и законами немецкого Государства!? Оглядев меня от макушки до туфель, она скривилась и спросила: – Какой у вас вес хер Гринштайн? – Девяносто пять.

– Вот! – воскликнула она, – и холестерин у вас высокий?

– Высокий, – робко сказал я. – Вот! – Так я и предполагала. И живот у вас большой. – Боль,.. – смутился я. Она наступила на мою большую мозоль.

– Вот! – снова воскликнула она. Вы употребляете много жирной пищи. А это ведёт к диабету. И вы ещё больше будете сосать из кранкенкассы. Ведь это деньги налогоплательщиков. Вы же никогда не платили налогов в Германии и сейчас не платите? Верно, хер Гринштайн?

– Да, да, – слабым голосом ответил я и почувствовал, как моя поджелудочная железа перестала вырабатывать инсулин.

– Что значит да, да? Это не есть Россия, это есть Германия, вы меня поняли, хер Гринштайн?

Мне нестерпимо захотелось щёлкнуть каблуками и заорать:

– Яволь! Фрау Питбуль! – начисто отбросив последние буквы. Но я тихо сказал, – конечно, нам не следует есть жирную пищу, чтобы не напрягать федеральный бюджет.

* * *

Когда мы поселились в доме, где живём сейчас, в окошки домофона и почтового ящика долго не вставлялись бирки с моей фамилией. На мой вопрос, когда? Фрау хаузмастер, подняв палец вверх, отвечала: – Это не есть Россия, это есть Германия. Здесь во всём порядок, хер Гринштайн. Ordnung muss sein, – повторила она на немецком. Советую хорошо запомнить эти три слова, они вам очень пригодятся, – повернулась через левое плечо и быстро ушла. Я долго ломал голову, почему отсутствие бирок с моей фамилией у кнопки домофона и почтового ящика считается в Германии порядком, но так и не понял. А когда на моё имя пришло письмо с важными документами, почтальон не найдя адресата отправил его обратно, с надписью «Адресат выбыл». Мой родственник приложил много усилий, чтобы собрать нужные бумаги. Получив, их обратно он возмущённо позвонил мне. На что я механически ответил:

– Это не есть Россия, это есть Германия и побежал к фрау Питбулен, потому что, все-таки, Ordnung muss sein.

* * *

Уже позже, изучив немецкий язык, интегрировавшись в немецкую культуру, я понял, как рациональна и права была эта строгая дама.

ДАВИД ЯНОВСКИЙ

* * *

Всё, что происходит, – не напрасно:
Смех и слёзы, дружба и вражда.
Жизнь нас учит жизни ежечасно,
И права поэтому всегда.

Всё, что происходит, – не случайно:
Взлёт и крах, богатство и нужда,
Но судьбы мучительная тайна
Остаётся тайною всегда.

Всё, что происходит – неизбежно:
Зло и благо, радость и беда.
Жизнь бывает тягостной и грешной,
Но желанна, всё-таки – всегда.

* * *

Стихи придут неведомо откуда
И поведут неведомо куда,
И это неприкаянное чудо
Сметёт все «ни за что» и «никогда».

И станет невозможное возможным,
И станет непонятное простым.
Окажется простое очень сложным.
Обыденность исчезнет, словно дым.

Глаз станет зорким, слух твой станет тонким.
Ты новый путь увидишь впереди.
И вечность тёплым, маленьким котёнком
Мурлыкать будет на твоей груди.

* * *

Спорить о вкусах можно и нужно,
Только не жёлко, а добродушно.

* * *

Зло всё крушит и ломает окрест,
Ведь свастика – это изломанный крест.

* * *

Когда от старости болят и ноют ноги,
Круты все лестницы и длинны все дороги.

* * *

Когда причёска поредела,
Расчёска мается без дела.

* * *

Что запомню? Что могу забыть я?
Память избирательна всегда.
Выветрились важные события,
Мелочи я помню сквозь года.

* * *

Как звонко тикают часы в ночной тиши!
То поступь времени, услышанная нами.
Темно и тихо. В мире – ни души.
И вечность видим мы закрытыми глазами.

* * *

Когда я ночью просыпаюсь
и, сбросив груз дневных тревог,
я душу выразить стараюсь
в своих стихах, тогда я – бог!

* * *

Меня не страшит бессонница,
Она – мой испытанный друг.
В тиши моих мыслей конница
Летит без узды и подруг.

* * *

Всё те же знакомые лица,
На том же знакомом пути,
Всё так же земля кружится,
Не в силах от солнца уйти.

А может и ей надоело
Кружить миллионы лет.
Дай волю – она б улетела,
Покинув сестёр-планет.

Умчалась бы в космос бескрайний
Сквозь времени сизый дым
К окутаным тёмною тайной
Туманностям голубым.

Но прочная цепь гравитации
Держит, где следует быть ей,
И вечно должна вращаться
Она на своей орбите.

И слава Богу. Без солнца
От жизни следа не останется.
Не убегай, дон Алонсо,
Сиди себе дома с племянницей.

Зачем в бесконечность стремиться?
Нам счастье помогут найти
Всё те же знакомые лица,
На том же знакомом пути.

ИГОРЬ КОГАН

ВЕЧЕРНИЕ БДЕНИЯ

За окном большими хлопьями падает мягкий, январский снег. Тепло и скучно... Впрочем, не столько скучно, сколько по тихому хорошо. Хорошо и приятно. Приятно сидеть в потрёпанном урчащем кресле, положив ноги на облезлую трехногую табуретку, покрытую большой подушкой, и натянуть при этом на нос потертый плед. Напротив телевизор – властитель дум, университет миллионов. Рядом на столе чашечка горячего кофе, коньяк и сигареты «Дымок» – призраки комфорта. Пятница. Вечер. Впереди два свободных дня – законный тихий час. Полутёмную комнату освещает маленькая свечка и размазывает по потолку сонмы немыслимых теней – предвестников иллюзий...

20 час. 15 мин. – «Спокойной ночи малыши»... Телевизор вспыхивает счастливым, сопливым детством. Это всё, что отпущено на путешествие в прошлое. Пятнадцать минут в день – и снова вперёд...

На завтра всё известно. Утром мелкие дела и поход к сыну. Книжки, кубики, железные дороги, бульканье пьяного деда, настырный запах хрена... Всё это вперемешку с очаровательным матом, который исходит из своих блудливых уст любимая мамусенька моего отпрыска. Источать мамусенька не устаёт никогда, но стоит мне появиться на пороге, как талант её мгновенно приобретает вселенские размеры, обрастая такими превосходными степенями, от которых повесился бы сам Франсуа Рабле.

Так будет завтра. Так будет через неделю. Так было два года назад...

...дверь в детскую распахнулась. В проёме появилась мамусенька. «Всё! – сказала мамусенька – «Час прошел! Пи-ц!» Я встаю. Беру сына на руки. Мы целуемся. «Ну пока» – говорю я. «Иди в...», – добродушно отвечает он посылая меня в самую популярную часть дамского тела.

Я выхожу на улицу. Глотаю собачий холод. Детские губы горят на моих щеках. Низко-низко наклоняю голову и стараюсь быстрее проскочить

мимо незамерзающих штатных зевак. Вероятно, этим ублюдкам не страшен даже жидкий гелий.

На автобусной остановке никого – плотный, замерзший туман... Минут через пять подходит девушка. Чёрные сапожки. Чёрное пальтишко. Под чёрным капюшоном густые рыжезолотистые волосы. Широко-широко раскрытые зелёные глаза и запачканный веснушками нос.

Повеяло весной. Стало жарко. Я вспомнил «напутствие» сына и рассмеялся. «А ведь очень неплохо было бы сейчас...» – сказал я, глядя на верхушку её капюшона. Она подняла на меня глазищи и нос одновременно. Не мигая и быстро-быстро шевеля маленькими ноздрями спросила – «Что?»... Давно я так не смеялся. Чуть было не пропустил автобус. Пока мы ехали, она всё время косила на меня свои глазищи и нос. По всему было видно, что ей очень хочется узнать причину моего веселья.

Обстановка в метро пиковая. Время, когда трудящиеся стремятся во что бы то ни стало пропутешествовать в центр города и обратно – кто с кем, кто сам с собой. Вагон забит подобающим образом... Не использовать такую ситуацию для собственного блага было бы величайшим невежеством. Естественно, я оказался рядом с ней... В следующее мгновение нас буквально перемешали друг с другом... В вагоне стояла тишина, которую только подчёркивал стук колёс... Я посмотрел ей в глаза и она мне ответила... Ответила тревожным, неуверенным красным светом. На следующей остановке трудящихся в вагоне стало ещё больше. Теперь между нами не осталось даже миллиметра свободного пространства. Я снова посмотрел на неё и, вместо красного увидел зелёный... Я приблизил к ней своё лицо. Она закрыла глаза... И тогда я поцеловал её в губы.

Она отозвалась с такой силой, что я испугался и стал мигать глазами по сторонам... Когда же я вернулся к ней, она уже овладела собой, и глазищами невинно шныряла по потолку вагона. Только растерянно трепетали ноздри её веснушчатого носа...

На площади Свердлова она вышла и повисла на шее у какого-то парня...

Н-н-да... Вот ведь, чёрт... Ну, бабы!... Я рывком вскакиваю на ноги и хлебнув из бутылки, вытягиваю шагами свою одиночную квартиру. Раз два три – поворот. Раз два три – поворот. Раз два три – поворот. Раз два три – звонок. «Алло... Привет... Пью... Я не пропал... Я тоже очень, очень... Я не Вадим... Ничего я вам не морочил... Надо правильно набирать номер... Сами вы...».

Гудки... глоток коньяка... программа «Время». Иван... Ливан... Иран... виды на урожай...

«Ночь, улица, фонарь, аптека»... Н-н-да... Чашечку кофе, пожалуйста...

Через неделю я увидел её в театре. Чёрные туфельки, чёрные чулочки, чёрное платьице, рукава три четверти, белый воротничок и белые манже-

ты, из-под манжет – тоненькие, как палочки, руки с широкими ладонями и длинными пальцами... Стройненькая, изящненькая худышка... Одна!...

А театр полон взалкавшими досуга трудящимися... Длинные хвосты очередей... раздевалки... буфеты... туалеты... программки... Два бутерброда с колбасой, два с сыром, четыре пирожных, две бутылки воды, три конфеты «Белочка», копна рыжезолотистых волос и широченные зелёные глаза, полные веснушек – всего четыре рубля тринадцать копеек...

Н-н-да... *21 час 30 мин. «Они были первыми»... Экран телевизора озаряется верой и правдой тех лет... Не знаю было ли им хорошо, но жить без страха и упрёка гораздо проще. Там чёрное... там белое...*

... А театр шумит «как Есенин в участке»... Гардероб забит трудящимися, которых распирает от восторгов и негодований...

«Ах какой красавец!

– Кто?

– Ну этот.. Который ту... Как её?...

– Джильду что ль?

– Ну да! Джильду!

– Герцог что ль?

– Ну да! Герцог! Душка! Просто душка!»

«Нет, Марк Сергеевич, вы, как хотите, а Богданов – не певец... Ему с обезьянами петь... В зоопарке... Жучкова помните? Вот голос! Сила! Сласть! А этот!... Вы в «Фаусте» его слушали? «О светлый ангел, дорогая шестра... Портрет твой драгоценный...» Ну батенька... Ну по совести...»

«Гражданин! Граждани-и-н! Андел светлый! Пальто брать будете? Не одни чай...»

– Пап, а пап! А кто такие крутызаны?

– Не крутызаны, а куртизаны...

– Ну всё равно, кто?

– Люди...

– Какие?

– Плохие...

– А что они делают?

– Развратничают...

– Это как?

– Женщин... пугают...

– Каких?

– Молодых...

«Как вам не стыдно! Гражданин! Чему вы учите ребёнка?»

«Вот, сынок... Посмотри и запомни... Таких они не пугают.»

«Ой, батюшки! Ну как же!... Ну что же!... Товарищ! Ну как я теперь домой пойду?

Что? Нахал!»

Простите... Извините... Позвольте... Осторожнее... Не толкайтесь...

Вешалки постепенно обнажаются. Облегчённо и гулко вздыхают измождённые истоптанные фойе. Гардеробщики усаживаются. Раскладывают по футлярам оптику – личную собственность, предмет дохода. Двери заперты. Театр погружается в густую, чуткую тишину. До свидания... До завтра.

На улице гадость и дрянь. «...Минус три-пять градусов мороза. Ветер северный, порывистый. Временами до сильного...» Ледяные дробинки хлещут по лицу. Лана ёжится. Взвизгивает. Лезет своими веснушками в мохнатый воротник моей шубы и тихонько скулит, и притоптывает ногами. Меня охватывает неодолимая нежность к этому маленькому, тёплому комочку. Я становлюсь огромный. Необъятный. Способный защитить слабое, уже дорогое мне существо. Только странно... В сердце не привычная гордость, а острая боль... Мне не знакомо это чувство - но... Быть может счастье бывает и таким. Поживём... Увидим... Лана сует свои лапки мне в карман «Если ты не возражаешь, то пойдём к тебе. Я до дома не доберусь. Холодно»

*«...заста-а-вой,
Где закаты в дым,
Жил парнишка кудрявый,
Лет семнадцать ему,
Парню очень хотелось...»*

Через двадцать минут мы дома... Рваная тряпка. Ободранный порог. Следы талого, грязного снега ведут из прихожей на кухню, где среди пыли и мусора белоснежной улыбкой сияет надраенная посуда. Под ногами хрустят черствые хлебные крошки. Я поскальзываюсь на лимонной корке и внушительно шмякаюсь об пол. Разбуженная пыль недовольно вьется вокруг моего носа. Лана заливается смехом. В довершение своего «антре» я чихаю несколько раз подряд, что приводит её в совершенный восторг.

– У тебя здесь столько пыли намело – целые сугробы... На лыжах кататься можно.

– Именно этим я занимаюсь в зимнее время года.

– А летом?

– Летом я в ней купаюсь. Как видишь, всё под рукой. Можно из дома не выходить.

– А грязевые ванны ты принимаешь?

– Не додумался, но это идея.

– А если серьёзно?

– Если серьёзно, то мне на всё это глубоко наплевать. Я убираюсь раз в две недели и считаю это вполне достаточным.

– А посуда?

– Посуда другое дело – из неё едят, в ней готовят.

– Всё! Сдаюсь! Ты меня убедил. Показывай свои всПЫЛЬчивые апартаменты.

Мы раздеваемся и проходим в комнату. Лана застывает в дверях...

– Что с вами мадемуазель? Вы испачкались?

– Что это?

– Это сон наяву. Сказка всех времён и народов. Пожизненное. Они всю жизнь проработали в театре. Бутафорами.

– А где они сейчас?

– Уехали... Совсем...

Вот посмотри лучше сюда. Да нет. Левее. В углу. Видишь? На этой зелёной лужайке собрались все влюблённые. Ну не все, конечно. Самые известные. Здесь Орфей и Эвридика, Дафнис и Хлоя, Персей и Андромеда, Тристан и Изольда, Гретхен и Фауст, Ромео и Джульетта. Однако, посмотри на их странное поведение. Стоило им собраться вместе, как они тут же обменялись возлюбленными. Орфей направил свою лиру к Изольде. Тристан преклонил колено перед Джульеттой. Хлоя играет в салочки с Ромео. Персей увлечён Гретхен. Андромеда и Фауст давно поняли друг друга. А Дафнис волочится за Эвридикой.

– Какой безнравственный сюжет!

– Что ж тут безнравственного? Легко соблюдать верность, когда изменить не с кем. Бедные, несчастные страдальцы! Сотни – тысячи лет томилась она в застенках собственных мифов!... Теперь же, волею судеб они оказались все вместе. Ну и... распорядились. И, как видишь, никто не жалеет. Никто не ревнует. Никто не остался несчастным.

– И можно сочинять новые мифы? Да?

– Ну, я бы предпочёл старые. Привык, знаешь ли. Сроднился. Но сути дела это не меняет. Есть, кстати, премилые стишки на эту тему:

*«Лгала Минусу Пасифая,
Дидону обманул Эней,
Дурачила Венера Марса,
И Ариадне лгал Тесей,
Убит был Тит Семирамидой
Медее изменил Ясон...»*

И что-то там ещё было, точно не помню. Стишкам этим более трех сотен лет. Написала их женщина. Испанка. Четырнадцати лет от роду, из-за

несчастной любви она удалилась в монастырь и прожила там до самой смерти, переплавляя свои звёздные часы в поэтическое вдохновение, или, говоря языком современным, могла по желанию трансформировать энергию физическую в умственную. Она так преуспела, что стала известна всему миру под именем «Десятая муза». Келейная обстановка изрядно помогала ей в этом. Настоящее имя её Huana Ines de la Krus. Она была представлена ко двору и в будущем могла занять хорошее положение. Безупречная внешность весьма способствовала ей. Однако...

– Ну вот видишь!

– Это случай исключительный.

– Ну и пусть. А я все равно верю. Вот ты проснешься как-нибудь утром и увидишь, что все твои фигурки снова нашли друг друга, как тысячи лет назад. Я в это верю.

– Блажен, кто верует...

– А ты?

– Я? Я тип аморально устойчивый.

– А если серьёзно?

– Если серьёзно, то я хотел бы любить и желать одну единственную женщину.

– А не скучно?

– Скучно каждый раз отворачиваться к стенке. Скучно и противно слышать сквозь сон, как она до утра ревёт, а часов этак в шесть начинает одеваться. И нарочно шумит, надеясь, что я проснусь и попрошу остаться. А я и так не сплю. Жду пока уйдёт. Пока наступит мерзкая, пустая тишина... Но лучше пусто, чем противно.

– Зачем же ты тогда?..

– Но ведь я ещё жив...

Я быстро подхожу к Лане и толкаю её на кровать... Едва уловимые прикосновения рук... Неловкое дыхание, переходящее в раскалённый, тяжелеющий шепот... в упоительный стальной ритм...

...Лана спит, приоткрыв ещё горячие губы и закинув руки за голову. Тонкое, чудесных пропорций тело, слегка припорошенное веснушками. Лёгкими, нежными движениями, сверху вниз, я разглаживаю эту звёздную россыпь, пока моя рука не утопает в мягкой красно-золотистой ткани...

Чёрт меня возьми совсем! Неужели я решусь остаться с этой рыжей копной. На этом складе веснушек. С этими убийственными изумрудными глазами, способными усмирить даже Горгону-Медузу. Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет. А голова на что? Думай, думай, думай, думай... А что тут, собственно, думать? Целый месяц знакомы и не надоело, и не нужен больше никто, и никого ни разу не вспомнил. О, что б её, эту очаровывающую мягкость,

эту поразительную способность в любой момент прийти на помощь, разделить тяжесть, эту патологическую естественность буквально во всём. Нельзя же, в самом деле, так искусно притворяться. Не на сцене чай...

Странная привычка появилась у меня в последнее время. Чем больше я получаю от человека хорошего, тем сильнее проявляется против него моё раздражение. Я все время задаю себе вопрос – что ему от меня надо? Ведь нельзя же, чёрт возьми, просто так...

Ведь нельзя же... Что ж... за красивые глазки?... За здорово живёшь?... Дудки!... В конце концов, я всегда оказывался прав. А тут... ничего понять не могу... Да ещё женщина...

«...я не прошу у тебя прощения... Такое не прощают. Да я и не рассказываю. Я всё рассчитала и сделала так как хотела. Мои родители Бобруйске мещане – пархатая, местечковая мелюзга, а мой ребёнок должен иметь породу – гены длиной в тысячу лет... и я их от тебя получила. Теперь ты нам не нужен. Ни мне, ни моему мальчику. Мы подали заявление. Не пытайся меня остановить. Не выйдет. Время, сейчас, другое. Советую подписать согласие на наш отъезд».

«... Видите ли, в чём дело, молодой человек. Вы, конечно, можете отказать подписать согласие на отъезд вашего ребёнка, но... Ему меньше года. Будет нервничать мать. Будет нервничать ребенок. Ну задержите вы их на несколько месяцев, и что...? Всё равно они уедут. Я как юрист вам советую. Время сейчас не то... Другое сейчас время... Не надо портить жизнь ни себе, ни им. Не вы первый – не вы последний».

...за окном большими хлопьями падает мягкий, январский снег...

...на завтра всё известно...

МИХАИЛ ВАЙМАН

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

*Большие воды не смогут потушить
любви, и реки не зальют её. Если бы кто
давал все богатства дома своего за любовь,
то он был бы отвергнут с презрением.*

Песнь песней, 8, 7.

1

Я спать легла, раздевшись донага.
И слышу я возлюбленного голос:
*«Открой мне дверь, я царь твой и слуга,
Пришёл к тебе. В ночной росе мой волос».*

*«Как мне открыть? Я вся обнажена,
Натёрлась миррой и омыла ноги».*
*«Ты мне, как влага в засуху, нужна,
пусты, поверь, мне без тебя чертоги.*

Открой мне дверь, я сердцем изнемог».
*«От слов твоих души во мне не стало.
Любимый мой, я отперла замок...».*
Но он ушёл, пока я отпирала.

Я бегала по тёмным площадям.
(Дыша проказой нищий люд валялся

В канавах). Я, гортани не щадя,
Звала его, но он не откликался.

Ночная стража, та, что стерегла
Сны города, колодцы и темницы,
На мне одежды ветхие рвала,
Глумилась надо мной, как над блудницей.

Во мне любви огонь неугасим.
Где мой любимый царь и виноградарь?
Поведай мне, мой Иерусалим,
В каком саду он, за какой оградой?

2
«О, возлюбленный мой,
Ты прекрасен, как царственный кедр,
Как горячий скакун
Благородных кровей, чёрногривый.
И мудрее ты всех,
И в любви неуёмен и щедр».
*«Голубица моя,
Ты всех жён и наложниц красивей.*

*В бело-розовой кипени куст.
Твои груди – на солнце
Созревшие два апельсина.
Каплет сотовый мёд
Из твоих полусомкнутых уст.
Ты Саронская лилия,
Роза ливанской долины».*

«Я от ласк твоих жарких
Безумства полна и пьяна,
Голос твой для меня,
Словно арфы звучащие струны».
*«Поцелуй твои,
Моя горлица, слаще вина.*

*Твои волосы – стадо
Червонных овец златорунных.*

*Ветер ласково треплет
Их каждый тугой завиток.
И подвески струят
Свой рубиновый свет на ланиты.
Мёд густой, миндаля
Молоко под твоим языком.
Как прекрасны в сандалиях
Ноги твои, Суламита».*

*«Ты вкуси от плодов моих,
Чист и нетронут мой сад,
Ты, ворвавшийся вихрем
В мою непорочную душу».
«Твой живот, моя горлица,
Чаша для царских услад,
Округление чресел –
Медовые, зрелые груши».*

*«Напой меня соком
Гранатовых яблок, вином,
Ибо изнемогло
От любви моё знойное тело.
Как могла стерегла
Виноградники братьев я, но
Виноградник свой собственный
Я уберечь не сумела».*

* * *

*Печальная дата.
В день скорби, девятого ава
Был купол небесный
С востока до запада ал.
Над храмом пылающим*

Солнце, мерцая кроваво,
Стояло в зените,
Хоть полдень давно миновал.

Весь день, не смолкая,
Звучали стенанья и вопли,
От яростных криков,
Казалось, дрожал небосвод.
Пророки рекли:
«Не постичь нам, Господь, твоей воли
О, Боже за что
Ты так грозно казнишь свой народ?»

И лица свои
Раздирали ногтями до крови
Пугливые женщины,
Видя смятенье и смерть.
И первосвященник
С прошибленной пламенем кровли,
Как в омут бушующий,
Бросился в огненный смерч.

И следом за ним
Под истошные вопли увечных
Бросались левиты
С высоких ступеней крутых,
И давшие клятву
В своей непорочности вечной
Девицы, что ткали
Завесу Святая Святых.

И в этот же день
Царь был пойман с двумя сыновьями.
В плену он взмолился:
«О, варвар презренный, убей
Сначала меня,
Чтоб пред смертью своими глазами

Не видел я крови
Невинных моих сыновей».

Ответ был: «Твою,
Хоть суровы законы Востока,
Я просьбу исполню.
Молись за меня небесам».
И вырвав глаза,
По стариной привычке жестокой
Палач их швырнул
На съеденье прожорливым псам.

Потом он зарезал
Обоих сынов, как баранов.
Царь крови не видел –
Палач в том помог ему. Стон
И вопли он слышал.
Сочились кровавые раны,
Когда повезли
На телеге царя в Вавилон.

Телегу ту с клеткой
Тащила хромая ослица.
Воители пели,
Победные гимны трубя.
И ангелы, пряча
В изгибах локтей свои лица,
По-бабьи рыдали,
О храме сожжённом скорбя.

ПЛАЧ РАХИЛИ

*Рахиль плачет о детях своих
и не хочет утешиться о детях
своих, ибо их нет.*

Иеремия, 2-31 15

Вы слышите вселенский плач
И вопль отчаянья над миром?
Осмеянный волхвами Ирод
Младенцев повелел – палач! –

Предать мечу. На сотни миль
И кровь, и стон, и ад кромешный.
О детях плачет безутешно
С тех пор скорбящая Рахиль.

Бушует времени река,
И каждый раз, чтоб править миром,
Приходят новые кумиры.
А плач несётся сквозь века.

Шальные ветры, как сычи,
Вопят и всхлипывают или
Скулит метель – то плач Рахили,
Быть может, слышится в ночи,

Она до сей поры зовёт
Своих детей то криком птицы,
То в окна тёмные стучится
В ненастной мгле – и слёзы льёт.

В домах, куда пришла беда
Утратою невозполнимой,
Рахиль присутствует незримо
И плач её неудержимый
Не замолкает никогда.

РАБСТВО

Я в прежней жизни был рабом.
Меня пленили в Иудее
Неумолимые злодеи.
Звучал истошный вопль кругом.

Исхлёстанный до язв кнутом,
Изнемогая и зверея,
Я строил арки Колизея,
Дворцы патрициев. Потом

Был перепродан на галеры
Те, что без флага и без веры
Неслись в морях во все концы.

Свистела плеть – подобье змея.
На всей спине моей алая,
Ещё не зажили рубцы.

ВЕРА ФЁДОРОВА

Стихи для детей

ПРИШЛА ВЕСНА

Скинул мишка одеяло:
– Почему так жарко стало?
Из берлоги вышел он,
Слышит птичий перезвон.

Снег осел. Бежит дорожка
И трава видна немножко.
Не поймёт медведь со сна,
Что уже пришла весна.

МЫШОНОК И СОВА

– Лупоглазая сова,
помоги колоть дрова!
А сова ему: «С утра
я не вижу топора.
Вот когда наступит ночь,
я помочь тебе не прочь.
Опустишь бесшумно вниз...
Ох, мышонок, берегись!»

МАЛЫШКА

На моих ладошках
Божья коровка,

Платьице в горошках,
Чёрная головка.

Подогнула лапки,
Съёжилась от боли,
Потеряла тапки
И теперь – мозоли.

Божью коровку
Я кладу в коробку,
Подстилаю ватку,
Спи, малышка, сладко.

РОМАШКИ ПОД ДОЖДЁМ

Под дождём стоят Ромашки,
Промочили все рубашки
И, наверно, от тоски
Опустились лепестки.

Кто готов помочь Ромашкам?
Дайте зонтики бедняжкам!
И цветов, и трав пастух,
Их прикрыл большой Лопух.

Дождь прошёл и солнце снова
Приласкать весь мир готово.
У цветов, как у ребят,
Глазки весело блестят.

ДОЛГО ИЛИ НЕДОЛГО

Послезавтра День Рожденья!
День Рожденья у меня!
Будет чудо в воскресенье!
Ждать осталось мне – два дня.

Если буду я прилежным –
мама с папой говорят,
то подарят мне железный
настоящий самокат.

Я проеду по Берлину,
крепко руль держа в руках,
обгоню трамвай, машину
смело, как в босвиках!

Я горю от нетерпенья,
жду железного коня.
Ну, скорей бы День Рождения!
Очень долго ждать – два дня!

ИМЕНИНЫ

Готовлю праздничный обед:
Красивый пёстрый винегрет,
Оранжевые суши –
Их гости любят кушать.

Немного розовых котлет
С картошкой белой дал сосед.
В зелёную посуду
Раскладывать я буду.

А к чаю – чёрный шоколад
И разноцветный мармелад,
Коричневые сушки
И жёлтые ватрушки.

И фруктов много есть у нас:
Бананы, груши, ананас –
И всё из пластилина,
У куклы – именины.

МАЙ

Распахнулся май весёлый:
В нежной зелени кусты,
Озабоченные пчёлы
Ищут сладкие цветы.

А у птиц своё веселье –
Гомон, щебет, пересвист.
В новых гнёздах – новоселье,
В каждом доме – вокалист.

Солнце бродит по балконам,
Любопытное оно
И, с весенним перезвоном
Лезет в каждое окно.

МОЙ ЦИКЛОП

Удивляется народ:
«Это что за быстроход
С длинным ленточным хвостом
Виден в небе голубом?»»

То как конь помчит в галоп,
То спираль совьёт циклоп,
То опустится слегка,
То опять под облака.

Клеил, шил, строгал, пилил –
Сам циклопа смастерил.
Глаз один, зубов оскал
Тоже сам нарисовал.

Хоть и трудно одному,
Крепко я держу тесьму.

И летит воздушный змей
Выше всех и всех быстрее!

УГОЩЕНИЕ

Завозились в подполе мышата.
То ли жить им стало тесновато,
Или за продуктами пора –
Прогрызают пол они с утра.

Целый день скребутся, точат зубы,
Пилят, пилят, словно лесорубы.
И без перерыва на обед.
Может быть, у них обеда нет?

Лаз в полу прогрызли мыши ловко,
Ждал их вкусный сыр и... мышеловка.

МИХАИЛ ВЕРНИК

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Говорят, на небе у каждого человека есть своя книга, заглянув в которую, можно узнать о своей судьбе, от первого до последнего дня.

Интересно, если бы мне разрешили заглянуть в мою книгу жизни, согласился бы я, или нет?

Скорее всего, нет. И я знаю, почему. Страх узнать о себе победил бы моё любопытство. И страх заставляет меня жить так, как написано в моей книге на небе.

Впервые я увидел их в синагоге. Был праздник. Маленького роста, упитанный, с прозрачными глазами, он быстрым шагом зашёл во двор, а она, переваливаясь с ноги на ногу, как уточка, еле поспевала за ним. Вынув на ходу из кармана кипу, и не обращая внимания на жену, он зашёл внутрь синагоги. Оставшись одна, она заметалась по дворику и, найдя свободное место возле стены, прижалась к ней в надежде остаться незамеченной. Но её заметили, и с любопытством разглядывали.

В синагоге свободных мест не было. Но это не остановило его. Расталкивая людей, он подошёл к возвышению, на котором лежала Тора. Кантор громким голосом просил Всевышнего простить людям грехи и открыть врата Рая.

Он взял лежащий рядом на столике молитвенник и, открыв наугад страницу, обратился к Богу, который сотворил его по образу и подобию своему. Или вернее, как захотел. Хотя Бог просто так ничего не делает:

– Дай нам ребёнка! Ну что тебе стоит? У всех есть дети, а у нас нет. У нас никого нет. Все умерли. Дай нам ребёночка...

...Он кричал громко, но люди, стоявшие рядом, не поняли ни одного слова. Им было не до него. Каждый просил за себя. Понял ли его Всевышний? Скорее всего, нет. В синагоге было очень шумно.

А она стояла во дворе и ждала мужа, который просил Бога дать им ребёнка. Сына или дочь, они согласны на всё. Врачи сказали, что детей у

них, скорее всего, не будет, и вся надежда на случай, или, вернее, на чудо. А за чудеса отвечает Бог. Вот они и пришли помолиться.

Они и раньше приходили в синагогу, но ни о чём никогда не просили. Вернее, они не знали, что можно просить...молча стояли во дворе, не понимая, почему их рассматривают, и молча уходили домой.

Они родились в разных городах, почти в один и тот же год и день. Увидев её, врач сказал маме, что с девочкой что-то не в порядке и, не зная, что ещё добавить, развёл руками.

Когда родился он, врач как-то странно посмотрел на счастливую мать и положил ей на грудь кричащего малыша. Мама посмотрела на сына и потеряла сознание.

Прошли годы.

Софа, так называли девочку, заканчивала седьмой класс специальной школы для детей с ограниченными умственными и физическими способностями.

Боря, так называли мальчика, тоже заканчивал седьмой класс такой же школы, и уже мог немного читать и писать. С математикой было хуже. Сложение и вычитание ему давались с трудом. Деление и умножение им не преподавали.

Родители состарились и с каждым днём мысль, что будет с детьми, когда их (родителей) не будет в живых, не давала им покоя. О том, чтобы найти дочери мужа, а сыну – жену, они и не думали. В чудеса не верили. Но на небе кто-то открыл книгу и...

Они познакомились на свадьбе дальних родственников. Софа танцевала с мамой, а Боря стоял рядом и пытался закурить первую в жизни сигарету. Софа посмотрела на Борю, и на её лице появилась гримаса, похожая на улыбку. Она запрыгала на месте, не сводя с Бори свои маленькие китайские глазки. Мама увидела маленького, толстенького Борю и поняла всё. Она подвела к нему дочь и, взяв его руку, положила её на талию дочки. Потом провела детей на середину зала и оставила одних. Музыканты, видевшие на своей работе много свадеб, знали: каждый человек имеет право на счастье независимо от капризов природы. Они играли от всего сердца.

А Софа и Боря топтались на месте, рассматривали друг друга, не подзревая, что это их первый свадебный танец. А родители уже сидели за столом и, вытирая слезы, поднимали бокалы за счастье детей. Ни Софу, ни Борю никто не спрашивал, нравятся ли они друг другу. Но даже если бы и спросили, то получили бы невнятный ответ. У детей были проблемы с речью. Боре и Софе сказали, что они созданы друг для друга и что им вместе будет лучше. Вдвоём всегда хорошо. Свадьба была маленькая. Только самые близкие.

Провожая дочь до дверей спальни, мама ещё раз объяснила, что ей придётся не только спать с мужем, но и... Софа сказала, что она всё знает, и что целоваться с Борей она не будет, так как от этого у неё в животике может появиться ребёнок. Не найдя больше слов, мама обняла дочь.

А папа объяснил сыну всё за день до свадьбы. Боря ответил папе, что видел в журнале, который нашёл у мамы в тумбочке, всё то, о чём говорит папа, и знает, что это такое. Папа пообещал, что с мамой он сам объяснится, а Боря пусть разбирается с Софой.

Прошло время. Никто не знает, как разобрался Боря, но Софа была счастлива. Им сняли однокомнатную квартиру, и они зажили, как нормальные люди. Софа любила стирать, гладить и варить для мужа картошку в мундире.

Так они и жили. В гости не ходили и гости не приходили к ним. Как разговаривали, как объяснялись в любви, как любили, никто не узнает.

Потом они оказались в Германии. Как? Как все. В поисках счастья и лучшей жизни родители нашли им и себе новую Родину.

Я впервые увидел Софу и Борю спешащими за покупками. Он шёл немного впереди жены, и тащил за собой большую, почти в его рост, сумку на колёсиках. Софа что-то говорила, но Боря не слышал её. В магазине они купили то, что им было нужно, и ушли домой. Я вышел за ними на улицу. Мне захотелось догнать их и напроситься к ним в гости. Хотел посмотреть, как они живут. Есть ли у них книги, телевизор, в конце концов, послушать, о чём они беседуют. Не может быть, что бы они ни о чём не говорили. Не могут же они находиться в одной квартире и всегда молчать? Но я не решился заговорить с ними. Боря тащил тяжелую сумку, а сзади, как будто там было спрятано их счастье, её придерживала Софа.

Потом я встречал их много раз. И каждый раз давал себе слово подойти и заговорить с ними. Но всякий раз меня останавливало странное чувство. Может быть, потому, что я пытался заглянуть не в свою книгу?

Но проезжая мимо магазина, где они закупаются, я по-прежнему притормаживал, в надежде увидеть их.

Сегодня я увидел их в синагоге. Она была во дворе и ждала мужа. Я поспешил внутрь. Боря стоял рядом с молящимися и шевелил губами. Я подошёл к нему и прислушался...

– Нет! Ничего не слышно. Не понимаю ни единого слова. И зачем мне знать, о чём он говорит? Какое мне дело, о чём он просит Бога? Это его книга. Это его жизнь.

Ещё раз посмотрел на Борю и вышел на улицу. Теперь, проезжая мимо магазина, где они закупаются, я не притормаживаю. Стараюсь забыть о том, что они живут рядом со мной в одном городе. Хочу их забыть...

Говорят, что на небе есть книга, и если в неё заглянуть и найти свою страницу, то можно узнать о себе, о своей судьбе, с первого до последнего дня.

Интересно, если бы Боре и Софе позволили заглянуть в свою книгу? Захотели бы они изменить свою жизнь? Возможно...

ВЫТЯ

Рассказывая истории из нашего местечка, моя мама часто вспоминала женщину по имени Вытя. А я удивлялась и спрашивала, как можно было назвать девочку таким странным именем. Мама отвечала, что её настоящее имя никто не знал.

– Мама, а ты её помнишь?

– Я её, как живую вижу. Вечно в резиновых сапогах. Представляешь? Летом и зимой в резиновых сапогах Её звали Вытя. Хотя, скорее всего, это было не имя. Таких имён еврейским детям, да ещё девушкам, не дают. Так её прозвал дядя Лёва.

И моя мама начала рассказывать...

...Вытя жила в полуподвальной комнатке. Никто уже не помнит, кому она принадлежала. Вытю не трогал даже участковый милиционер. И вообще, её никто не обижал. До войны она с мамой жила в другом конце местечка. Потом они всей семьёй уехали. Но вернулась только одна Вытя. Вернее, её привезли солдаты и сказали, что она всё время повторяла название нашего местечка – Голта. И ещё, Вытя издавала нечленораздельные звуки. Она словно выла: э-э-э-э-э... Может, поэтому Лёва и назвал её Вытя.

Потом она нашла этот полуподвал, и осталась там навсегда. Никто не знал, что произошло с Вытей во время войны, но она вернулась немой. Вернее, её трудно было понять. Обращаясь к кому-то, смотрела собеседнику в глаза.

Наверное, хотела, что бы её поняли? Редко кто мог выдержать этот взгляд. Ведь Вытя была красивой женщиной.

Она ходила от дома к дому и, постучав в калитку, говорила одно и то же:

– Мамы нет. Маму убили э-э-э-э-э. маму убили э-э-э-э-э.

В нашем местечке Вытю не обижали. Ей давали еду и одежду. Но в дом не пускали. Нет, люди не боялись, что Вытя что-то возьмёт или ломает. А потому, наверное, что было стыдно. Стыдно, что у тебя есть дом, муж, дети. А у Выти ничего нет.

Иногда её спрашивали, что случилось с её мамой и папой. Она на минутку задумывалась и отвечала:

– Момэле нет... и папу убили ... э-э-э-э мама гешторбен.

Вытя никогда ничего не просила. У неё был брат. И говорили, что он богат. Он жил рядом, в соседнем городе. Но его никто никогда не видел.

Когда у Выти спрашивали о брате, она кивала:

– Яник... э-э-э-э... Яник... маму убили... Янкэлэ...

И начинала кружиться на месте.

– Моомэ-э-э , момэле, почему вас убили?

Успокоившись, она шла в подвал.

Когда она не появлялась на улице, мама посылала меня узнать, в чём дело. Я подходила к подвалу и начинала кричать:– Вытя, Вытя выходи, не прячься.

– Вытя-я-я-я-я... тебя мама зовёт.

Но спуститься в подвал я не решалась. Хотя чувствовала, что рано или поздно этот день настанет. И он настал.

Как-то ранней весной Вытя опять пропала на несколько дней. Радуюсь тёплому дню, я направилась к подвалу. Дверь его была закрыта. Я долго кричала и звала Вытю. Но она не отзывалась. И тут я впервые поняла, что не только моей маме, а и мне, и всем соседям на нашей улице не хватало Выти.

Я набралась смелости и открыла дверь. Станный запах ударил мне в лицо. Потом, когда я стала взрослой, узнала, что так пахнет горе и беда. Вытя лежала на старом матрасе, укрывшись с головой грязным одеялом.

– Тётя Вытя, вставайте. Что с вами? Вы заболели?

– Момэ-э-э... момэле , почему вас убили-и-и-и?

Я прибежала домой и рассказала всё маме. Потом, кто-то позвал доктора дядю Зяму , и тот после долгих уговоров спустился в подвал...

Вытя болела редко. Через два дня она уже бегала по улице:

– Момелэ, тотэле, момэлэ тотелэ...

Моя мама жалела Вытю, и всегда, проходя мимо подвала, звала её и спрашивала, как у неё дела.

И однажды Вытя, взяв меня за руку, стала тащить в подвал:

– Момэле, идём, со мной...

В подвале на столе сидела большая серая крыса. В ужасе я выбежала на улицу и стала, кричать:

– Вытя, это же крыса. Гони её, гони...

Вытя на улицу не вышла. Потом люди стали говорить, что в подвале у Выти кто-то живёт. Говорили, что это Вытин брат приехал. Что он хочет забрать её с собой. Вытя стала появляться у нас все реже и реже. Мама сказала, чтобы я относила ей каждый день еду.

Я подбегала к двери, ставила на землю пакетик и убегала. Однажды, спустившись в подвал, я услышала:

– Момэлэ, на, кушай, кушай, э-э-э-э кушай....

Я приоткрыла дверь:

– Крыса. Большая серая крыса сидела на столе и смотрела на Вытю. Увидев меня, крыса оскалила зубы, и тонкий писк заполнил маленькую комнатку. Вытя повернулась и увидела меня:

– Момэлэ ... кым... кым... райн...

Ещё сегодня я не знаю, почему я зашла к ней. Потом я много раз навещала Вытю, и мы вместе кормили крысу. Крыса была единственным живым существом, которое понимало Вытю. Они дружили. И об этой дружбе, кроме меня, не знал никто.

В нашем местечке, впрочем, как и в других, был свой сумасшедший. Звали его Юзик. Красивый мужчина, он мог стать мечтой многих женщин, если бы был нормальным. Но судьба решила по-своему. На войне Юзика контузило, и он попал в плен. Плен для него был адом, и он сошёл с ума. Впрочем, как и для многих тысяч других Юзиков.

Он ходил в старой, потёртой военной форме, в фуражке, отдавал всем честь и громко кричал:

– Товарищ генерал, дайте мне тытовку, я буду тылять!

Если кто-то в шутку отдавал ему честь, счастью Юзика не было предела.

Юзик не был злым. В концлагере ему было страшно, и он пел песни, которые пела ему мама, он словно вернулся в детство. Когда Вытя встречала Юзика, она кокетливо поправляла волосы под платочком и говорила ему:

– Тотэлэ...

А Юзик отдавал честь и просил:

– Дай мне тытовку, я буду тылять.

За кирпичным заводом, на окраине нашего городка, было старое кладбище. Неизвестно, было ли оно еврейским, украинским или русским. Хоронили там всех. И даже двух цыган .

Проходя мимо кладбища, Вытя всегда ускоряла шаги и кричала. Вернее, выла.

Люди считали, что она боится мёртвых и скоро умрёт. Но люди ошиблись. Вытя пережила многих жителей нашего местечка. Прошло много лет. Очень много лет.

К сожалению, я уже забываю Вытю.

Но этот день я не забуду никогда. Осень. Вечер. Моросил мелкий дождь. На улице пусто. Выглянув в окно, я увидела, как Вытя, укутавшись в старое пальто, спешила в сторону кладбища. В руке она держала завернутый в тряпку пакет. За ней спешил Юзик и просил:

– Дай мне тытовку, я буду тылять...

Вытя остановилась и показала Юзику кулак. Сумасшедший солдат исчез в наступающей темноте. На кладбище, рядом с калиткой, Вытя разгребла руками маленькую ямку и положила в неё пакет. Над кладбищем раздался страшный человеческий вой. Вытя спешила домой. Из-за покосившегося забора за ней наблюдал Юзик.

Утром меня разбудил страшный крик Выти:

– Момэлэ, тотэлэ, э-э-э-э-э-э.... Геня-я-я

Я выглянула в окно. Перед нашей калиткой стоял Юзик. В его поднятой руке я увидела мёртвую крысу. Вытя пыталась подпрыгнуть и спасти свою подружку, но бывший солдат отталкивал её и смеялся:

– Дай тытовку, я буду тылять, дай тытовку, я буду тылять...

Вытя то падала на мокрую землю, то поднималась и подпрыгивая, про-сила:

– Момэлэ, тотэлэ, э-э-э-э-э-э....

Прошло более пятидесяти лет. Многие события из моей жизни ушли из памяти. Даже Юзика не помню. Но Вытю... я помню, вернее, её голос:

– Момэлэ, тотэлэ, э-э-э-э-э-э....

Сегодня все забыли, что жил человек по имени Вытя. Жил и нет его. И на могилу к Выте никто не придёт и цветы не положит. Никто не знает, где она похоронена.

ЕСЛИ ПАПА ВЕРНЁТСЯ

Эту историю рассказала мне моя сестра. В конце она расплакалась и сказала: – Сейчас другое время, люди живут лучше, счастливее.

– История как история, ничего интересного в ней нет, – ответил я. Хотя на душе у меня скребли кошки.

Послушайте, что рассказала мне сестра.

У Буси и Толика родилась дочь Муся. Она росла хорошим ребёнком. Родители были счастливы и мечтали о хорошем муже для неё. Пришло время и жениха нашли быстро. Муся вышла замуж за рыжего Лёню. И надо было ей это?

До свадьбы Лёня гулял направо и налево, как говорили в местечке. Но и после свадьбы Лёня не прекратил посещать одиноких и замужних женщин. Об этом знали многие и Мусю предупреждали. Но Мусе хотелось мужа, семью, ребёнка и она никому не верила. Или вернее, не хотела верить. Семья ни в чём не нуждалась. Жили в достатке. Муся забеременела сразу. Последние дни беременности она провела в больнице. Рядом с ней лежала крупная русская женщина, которая решила поделиться с ней

тайной. Оказалось, что она ждёт ребёнка не от своего мужа. Из женского любопытства Муся спросила: – А от кого?

Ну, зачем, зачем ей надо было знать, кто наградил русскую женщину ребёнком. Любопытство отомстило Мусе.

Женщина призналась, что понесла от одного Лёни. И улыбнувшись, добавила:

– Рыжего и хорошего.

С Мусей случился удар. После этого она стала эпилептиком. В местечке не знали, что такое эпилепсия и решили, что Муся сошла с ума. И как не сойти, если муж оказался сволочью. Муся родила здоровую дочку, но осталась на всю жизнь инвалидом.

Прошло время. Муся выходила на улицу всё реже и реже. В местечке узнали, что такое эпилепсия, и Мусю жалели. Из сумасшедшей её перевели в несчастную. Отец Муси, видя, как страдает дочь, заболел и отправился в иной мир. Через год он позвал жену и она, попрощавшись с дочерью, не сказав зятю ни слова, полетела навстречу к мужу.

Муся слегла. Лёня загулял, и одинокие женщины были этому рады. «Если где-то, кому-то плохо, то рядом кому-то должно быть хорошо», – говорили старики. И они были правы.

Единственное, кому Лёня был предан, была его дочь. Он любил её и ничего для неё не жалел. Родственники ухаживали за Мусей и за ребёнком. Прошло немного времени, и Муся стала поправляться. То ли папа с мамой уговорили Всевышнего, и он сжалился над несчастной, то ли произошло чудо, но Муся встала.

Лёня был рад. Его жена возвращалась к жизни. Но Муся ничего не забыла и, поплавав, выгнала Лёню. На прощание сказала:

– Желаю тебе счастья.

Но счастье отвернулось от Лёни. Он стал пить. Работу забросил. Иногда приходил проведать дочку. Муся уходила в другую комнату и плакала. Однажды Лёня пришёл и сказал, что хочет вернуться. Он просил, стоя на коленях, прощения. Муся молчала. Но Лёня приходил, приходил и... потом пропал. Никто не знал, где он. Муся стала плакать ещё больше. Теперь ей было жаль себя, дочь и Лёню. Сердце забило тревогу. Дочери она сказала, что если папа вернётся, она его больше не выгонит. Она его простила. Но папа не возвращался. Когда надежда стала гаснуть, Муся узнала, что Лёня лежит в больнице в соседнем городе. Увидев жену и дочь, Лёня попытался улыбнуться, но расплакался. Врачи сказали, что Лёне дома будет лучше. Они сделали для него всё, что могли, и теперь его судьба в руках... и, посмотрев на потолок, сказали в чих. Приходя в сознание, Лёня звал Мусю, брал её за руку и плакал. Ему хотелось сказать, что он во всём виноват, что

жизнь прожита неправильно, и если бы он начал жизнь сначала, то опять женился бы на Мусе. Но горло сжимала боль и обида. Лёня понимал, что вернуть потерянные годы ему не суждено. Муся гладила его ладонь и говорила, что простила, что любит и если бы...

Так мечтали они, и им было хорошо. Лёня умер, так и не успев стать счастливым.

Муся не плакала. Когда над могилой появился холмик, Муся встала на колени, положила голову на свежую землю и закричала. Никто, кроме Лёни, не мог понять ни единого слова.

На этом история закончена. Вернее, не история. Я даже не знаю, как назвать то, о чём я рассказал. Но это не важно. Просто я понял, отчего плакала моя сестра.

СЕМЁН ЛУРЬЕ

МЫСЛЬ И ИНСТИНКТ

Глубоководным теченьем
Двигается мир подсознания.
Вечный инстинкт и влеченье
Строят его мирозданье.

В строчках, ритмичными одами,
Плещется волн вереница.
У подсознания под сводами
Чуть приоткрытой страницы.

Авторитетом пророчества
Держит инстинкт верховенство.
Мысль с ним, как имя-отчество,
Скована цепью соседства.

Так они вместе и кружатся,
В краткости существования,
Карточным домиком рушится
Призрачный мир подсознания.

К небу и благополучию,
Время спешит в бесконечность.
Редко, от случая к случаю,
Мысль превращается в вечность.

ГРУЗИНСКОЕ ВИНО

Нет ничего на свете лучше,
Чем вкус грузинского вина.
Его пьют с жадностью до дна.
Сам Александр Сергееч Пушкин
Знал, какова ему цена.

Бальзам целебного напитка
Грузины пьют: и стар, и млад.
Земли священной виноград,
Дороже золотого слитка –
Сортов «Шампань» и «Арарат».

С вином иным, возможно, влипнешь.
В себе почувствовав: «Не то!».
С ним, распростившись от и до,
Когда превысив норму, выпьешь,
К примеру: «Кьянти» иль «Бордо».

Но это лишь, до той поры,
Пока не выпьешь «Хванчкары»!

ФОТКИ

Не у каждого на свете
Есть года, что присмирели.
Я весной, на рассвете,
После праздника в апреле,
Посетил родные фотки
Молодых физиономий,
И споткнулся на находке
В собственном своём альбоме.

Мистикой мне показалось:
Фотки, сбросив юный возраст,
Взяли нынешний мой образ

И меня водили за нос.
Мои фотки – одногодки,
Целились прямой наводкой
И пронзали острым взглядом,
Страх клещом вцепился в глотку.
Не в альбом попал – в засаду.

Сон апрельской чепухой
Долго снился на рассвете,
Так меня поймали в сети
Фотки, видно, с перепоя.

* * *

Памяти Фридриха Горенштейна

На огонёк забрёл случайно,
Заметив свет издалека.
Огонь свечи казался тайной
И авторская жгла строка.

Хлестал нещадно град метафор,
Дразнила огоньком свеча,
И от души смеялся автор
Строкою – лезвием меча.

Попав за это в чёрный список
И став героем для меня,
Писатель был мне сердцем близок,
Я грелся у его огня.

ДЫХАНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Овеяны древним библейским сказаньем,
Там ближневосточные дышат холмы.
И всё обжигая горячим дыханьем,
Расплавив сердца нам в середине зимы,
Они поражали не только поэтов,

Воздействуя на темперамент и стиль.
Недавно край ближневосточного лета
Спалил, как ни странно, над кирхою шпиль.

У автора, в собственной оде «Европа»,
От ступора в мыслях сломалась строка,
Дырявую оду строкой не заштопать,
Под солнцем она не сгорела пока.
Пока он ещё обращался, хоть редко,
К напеву далёких библейских псалмов,
К мольбе молчаливых потомков и предков,
К дыханию ближневосточных холмов.

Овеяны ветхим библейским сказаньем,
Там ближневосточные дышат холмы,
Весь мир обдавая горячим дыханьем,
Которым никак не надышимся мы.

ЛИРИКА ДЕТСТВА

Мирно спят на полке слоники.
Лето. Сорок первый год.
Игры в крестики и нолики.
Танцы – танго и фокстрот.

Первый взрыв. Эвакуация.
Ошалел двадцатый век.
В нашем доме спят гестаповцы.
В прядях мамы первый снег.

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВИЧ

НАЧАЛО БЕССМЕРТИЯ ПОНТИЯ ПИЛАТА

(*imitatio*)

Предуведомление

Бездонны и разнообразны берлинские барахолки – «фломаркты». Каждый поход на их развалы подобен деловой прогулке в грибной лес: пустым не вернёшься, как бы не раскисался затем. Не устоишь перед обольстительной чепухой, о которой, мечтал о ней чуть ли не со студенчества. А если есть такие же, помешанные на поиске ненужных драгоценностей приятели, то что вам упреки жёны и насмешки родственников?

Всё тащится в дом...

Так у меня, появились томики «избранного» Михаила Булгакова. Издание киевское добротное, с уважительными комментариями... В 1989-м году это был двухтомник, но уже год спустя, вдогонку ему, был выпущен третий том! Но особенно рад я был, поначалу, второму тому, в котором обнаружил роман о «Мастере»! – *завещательное слово* самого Михаила Афанасьевича о себе и о нас. Со времён «знаменской» публикации, со времён *гала-спектакля* «на Таганке» многое из Текста стало привычно-своим, как бы фрагментом «Muttersprache», врождённым, проговариваемым и прилюдно и про себя, по поводу и без, просто для удовольствия... Но исчез, сменился XX, выросли новые читатели и почитатели – «Мастер» стал «кинохитом», и стало скучно жить, не имея «*под-подушкой*» этой горькой фантазмагории... Не из XIX века, как завораживающие, истеричные выдумки Достоевского, но и Булгакова, ненавидящего окружающий его мир – сумасшедший российский дом со всеми пошлыми хлопотами и страданиями его героев.

И не фальсификации «красного графа» Алексея Толстого – талантливейше сочинявшего на свой полуграфский лад псевдореалии, лишь бы ускользнуть от необходимости разоблачения реалий сталинщины...

Но обнаружилась во мне ещё одна, абсолютно интимная, радость, соб-

ственно и приведшая к приобретению этих трёх томов *Мастера*... Смотри, восхищаясь или негодуя «сериальную» экранизацию «Мастера и Маргариты», где все внутренние противоречия, увиденные и прочувствованные ранее, может быть, только лишь мною, как-то стали грубее и зримее, разглядел я каким-то внутренним оком некую «купюру», случайно ли, или по умыслу, допущенную Писателем...

Поверив, вслед за Мастером, в истинность событий жизни и смерти Иисуса (прорисованного под иным, более архаичным именем), как и его многочисленных антиподов-антагонистов (Пилат, Крысобой, Афраний и другие), я не нашёл «технологического» решения смертной судьбы «Игемона»!

Как же он, каким жестом, каким заклятием, каким деянием направлен был в иной «астрал»?

И Мастеру, и Маргарите потребовалась для того же содействие-помощь профессионального убийцы (примем, что это был не Воланд, а Азazelло)... А как же оказались там и Пилат, и его охранительница – псина Банга, Мастер не успел, если вообще задумывал, прописать детально и дотошно... И тогда я решил **посвятить!**

Мне всегда нравились литературные проделки, литературные имитации. Самому ли их сочинять, или обнаруживать подобное у иных Авторов. Да и сам Мастер Булгаков с удовольствием этим грешил, бравшись за разрешение судеб и Мольера, и Пушкина, практически всех фигурантов «Собачьего сердца». В этой склонности есть нечто приближённое к лицедейству, а отсюда и потребность Автора в домашнем (хотя бы и измышленном) вертепчике, да и весь «Театральный роман» – это высокохудожественная имитация...

Предположил и я, что где-то уже лежат и меня дожидаются переписанные чьей-то рукой листочки, в которых и раскрываются последние земные дни Понтия Пилата. А вот и они...

Второе Предупреждение

Не менее двух раз в год я разбираю завалы своих бумажных архивов: избранные черновики, незаконченные опусы, фразочки и иные лаконичные придумки, дубликаты распечаток, вырванные странички периодики, et cetera. Недавно нашёл, среди прочего, несколько страничек странноватого текста. Поначалу решил, что это самиздатовская перепечатка из Булгакова, сделанная ещё в шестидесятые годы, (бумага листков пожелтела от времени). Но, вчитавшись, я осознал её оригинальность, хотя и полную стилизованность под Мастера. Автор не обозначен. Кто ОН (или ОНА)?

Откуда эта рукопись – напроочь позабыто мною. Для условной простоты, я временно присвоил авторство себе, и, посоветовавшись с многоопытным Редактором, разрешил себе её

НАЧАЛО БЕССМЕРТИЯ

Получив из рук игемона перстень с овальным кроваво-красным камнем, Афраний понял, что дни его (если даже не часы) уже расчислены неблагодарной судьбой... Начальнику тайной службы была хорошо известна роковая роль этого перстня, Неспроста Игемон не носил его на указательном пальце левой руки, а прятал в кармане внутри своего бездонного пояса...

Службе Афрания уже не раз приходилось тайно вывозить из города трупы недавних гостей Игемона, казалось только что пользовавшихся благоволением и материальной поддержкой Прокуратора. Эти люди скрытно появлялись во дворце и после тайных же собеседований с Игемоном, спокойно уходили, охраняемые караульными солдатами из второй кентурии Молниеносного легиона... Позже провожавшие их легионеры с удивлением докладывали о происходившей на их глазах скоропалительной кончине этих странников, не успевших пройти от бывшего дворца Ирода Великого и одной стадии. Бывший гость Игемона в безобразных конвульсиях падал навзничь... Кровавая пена пузырчатой лавой выбрасывалась из его хрипящего рта... Глаза оставались широко открытыми и их никак не удавалось закрыть, хотя смерть явно овладевала быстро коченеющим телом, и душа, конечно, уже удалилась в иной мир... Солдат удивляло особо то, что с руки погибшего всегда сам собой спадал подарочный перстень с огромным кровавым камнем... При докладе Прокуратору о случившемся перстень неизменно передавался Игемону, и тот молча прятал его в карман на своём поясе.

Афранию знакомы были эти римские и малоазиатские фокусы с отравленными подарками.

Тайный помощник Прокуратора не сомневался, что и Хозяин знает об его осведомлённости. ...Только что закончившееся собеседование по поводу «воздаяния» Иуде из Кириафа, всё состоящее из умалчиваний и словесных хитросплетений, показало обоим: *и Прокуратору, и Афранию*, что ни о каком доверии между ними уже нет и мысли... Да и дальнейшее существование их опасно для обоих. Слишком много Афраний знал о Прокураторе. Слишком вероломен был Игемон...

Да победит быстрейший и «vae victis» – «горе побеждённому!»

Бывало (и Афраний, иногда, сам присутствовал при этом), что Прокуратор требовал от принесшего перстень тут же (якобы, как награду!) сразу

же надеть перстень. И спокойно выжидал кончины чем-то, якобы, провинившегося солдата... Совершая расправу в присутствии Афрания, не предупреждал ли он тем самым самого доверенного из своих подчинённых? А сегодня? Не дал ли он опять ему, Афранию, отсрочку от смерти? Надолго ли? Чтобы помочь быстро скрыться в иудейской мгле? Сбежать? Или сеял и накапливал страх и ненависть в душе Афрания? Зачем? Для ответного «подарка»? Кому же?

За пятнадцать лет работы в Иудее Афраний многого насмотрелся, занимая одну из самых ответственных римских должностей... Убийство любого из людей на этой ненавидимой им земле было рутинным служебным занятием, требующим от него в последующем только тщательной проверки отчётных бумаг, отсылаемых в Рим... Формальность и буквоедство были законом и свято соблюдались всеми службами Кесаря!

Здесь, на перекрестье культур Запада и Востока, все изощрённые методы предательства и убийств становятся азбучными технологиями... И это «мы» – Прокуратор Иудеи и я – Афраний – его до сих пор вернейший пёс, не менее верный, чем остроухий пёс Банга, знаем одинаково хорошо... Что же (или кто же?) заставило великого Прокуратора Иудеи назначить убийцу для самого себя – сына короля-звездочёта и безродной красавицы Пилы?

Эти горькие и опасные мысли автоматически перелистывались в голове начальника тайной службы, пока он, тщательно укрыв своё лицо, проходил мимо тыльной стороны дворца Каифы, именно там, где переулочек господствует над задним двором дворца. Где-то здесь через забор и был, якобы неизвестным, переброшен пакет с деньгами зарезанного Иуды из Кириафа, того Иуды, что своим поцелуем выдал-предал чрезмерно философствующего бродягу... Огибая зады дворцового двора, Афраний начал мысленно составлять схему такой интриги, которая позволила бы ему, при минимальном собственном риске, выполнить трагичное невысказанное самоубийственное пожелание Прокуратора Иудеи...

Начальным звеном стала беседа коллегой – правой, и тоже тайной рукой самого первосвященника Каифы... Не первый раз оба разведчика правящих, якобы противоборствующих, но на самом деле дружно сотрудничающих блоков элиты (как в рутинном руководстве плебсом, так и в пресечении всяких его экстремальных попыток подорвать влияние верховной власти римского Кесаря и иудейского Синедриона) утрясали и сочиняли способы неожиданных для народа государственных инициатив. Сотни раз они тайно согласовывали и режиссировали тонкие детали, многофигурные комбинации в будущих, якобы неожиданных, событиях в столице Иудеи Ершалаиме...

Роковая догадка Афрания заинтриговала его иудейского коллегу... Тот знал о лютой (кстати, взаимной) ненависти Каифы и Понтия Пилата... И открывшаяся возможность устранить главного врага вполне устраивала обе стороны... Более часа две фигуры в чёрных капюшонах, неслышно для других, сочиняли все эпизоды предстоящей трагедии... Спустя этот час, после возвращения подручного Каифы во дворец, к первосвященнику был приведён чернобородый, с гноящимися от палящего солнца и бессонницы, глазами попрежнему укрываемый грязным талифом, бывший сборщик податей, а ныне – историограф философа Иешуа Га-Ноцри, накануне распятого на Лысой горе...

Левия Матвея нашли в той же пещере на северном склоне Лысого Черепа, куда ранее было положено тело распятого бродяги, хотя теперь в ней не было тела казнённого...

Близоруко всматриваясь в строки, всхлипывая, записывал Левий Матвей что-то неровными буквами на неровных листах козьего пергамента, когда перед ним, позвякивая оружием и бронёй, появился начальник храмовой стражи, а в его мрачной тени виднелась не менее грозная и мрачная фигура незнакомого никому человека в капюшоне...

Окутанный грязным оборванным хитоном, не скрывающим убогость исхудалого донельзя тела, бывший сборщик налогов безуспешно попытался приподняться с согретой им голой земли, но сделал это лишь при грубой и сильной помощи стражника, быстро поставившего его перед начальником стражи...

– Ты, Левий Матвей, вызываешься на допрос к главе синедриона. Поспешим незамедлительно. – отрывисто произнёс начальник храмовой стражи и, не дожидаясь реакции Левия Матвея, повернулся и вышел из сумрака пещеры... Поддерживаемый (или удерживаемый) двумя стражниками, летописец молча поплёлся за ним. Не доходя до дворца Каифы примерно на пол-дороги от дворца Ирода, процессия остановилась, и человек в капюшоне, отстранив от Леви Матвея стражников, вплотную подошёл к нему и тихо заговорил:

– Известно ли тебе, о Левий Матвей, что то погребение, при котором ты присутствовал, было ложным?

Тело оборванца словно окаменело, затем оно всё затряслось, и злобный хриплый голос, переходящий в свистящий шёпот, произнёс: «Где тело Иешуа Га-Ноцри?»

– Прокуратор приказал его извлечь и подвергнуть сожжению! – А Каифа?

– Он будет осведомлен после сожжения и Прокуратор уверен, что он одобрит содеянное...

– Могу я переубедить Игемона?

– Ничто не переубедит Прокуратора Иудеи, кроме мнения Рима, а ты, Левий Матвей, имеешь только своё, личное, которое вряд ли заинтересует Игемона...

– Я попрошу его аудиенции. У Игемона ко мне было пожелание, которое я согласен теперь выполнить...

– Берегись! Гнев Прокуратора Иудеи страшен и безудержен. Ты опять рискуешь своей жизнью, которая тебе опостылела после смерти Га-Ноцри... Даже пёс Игемона может тебя разорвать, не допустив до разгневанного хозяина...

– Верните мне мой нож для защиты!

– Украденный тобой нож уже вернули хлебнику в лавку у Хевронских ворот, наказав торговца за халатность. Но я тебя обеспечу оружием, которое сможет тебя спасти, хотя при неправильном пользовании – и погубить!

Человек в капюшоне, так и не открывая своего лица, протянул Леви Матвею длинный кинжал, спрятанный в кожаные ножны. Не выпуская кинжала из своих рук, он, слегка обнажив сталь, указал на странные насечки, расположенные поперечно заострённой стороне лезвия.

– В этих насечках таятся смертельный яд одной из самых опасных змей пустыни... И горе тому, чья кровь хоть на мгновение соприкоснётся с кинжалом. Будь осторожен сам и пусть тебя хранят твои иудейские боги! Если ты по-прежнему настаиваешь на разговоре с Прокуратором, то иди, не боясь, за этим стражником, который и приведёт тебя к твоей цели.

Человек в капюшоне жестом подозвал вооружённого солдата, находящегося до сих пор в тени камней... Через полчаса, не более, конвоир Левия Матвея, стараясь негромким хрустом по песку обозначать свой приход, медленно приблизился к мраморному балкону, где стояло ложе Игемона. За ним, понурив голову и чуть семеня усталыми ногами, подошёл и Левий Матвей. Огромный серый пёс, блеснув золочёными бляшками ошейника, внимательно наострил свои и без того острые уши и слегка заурчал...

Разбуженный шествием Понтий Пилат, приподнявшись с изголовья, хлопнул в ладоши и приказал: «Светильники в колоннаду»... Вглядевшись и узнав приведенного, Игемон почти радостно воскликнул:

– Ты принял мой совет, несчастный?! Я доволен.

– Ты попираешь законы нашей веры, римский правитель. Мы не сжигаем тела покойников, как это делают иноверцы... Зачем ты приказал сжечь Га-Ноцри!

– Ты, глупый и вздорный иудей, забыл, где находишься и с кем говоришь?

Не позвать ли Крысобоя, дабы он и тебя, как недавно бродягу-философа, поучил почтительным манерами?! Афраний, начальник тайной службы, доложил, что ты присутствовал при погребении казнённых преступников. Какое-такое сожжение ты выдумал?

– Мне всё рассказали люди из служб синедриона! И они указывают на тебя, Прокуратор Иудеи! Ты лжец, Пилат Понтийский! Я ненавижу тебя!

– Жалкий, грязный червь! Ты и казни человеческой не достоин за такое оскорбление! Эй, Банга! Прочти негодя! И Игемон резко подтолкнул пса, уже приподнявшегося на передние лапы и начавшего злобно ворчать... Получив чёткий приказ хозяина, Банга рванулся к стоящей в четырёх шагах фигурке Левия Матвея. Но тот молниеносно выхватил из-за пазухи обнажённый кинжал и встретил им налетающую на него морду зверя. Пёс всей своей могучей грудью надавил на человека, повалил его, однако лезвие кинжала Левия Матвея успело глубоко процарапать шею Банги... Прокуратор, внимательно следивший за схваткой, вдруг увидел, что вот-вот начавшаяся расправа зверя с человеком прекратилась. Злобное рычание Банги захлебнулось и сменилось скулением... Из пасти пса вместе со слюной мерзким потоком вырвалась пенная зеленоватая жидкость, и пёс упал набок около лежащей фигуры в грязном тряпье... Передние, а затем и задние лапы зверя задёргались, громко царапая мраморный пол террасы... Через несколько секунд пёс затих: он был мёртв!

Забыв обо всём, Пилат рванулся к своему любимцу, обнял его голову с ещё оскаленной, как в прыжке, мордой, что-то произнёс по-латыни и лишь затем злобно взглянул на Леви Матвея:

– Подохни же, мерзавец! – и, выхватив из-за пояса маленький кривой нож с золочёным лезвием из дамасской стали, и, как полминуты назад пёс Банга, навалился на застывшую фигуру Левия Матвея.

Острие ножа дотянулось до горла иудея, но не проникло в него, а лишь проложило неширокую, тут же начавшую источать кровь, царапину. Дальнейшее движение золотого лезвия прекратилось: рука Пилата выронила кинжальчик и потянулась к своей груди, в центре которой обозначилась рукоятка того самого кинжала, который был передан в пещере Матвеем неизвестным человеком в капюшоне.

Намеревался ли Левий Матвей резать Прокуратора, или его коченеющие руки сами направили кинжал в определённое судьбой место, не стоит теперь и разбирать...

Судьба соединила всех троих: собаку Бангу, спутника Иешуа Га-Ноцри и пятого Прокуратора Иудеи Пилата Понтийского и уложила их трупы тесной телесной горкой в центре террасы бывшего дворца царя Ирода Ве-

ликого. Случилось это по прошествии одного дня и двух ночей с момента казни трёх нарушителей законов Иудеи и Римской Империи в самой середине весеннего месяца нисана.

Что виделось в предсмертном видении псу – нам почти неинтересно, но можно предположить, что основное в нём было забота о состоянии и безопасности бесконечно и самоотверженно любимого им Хозяина, его спокойствии и воспоминание о нежной ласке руки – сильной и тёплой, так нежно треплющей острые уши и затем ритмично массирующей спину собаки от загривка до самого предхвостья.

Левий Матвей не ожидал столь быстрой своей смерти, хотя неоднократно, особенно в последнюю неделю, искал с ней свидания, весь ослеплённый негодованием за несчастья своего кумира. От пса он защищался осознанно и достаточно хладнокровно. Удар кинжала Пилата был неожидан, и Левий не успел от него увернуться, да и рана от пилатовского кинжальчика была как будто незначительна. Но через секунды начались такие телесные муки, что завершившее всё помрачение рассудка показалось Левию Матвеем счастьем, какого он так давно искал в своей земной жизни...

Прокуратор умер спокойно, убедившись перед смертью в кончине единственного своего друга – пса Банги, а проникновение кинжала Леви Матвея в своё сердце даже и не почувствовал – ни удара, ни боли, ни последовавшего затем полного, смертного окоченения... И только постоянно звучащая последние двое суток жизни мысль – *«Бессмертие...Пришло бессмертие...»* металась от виска к виску в неспешно умирающем мозгу Прокуратора.

Не о бессмертии, а о временной отсрочке от неминуемой (рано или, очень желательно, позже) смерти думал Афраний – начальник тайной службы римского контингента, обосновавшегося в ненавидимом только что скончавшимся Прокуратором Ершалаима. Именно Афраний сплёл ту сеть, которая навечно соединила самого могущественного римлянина и самого могучего пса Иудеи с самым незадачливым последователем, протагонистом и бытописателем бродячего философа Иешу Га-Ноцри: *«qualis vita, finis ita»* – *«какова жизнь, таков и её конец»*.

ПОСТ-СКРИПТУМ

Имитация стиля любого автора – будь то Гомер, Шекспир, Кафка или Ленин – дело сравнительно немудрёное для всякого постоянно пишущего автора... Целесообразность такого литературного действия – целиком в желании и воле Автора. А претензии к такому Автору всерьёз может предъ-

явить лишь массовый читатель – похож или не похож, насколько хуже, а вдруг – и лучше! прототипа»

Когда я придумывал сюжет того, что Вы, вероятно, уже прочитали, мне хотелось решить лишь одну творческую задачу: объяснить (и уж конечно в стилистике, максимально приближенной к манере Михаила Афанасьевича Булгакова, и именно в «Мастере и Маргарите») причину и повод «увекочивания» Понтия Пилата, Левия Матвея, ну и заодно уж пса Банга... Не скрою, я всё время чувствовал себя шкодливым школьником, случайно заглянувшим в школьный журнал, держа при этом ручку, предварительно обмакнутую в чернильницу-непроливайку... Кто ещё помнит эти нюансы советской неполной средней школы??? Но азарт пересилил и подавил крупитцы стыда...

На счастье, вдруг, совершенно случайно, я обнаружил полностью искупающую мой грех (да и грех ли это был: так, упражнения в греховности, не более!) индульгенцию на страничке (даже на двух-трёх) известного российским книжникам «Книжного Обозрения» №219, 2006. Цитирую: «...в ведущих московских магазинах к лидерам продаж приблизилось продолжение «Мастера и Маргариты» – роман тверского писателя Виктора Куликова – «Первый из первых, или Дорога с Лысой горы». В даваемом «КНИГОБОЗУ» интервью В. Куликов поясняет: *«...И однажды пришла мысль написать продолжение. – Поначалу она казалась невозможной, страшной, даже кощунственной! Но ведь у Булгакова есть строки о том, что ученик напишет продолжение, – и далее – вдохнул поглубже и бросился в этот омут...»*

Поскольку ни найти, ни прочитать этот роман мне – не Куликову, а Стефанюку, не привелось, я позволил себе успокоиться «на достигнутом» – ну, не соревноваться же в самом деле мне – любителю, с профессионалами – укрепителями Булгаковского наследства.

Стихи из прошлого

ГРИГОРИЙ АРОНСОН (1887 – 1968) – поэт, общественный деятель, бундовец. С 1922 жил в Германии и Франции, после 1940-х – в США. Публикации о советском еврействе. Книга стихов «Лирика», СПб, 1916.

СВЯТЫЙ ГРАД

Прийти на Родину в Святой Ерусалим,
Где дышит святостью мне каждый лист зелёный,
Забывать, что счастья нет в душе изнемождённой
И радостно дышать покоем неземным.

У Западной стены молиться преклонённо,
Забиться и стоять – задумчив, недвижим,
И древние псалмы, как старый пилигрим,
Шептать прочувствованно, тихо, замедлённо.

И к холоду стены, слезами орошённой,
Приникнуть белым лбом, горячим, молодым.
Приникнуть и рыдать. Молчать и слышать стоны –
И руки простирать к развалинам немым...

То стоны о тебе твоих детей пленённых.
То стоны о тебе, святой Ерусалим!..

РАИСА БРУДНО (1887 – 1973) – поэтесса, педагог-словесник. До 1917 г. – член Вологодской партии социалистов-революционеров. За революционную деятельность 1912 г. отбывала наказание в тюрьме.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТЮРЬМЕ

Здесь время счёт ведёт потерям,
Всё в безысходность сплетено:
В железо кованые двери,
Решёткой сжатое окно.

По своду грубому – по стенам
Бессильный, слепо бродит свет.
И каждом шорохе – измена,
И в каждом шёпоте – навет.

Как на поруганном кладбище,
Недвижно брошены тела.
Но бродит дух их – зоркий нищий –
Таит нечистые дела...

И мертвецы, с открытым взором,
Наутро встанут с жалких нар.
По длинным, серым коридорам
Клубится медленный кошмар.

Ползут часы, недели, годы.
Беззвучной, мёртвой полосой
И смерть у каменного входа
Звенит ненужною косой...

*Публикация Станислава Львовича – внука Григория Яковлевича Аронсона
и Раисы Наумовны Брудно-Стефанюк..*

НОРА ГАЙДУКОВА

* * *

Душа разорвана на части.
Опять мой адрес – Петербург.
Давно привычное ненастье.
И ты, мой старый верный друг.

Ни самолеты-перелеты,
Ни шарм берлинского кафе,
Не остудят моей охоты,
Любви и грусти о тебе.

Осенних листьев терпкий запах
В том Ботаническом саду
Сосулькой мартовской накапал
Вдруг набежавшую слезу.

Душа разорвана на части.
Твой холод, пыль и суета.
И бесконечные ненастья.
Но без тебя и жизнь пуста.

* * *

Ты мне сказал: «Ich liebe dich»,
и я несу твои слова,
как транспарант, как нимб над головой.
Они летят повсюду надо мной.
и кажется, читает их любой.

КУХНИ И КАФЕ

Кончитина, ты родилась на кухне!

(Из итальянского фильма)

Ну да, я родилась на кухне,
на тесном пространстве советском.
Здесь было убого и душно,
но пелись прекрасные песни.

Соленый огурчик на блюде,
дешевые псевдо-колбасы.
Приходят близкие люди,
читают стихи и рассказы.

Закончилось все в одночасье,
под шум самолетных моторов.
Берем сувениры на счастье. –
нас примет Германия скоро.

Здесь кухни сияют посудой,
закрыты на десять запоров.
Выносят в кафе пересуды,
о ценах и снах разговоры.

За маленьким столиком чудно,
в тени на зеленой аллее.
Порой вспоминается кухня,
но больше о ней не жалею.

Пустеют в Питере кухни,
там нынче темно и пусто.
В кафе на Малой Садовой
с тобой увидимся снова.

Под тихие звуки джаза
о жизни звучат рассказы.

Осталась старая дружба, –
а что еще, друг мой, нужно?

* * *

Памяти Маргариты Их

Я держала ее за руку, пока она не уснула.
Я принесла ей тапочки, они были уже не нужны.

Последние слова, которые она сказала:
«Мне бы еще раз увидеть солнце!..»

У нее были такие молодые глаза
И лукавая девичья улыбка.

За два месяца до смерти
Она купила аппарат, чтобы похудеть.

Я не верю, что ей было восемьдесят два.
Я не верю, что она умерла.
Она там, где всегда светит солнце.

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом с обветшалым фасадом
на зеленой и пыльной аллее.
Кто здесь жил и оставил в награду
свет, любовь, боль, мечту, сожаленье?

В этих окнах, что смотрят устало,
кто ловил по утрам отраженье?
И когда все внезапно пропало,
бродят ли по ночам приведенья?

На балконе мелькнут чьи-то тени, –
барельефы соорили рожи.

Дом мне вечные тайны доверит,
сон на явь в сотый раз перемножит.

СТАРЫЙ КЛОУН

Я – старый клоун. Смейтесь надо мной.
Я подружилась с солнцем и луной.
Зато стараюсь быть самой собой –
усталой и потрепанной судьбой.

Я – старый клоун. Смейтесь надо мной.
Вы – овцы, что бредут на водопой,
на стрижку или, может, на убой.
Всем стадом или, может, по одной.

Лишь иногда, осеннею порой,
когда волков голодных слышен вой,
я к вам стремлюсь всем телом и душой,
ищу кого-то, кто пойдет со мной.

В погоне за удачною судьбой
иной пошлет другого на убой.
Я – старый клоун, мне идти одной.
Ну, что ж вы?
Смейтесь, смейтесь надо мной! ...

РОМАНС

На Мучной улице в Мюритце
Солнце с Луной целуются.
Если любовь и сбудется,
то непременно в Мюритце.

И над водой закружится
чайка, морская спутница.
Зелень в апрельской путанице,

на променаде устрица
из ресторана трусится.

Ангел небесный спустится,
он уж и сам расчувствовался.
Жизнь не мила без Мюритца,
снова пластинка крутится...

* * *

Цветов весенних аромат,
и чистота аэропорта.
Здесь снова лётная погода, –
встречает нас Берлиноград.

Но равнодушен зал пустой.
Где поцелуи и объятия?
Ведь мы чужие здесь с тобой,
среди европейской благодати.

Мы – гости вечные, и тут
нас никогда, увы, не ждут...

* * *

Печальны эмигрантские тусовки.
Все это только жалкие уловки.
А лица, как потертые пальто,
пустые разговоры ни про что.

Печально эмигрантское веселье.
Вся жизнь кружится, будто в карусели.
Не лучше ли остаться мне в постели?
Ведь мы друг другу страшно надоели.

Печальны эмигрантские заботы.
Нет дома, нет друзей, и нет работы.
Хоть кажется, удобствам нет числа,
а вдруг заметишь – жизнь уже прошла.

МАРИНА АВЕРБУХ

ГНЕВ ЛИЗИСТРАТЫ

Внемлите, Боги, мне – несчастной.
Внемлите всем моим мольбам!
Опять на Грецию ужасный
Приходит год. Каким Богам
Молились наши полководцы,
В Аид вербуя молодёжь?
Опять отравлены колодцы...
В Ареопаге снова ложь!

Кто платит дань за убиенных?
Кто сеет смерть? Кто будет жать?
Опять нас, женщин полоненных,
Чужая плеть начнёт хлестать!
Зачем мы мальчиков рожаем?
Чтоб их на копья надевать?
О, Бабы! Вновь нам угрожают;
И кто? Отцы! О, Гера-Мать!
Ты вырви чрево, что впустую
Творит бессмысленную плоть!
С Войной не сладить в мировую...
Но и Любовь не побороть!

Так пусть холодным станет ложе
В том доме, где живёт Война!
Никто нам, Бабы, не поможет...
Не обнажайте им руна!

ЖУИР

Ничто твоей души не сокрушит,
Когда придут счета на алименты!
Ты любишь только доллары и центы,
А дети, что? Доходов – ровно шиш!
Всю жизнь ты променял на медные монеты...

И не обманывал ты женщин ... никогда...
Молчал и... сам не задавал вопросы:
Не создавал словесные заносы,
А при нажиме, просто ... пропадал.
И исчезал как будто в никуда!

А коль случилось «лишнее» – «Зачем?»,
Ты говорил, и с ясными глазами,
Как будто ты летал под облаками,
А мы, земные, в тине мелочей,
И это всё – не только с нами...

Но не укрыться от природных сил,
Приходит время, срок, иной порядок,
И хочется пройтись вдоль старых грядок,
И вот ты ищешь свой причал и тыл,
И всё готов отдать и вновь все рады...

ЭСКИЗЫ

Ничто бесследно не проходит:
твоей судьбою кто-то водит,
души движенья направляя,
не сокрушит, случайно, стен,
что ты настроил... Вечный плен
Внутри Души, – что место Рая...

Ничто коснуться нас не может,
твоей защитой сохраняясь,
души волнения, похоже,
не сокрушит. И гнев и грязь
её коснуться не посмеют;
душа трепещет, как умеет...

Ничто, ничто не потревожит
твоей изменчивой души.
Покой всего ей стал дороже,
не сокрушит, как ни пляши!
А для волнений есть гормоны,
у них на всё свои законы!

ВИДЕНИЕ

Не сокрушит Души твоей *ничто*,
...Но снова переулком нам идти
И снова ошалелой птицы стон,
и вновь столбы на огненном пути...

И вновь реветь солдаткам по мужьям,
и вновь в сундук венчальные венки,
и песни вновь придут на сердце нам,
и похоронки, словно лепестки...

Не выучен странною тот урок,
что Бог послал (иль Дьявол? – всё равно!),
мужик опять натянет свой сапог,
но снять его, как прежде, не дано...

И сироты пойдут по деревням,
а в деревнях, лишь трубы да погост,
и высохнет стерня по всем полям,
и каждый день продлит Великий пост...

Но всей души своей не сокрушить
российскому народу не впервой.
Он, победив, опять продолжит пить
В честь безымянных там, – под высотой....

* * *

Надеялась «от всей души»
Твою я пересилить грубость...
Твою горячность. Вечный крик...
Ты зверю дикому подобен:
Не знающий препон язык,
Мужик-солдат – в моряцкой робе...

И что взамен? Чего ж скрывать:
Твоя брутальность волновала,
Шокировала. Завлекала
И превращала в шторм кровать.
И жадно тело ждало ночи:
Всё исчезало, как во сне!
Ни совести, ни слов-пророчиц.
Сжигалось всё в её душе... Во мне.

И прогорело... Пепелище
Теперь мне видится живой,
Душа тебя уже не ищет
И нет души в душе моей!

БЕССОННОЕ

Пал туман на луг заброшенный.
Ночью пал – траву измял...
В небе звёзд мерцает крошево.
Мир заснул – и стар, и мал.

Но не спится мне. Не можется.
Слово всё хочу занять,

Чтоб помягче, попригожистей,
Не обидеть. Чтоб понять.

Объяснить и обусловить.
Завернуть и сбить с пути.
Видно нет «девичьей повести»:
–Месяц! Месяц. Посвети!

Ночи женские – бессонные,
В полудрёмной маете.
Сердце мечется неровное,
В пустоте и суете.

Солнце встало. Растуманилось.
Слёзы высохли – роса.
Поживём! Не будем стариться...
Ой ты, девичья краса...

ИННА ИОХВИДОВИЧ

ОТ КИШИНЁВА ДО ЦЮРИХА

– Мой отец тоже был русским евреем, – вдруг, неизвестно к чему, сказала глуховатая старушка в парике. Большие бриллианты в ушах и на пальцах её искрились.

Разговор был нестройно-общим, и это её сообщение, прозвучавшее диссонансом, установило тишину.

В отличие от своих отпрысков, то и дело в разговоре соскакивавшим на швейцарский диалект немецкого, она произнесла это на «хохдойч», и потому я её поняла.

Тишина сгущалась, и чтоб как-то разрядить её, я медленно, неуверенно, сомневаясь в правильности построенных мною на немецком фраз, произнесла: «Да, практически все нынешние европейские евреи – это р у с к к и е евреи. Ведь и польские, это те же евреи Российской империи, куда входило и Царство Польское.

– Да, да, – обрадовано загалдели присутствующие, будто я высказала нечто оригинальное и доселе неслыханное.

А я, глядя на них, только дивилась тому, как я оказалась здесь, как была сюда допущена?

Причудливое общество собралось в этой пышной гостиной за огромным овальным столом. Это была уже послесубботняя, почти ночная трапеза у родителей женщины, у которой мы с дочерью жили в Цюрихе.

Здесь были четыре поколения одной семьи, именно её бабушка и говорила о своём отце, её родители, она сама с мужем и уже своими четырьмя детьми; американская еврейка Дина, говорившая по-русски, т.к. раньше она была представителем Джойнта в СССР, и её муж – швейцарский еврей, надевший ради Субботы большую шапку, отороченную мехом чёрной норки, называемую «штроймлом»; было ещё две пожилых супружеских пары, то ли родственники, то ли приятели хозяев, молчаливые и незапомина-

ющиеся. Правда, всех женщин роднило то, что они все были в париках, в платьях, с рукавами до кисти, все – брильянтово-блестящие. Мужчины же, как и положено ортодоксам, в головных уборах.

Впору было себя щипать, ведь только вчера, когда на улице я увидала мужчину в штроймле, то внезапно подумала: «Вот оно, начинается! Наконец я вижу то, о чём только читала или видела в книгах!»

Ещё бы! Ведь только два года назад жизнь наша с дочерью, совершив крутой вираж, вынесла нас в кажущуюся, подчас, нереальной, Германию.

А вот теперь мы по приглашению еврейского религиозно-просветительского общества оказались в Швейцарии, в Цюрихе! Столь «знакомом» мне ещё со времён прочтения «Ленина в Цюрихе».

В Цюрихе нас опекала молодая семья, у которых мы и проживали. Они показались милыми людьми – и Алекс и Батья, гостеприимны, приветливы, хлебосольны... Особенно симпатичной была Батья со своими четырьмя детьми, двумя мальчиками и двумя девочками. Мне даже подумалось, что она и есть само воплощённое материнство, недаром же её и звали Батьей, как и дочь фараона, усыновившую Моисея.

Я любовалась раскрасневшейся молодой женщиной на кухне, оборудованной по всем требованиям не только двадцатого, но и нынешнего, века и, в то же время, по самым строгим правилам древнего, кошерного, традиционного еврейского питания!

Я тоже, согласно предписаниям для еврейской женщины, была одета в непривычную для себя, (после брюк), длинную юбку да на голове постоянно красовался, как должно, берет. Не в тягость мне было всё это, наоборот, чувствовала я необыкновенную радость и даже непривычный душевный подъём. Всё, что происходило в этом чудесном городе и доме, вызывало у меня не только восхищение, но странное чувство некоего «возвращения» к чему-то, что у меня когда-то кто-то отнял. Наверное, это и было тем, к чему я была предназначена самим фактом своего рождения?! Да только не там, где надо, и не в то время, что нужно, я родилась...

Правда, для евреев любые времена и страны не очень-то хороши. Были времена и пострашнее, ведь я родилась после Второй Мировой Войны. Вот евреям в СССР пришлось особенно худо, (это уж на моём веку случилось), и нечем им стало держаться. Если раньше, в черте оседлости в погромах верою стояли, то позже жили уже без Него, да многие ещё почему-то гордились этим?!

И вот, нынче, я находилась в самой сердцевине традиционной еврейской семьи, где всё было как д о л ж н о, как н а д о! И это не было ни сном, ни галлюцинацией, ни чем-либо ещё...

Вся семья и дети готовились к встрече Субботы, а за окном уже стали уплотняться зимние недолгие сумерки. На столике у окна стояло наготове множество свечей в старинных серебряных подсвечниках.

Батья начала зажигать субботние свечи и читать благословение, потом зажгли по одной свечке и её девочки, с закрытыми глазами, бормоча благословение, проводя руками над пламенем, они были словно бы не из этого сумрачного, реального мира...

Моя дочь тоже зажгла свечу и произнесла благословение. Видимо из-за того, что становлюсь я всё более сентиментальной, мне на глаза накатились слёзы, и перехватило спазмом горло.

Подошедшая в это же мгновение Батья, предложила мне зажечь хотя бы две свечи.

– Батья! – еле ворочая языком после пережитого и стыдясь того, что мне предстоит сказать, ответила я, – я могу произнести благословение, но только на русском языке, я не могу, не умею на лошн койдеш (святом языке).

Она удивлённо посмотрела на меня, ничего не сказав.

«Благословен Ты, Господь Бог наш, владыка вселенной, освятивший нас своими заповедями и заповедавший нам зажигать субботние свечи.

Пусть эти свечи будут знаком благословения Божьего в день Его святой Субботы. Да будет свет их светом субботней радости».

Я уже плакала не стыдясь.

Вытерев слёзы, я обернулась к Батье, с лица которой всё ещё не сошло выражение озадаченности. В ответ на мой взгляд она улыбнулась.

Потом вместе с пришедшими из синагоги мужчинами, мужем с двумя сыновьями, мы сели за стол, началась вечерняя трапеза.

А ко мне, радостной, внезапно пришла тревога... Чтобы отвлечься от неё, я стала следить за тем, как сидевший неподалеку от меня десятилетний Давид управлялся с большим количеством столовых приборов, (кроме привычных нам вилки, ножа и ложек, было ещё много – неизвестного назначения) и сама следовала в этом за ним.

Вечер закончился чудесно – субботними песнопениями.

Когда мы на ночь прощались с гостеприимными хозяевами, Батья предупредила, что освещение автоматически отключается в одиннадцать, то есть в двадцать три часа, и что нам предоставлен отдельный туалет, там лежит и нарезанная накануне бумага. И вновь, как-то беззастенчиво-снисходительно, словно бы разглядывая нечто диковинное, она посмотрела на меня. И э т о уже мне точно не примерещилось, не привиделось...

Крутилась я в кровати с боку на бок, на этой кровати с полезными для

здоровья матрасом и подушками, никак не могла пристроиться, чтобы заснуть. Свет был уже давно отключён, и мне ничего не оставалось, как пялиться в темноту. К тому ж щемило в груди, мне было жаль себя, жаль по-дурацки прожитой жизни, убежавшего невесть куда времени... К тому же потрясённость сегодняшнего вечера возбуждала меня, не давая уснуть.

«Какой покой разлит во всём доме, – рассуждала я, – когда младшая из девочек днём ещё разлила молоко, то никто не только не закричал, но и замечания не сделал, всё это было встречено непоказным хохотом. Смеялась и несколько смущённая виновница происшествия. Не ощущалось нервозности, напряжения, готовности сорваться в истерику, плач или скандал... Ведь случись подобное, то это бы была типичная реакция практически в каждой семье у русских евреев. И это, столь несвойственное нам, чувство покоя одновременно и завораживает и заставляет недоумевать: неужели всё происходит по-взаправдашнему?»

С утра день пошёл попривычному субботнему ритуалу: утром – поход всей женской частью в синагогу, мужчины пошли в особую, только для мужчин, синагогу. На пустынных улицах, как-никак день был выходным, то и дело встречались празднично разодетые евреи, спешившие в различные синагоги.

В тот день праздновали бар-мицву (религиозное совершеннолетие) какого-то мальчика, и потому после молитвы мы были приглашены в ресторан с накрытыми фуршетными столами. Там, как и везде, было радушие, веселье, хлебосольство... Ошеломлённая, я уже ничему не поражаюсь!

Обед с пришедшими из синагоги мужчинами снова был обилён.

А после обеда у нас с хозяевами состоялась «беседа». О жизни нашей, конечно... О Советской власти, государственном атеизме, о трудностях эмиграции из СССР, о тех временах, когда там суббота не была нерабочим и неучебным днём, о закрытых властями синагогах, и о «действующих», где не всегда можно было сыскать и десяток мужчин, чтобы провести Богослужение; о процентной, негласной конечно же, норме поступления евреев в ВУЗы; о том, как трудно было устроиться хоть на какую-нибудь работу; о Сталинских репрессиях, об унижениях при Хрущёве и Брежнев и прочих, до Горбачёва, лидерах; о бытовом антисемитизме, который пришёл на смену официальному государственному... Пока не подошли к главному вопросу...

– Почему вы приехали в Германию! Именно в Германию, и после в с е г о? Как вы могли? – задал его Алекс.

Честно, я никогда и не знаю, что же мне отвечать на этот вопрос. Чтобы на него ответить, мне нужно жизнь свою всю рассказать, от самого рожде-

ния... Но поскольку это н е в о з м о ж н о, то я молчу. Так случилось и на этот раз: полное, глубокое, жуткое, страшное... М О Л Ч А Н И Е...

Во взглядах, которыми обменялись супруги, сквозило почти нескрываемое, даже не желающее быть хоть чем-то прикрытым, презрение к нам, будто бы и не евреями мы были по их пониманию, а некими изгоями всемирного еврейства.

– Да, русские, русские... – только и отметил Алекс, словно и в самом деле мы были только русскими, а не русскими евреями.

И снова промолчала я. А что мне было говорить? И как бы он смог понять? «другому как понять тебя?»

На душе было скверно, когда вечером Батья предложила пройти в гости к её родителям, они занимали первый этаж этого же дома, а весь четырёхэтажный дом принадлежал её семейству.

Как ни не хотелось мне идти куда-либо в гости, но пришлось. Негоже гостям привередничать.

И вот здесь, вдруг это неожиданное бабушкино откровение, вызвавшее даже в первое мгновение некоторое подобие «немой сцены».

Как только удалось, я подседа к скучающей, с нею почти не разговаривали, бабушке. Подозревая о её тугоухости, я всё же, негромко, спросила.

– Где же жил ваш отец в Российской империи?

– В Кишинёве, детка, – живо откликнулась она, – а вы что, из тех краёв?

– Нет, я приехала из Украины, – в который уже раз ответила я ей.

– Да, мой отец, – задумчиво она пожевала губами, – он убежал оттуда в 1903 году, после этого ужаса, после погрома Кишинёвского... – она и вовсе замолчала, продолжая пожёвывать губы.

«Вон оно что!» – не удивилась я. «Молодцом соображающим был её отец, ещё и Бабеля не прочитав, понял, куда бежать надо!!!» И обернувшись к дочери, я сказала: «Но разве со стороны Бога не было ошибкой поселить евреев в России, чтобы они мучались, как в аду? И чем было бы плохо, если бы евреи жили в Швейцарии, где их окружали бы первоклассные озёра, горный воздух и сплошные французы?»

Дочь посмотрела на меня вопросительно-непонимающе.

– Да, – словно бы очнувшись ото сна, сказала старушка, – папа ведь с родителями чудом и спасся. Там же такое творилось, даже не зверства, а дьявольщина какая-то! Погромщики будто крови человечьей напились и осатанели. Так вот, когда погромщики уже подступили к их домику, то их «помощница по домашнему хозяйству», так назвала она «по-здешнему» прислугу, простая русская женщина выставила в распахнутое окно православную икону! И тем спасла всю папину семью от верной гибели!

– Боже, да это же просто Чудо! Случилось Чудо! – еле-еле отозвалась я, страшась разрыдаться. Сделав несколько вдохов-выдохов я сказала:

– Мои предки по маминой линии родом из Житомира. Даже девичья мамина фамилия – Житомирская. Так вот, когда до Житомира донеслась весть о Кишинёвском погроме, мамыны родители всей семьёй, спасаясь от возможного погрома, но уже в Житомире, поехали к родственникам в Бердичев. Каково же было их удивление, когда они узнали, что бердичевские родственники по той же причине отправились к ним, в Житомир...

И тут я «услыхала» т и ш и н у. Оказалось, что вся комната, с каким-то неподдельным удивлением слушала наш разговор.

Старуха же, ничего не почуяв, продолжила.

– Вот так русские евреи и расползлись почти по всему свету. И в США они, и в Южной Америке, и в Австралии, уж про Европу я и не говорю! И на идиш практически почти весь еврейский мир говорит, а его почему-то «мёртвым» языком считают?! Я вот недавно читала, что у ЮНЕСКО специальная программа поддержки этого «умирающего» языка?! Чепуха какая-то, да и только!

– Бабушка! – резко остановила её Батя.

Та, и не глянув на внучку, тотчас замолчала.

А тут и гости засуетились, засобирались, стали расходиться.

Вновь лежала я без сна, это была последняя ночь здесь, на завтра мы уезжали. И горестные думы всё не покидали меня: о том, как прожили несколько поколений русских евреев, одни атеистами, другие, вспомнив о. Меня и его семью, православными христианами; о еврейских документах, не раз вкривь и вкось переписанных, обменных, якобы «восстановленных», с ненатуральными именами-отчествами, с разночтением, практически во всех бумагах у старшего поколения; о псевдонимах, за которыми пытались «спрятаться», о том, что даже компании «по разоблачению» не отбили у еврейского населения СССР страсти к изменениям фамилий или облагодзвучиванию их... Какое же соблюдение традиций могло быть, если государство было о д н и м - е д и н с т в е н н ы м работодателем!!! Единственным же распорядителем нашего времени, да что там времени, всей нашей жизни!!! И разве есть хоть какая-нибудь возможность, донести до всех, чтобы узнали наш уникальный, наш унизительно-горький опыт, с л о в нет чтобы рассказать обо всём! «Как сердцу высказать себя». И разве возможно нас презирать за весь этот у ж а с! «За чай Высоцкого, сахар Бродского, Россию Троцкого!» За наше незнание, нашу неопытность, за слабость, ставшую предательством наших отцов... Это уже была кара – к нам пришло возмездие! И миллио-

ны обитателей местечек и городков, отговоривших своё на идиш, вышли дымом из труб крематориев и были истёрты до лагерной пыли. И все они погибли, благословляя Имя Господне!

И пусть мы, н е п р а в и л ь н ы е евреи в глазах евреев швейцарских и немецких, но мы-то ведь живые, не ушли от еврейской судьбы, от которой и вправду уйти невозможно. Мы в полной мере узнали то, о чём этим н е р у с к и м евреям, по крайней мере, послевоенным поколениям, и не снилось!!!

Не презирать надо нас, а жалеть, принять, призреть!

Ох вы, все живущие в благословенной, не ведавшей войн, Швейцарии, вам ли знать, и не дай Бог узнать то, что знаем мы!

Так будьте же не снисходительны в вашем жизненном, таком счастли-вом невежестве, а широко, без задней мысли, раскройте нам объятия! Ваши благоразумные предки когда-то сбежали в Цюрих, а наши – как и мы, до последнего времени, так и промотались, одни из Житомира в Бердичев, а другие из Бердичева в Житомир...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

«...с песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт» – допела я, а мамины руки в последний раз поднявшись вверх, упали на колени.

–Уфф! Обошлось – шёпотом выдохнула я, ведь с самого начала песни, руки аккомпанировавшей мне мамы не летали, как обычно, над пианино, но, словно одержимые, вдавливали ни в чём неповинные безобидные чёрно-белые клавиши.

С мамой что-то происходило?! Мне от этого стало страшно, так что было неясно, что же обошлось?!

И должно же было это «что-то» произойти в мой день рождения – 13-го января, в мой самый любимый в году день!

В сборе была «большая семья», т.е. не только мы, но также бабушка, все дяди и тётки с моими двоюродными братьями и сёстрами и папины два двоюродных брата с моими троюродными братьями и сёстрами. И всё это была только папина родня, малочисленные мамины родственники жили в другом городе.

На стол подали «сладкое» – пироги и коржики, торт «наполеон», зефир и шоколадные конфеты. Но я не могла и подумать чтобы хоть что-то попробовать, потому что неожиданно меня стало подташнивать. Только представив себе вкус обожаемого мною «наполеона», я чуть было не вырвала.

–Лина, почему ты ничего не ешь? – спросил сидевший слева от меня папа.

–Мне не естся! – только и смогла пробормотать я.

Нервно-возбуждённая мама объявила: «Линочка прочтёт нам стихотворение Пушкина «Анчар»! Меня поставили на высокую табуретку, ещё и голова закружилась, но я в этом кошмарном состоянии начала:

«В пустыне чахлой и скупой...»

И хоть значения многих слов я не понимала, но от стихотворения веяло мукой и ужасом, а выучила я его со слуха, когда старший брат заучивал наизусть. И теперь слова из стиха ещё накладывались на «что-то» жуткое, что я почувствовала в сегодняшнем вечере, «что-то» ведь случилось, и не только с мамой, но и со всеми, всеми взрослыми?

Я продолжала:

«Но человека человек послал к анчару в л а с т н ы м взглядом...

И умер бедный раб у ног непобедимого владыки...»

Меня всю трясло от страха, когда я выговаривала:

«А князь тем ядом напитал свои послушливые стрелы и с ними гибель разослал к соседям в чуждые пределы».

Еле добежала я до уборной, где я не только вырвала, но и уписалась! И всё это случилось в этот день, в день, когда мне исполнилось семь лет! Когда уже в этом году мне предстояло стать школьницей!

Гости разошлись и меня уложили спать.

В кровать взяла я с собою, без разрешения, подаренное бабушкой сиреневое крепдешинное платье. И лежала, прижимая его к лицу, но даже приятный запах материи не мог меня успокоить. К тому же до меня долетали обрывки каких-то фраз, это на кухне разговаривали папа с мамой. И говорили они на непонятном, чтоб мы с братом ничего не могли понять, языке, как объяснил мне когда-то брат «по-еврейски». Так было каждый раз, когда было «плохо»! Что именно «плохо» я не знала, только чувствовала «плохо», вот и всё!

Я лежала и думала, что люблю почти всех, кроме бабушки, она была строгой, и я её побаивалась. Люблю папу и маму, и брата и дворового пса Шарика, и Сталина, конечно! «А вот кто меня любит?» – всплакнула я. Папа хоть и любит, но его никогда нет дома, он всегда на работе. Мама тоже любит, но ей будто бы не до меня, она часто болеет, да и целует меня как-то рассеянно; брат – мальчишка, потому он даёт мне подзатыльники или щелчки по лбу – обидные «шалабаны»! А Сталин далеко, в Москве, в Кремле, и он ничего обо мне не знает!

Вот так и живу я, всеми-всеми обиженная! О д и н о к о й!

На кухне разговор вновь стал понятным, они заговорили по-русски.

– Она такая чувствительная, такая впечатлительная – это говорила мама.

– Ещё маленькая, чтобы что-нибудь понимать, – возражал, не соглашаясь с нею, папа.

– Нет, если умом ещё и не понимает, то у неё потрясающая интуиция, она «чувет» всё происходящее, – утверждала уверенно мама.

«Это они обо мне! – изумляюсь я, – только что это за слово «интуиция»? Я не знаю. Да и что я знаю? Совсем немного! Ведь жизнь, неведомая мне, происходит за порогом нашей квартиры. Потому я часто и не могу оторваться от чужих окон на первом этаже, где течёт и н а я, д р у г а я жизнь. Мама обычно оттягивает меня от них, говорит, что подглядывать нехорошо, некрасиво?! Почему это некрасиво, мне непонятно, это же так интересно, как и слушать, когда читают книжки.

Но почему же всё-таки мне никак не успокоиться? Ведь я получила много подарков, мне аплодировали, даже строгая бабушка на прощанье мне подставила щеку для поцелуя! Так что же или кто берedit мне душу???

И показалось мне, будто воздух в комнате стусился и будто бы н а м суждено задохнуться?! Но почему, почему н а м?

Я начинаю беззвучно плакать, пока вдруг меня не ошеломляет неожиданно открывшийся выход!

– Мама! – отчаянно кричу я, не думая, что могу разбудить брата, спящего в дальнем углу на тахте.

– Что? – испуганно спрашивает прибежавшая на мой крик мама – ты на горшок хочешь?

– Нет, – захлёбываюсь слезами я, – мамочка, мы должны написать письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину, чтобы он нас спас!

– Откуда ты только знаешь? – плачет уже вместе со мной мама, уже и брат, недовольный, проснулся, и папа зашёл в комнату.

– Мама, папа, обещайте мне, что напишите е м у! – умоляю я их.

– Хорошо, хорошо, спи только! Поздно, уже ночь, – покорно – устало сказала мама.

Снова они с папой ушли на кухню, перемывать-перетирать посуду и тихо говорить «по-своему».

Я стала придрёмывать, но меня вдруг, как стрелой пронзило: «А что если Иосиф Виссарионович Сталин не захочет нам помочь, нас спасти!!!»

Насчёт того, что он чего-то может не мочь, у меня и сомнений не было. Ведь Всемогущим он был!

Но рассказывать об этом своём предположении, я уже не стала. Потому

что страшно было даже и п о д у м а т ь такое, а вслух и вовсе не выговорить.

В эту минуту из радио понесся бой курантов Спасской башни Кремля – полночь.

И я представила тут же, как не спит товарищ Сталин, как он думает обо всех людях нашей большой страны... И потому все люди могут спать спокойно... Кроме нашей семьи... Почему? Ответа я тогда так и не нашла, и уже с горя заснула...

13-го января 1953 года «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС «об аресте группы врачей-вредителей».

После публичного коммюнике о деле врачей, которое должно было стать первым этапом уничтожения евреев в СССР – Сталин прожил ещё 51 день.

ЕЛЕНА ЗЕЛЬГЕР

* * *

Из рук Твоих дыханье получив,
В ладонях Вечности моя душа пылает.
А тело разные одежды примеряет,
А тело бедное о Вечности не знает,
И обречённо жизнь свою влачит;
Считает дни, минуты и года.
Старест, находясь с Душой в разладе –
Она, мятежная, всё так же молода,
Всё в том же светлом, девичьем наряде.

ЛОЖЬ

Как неприятен звук разбитого стекла,
Невыносима так мне лживой фразы рвота.
Змеёю выползает изо рта
И хочет укусить там, где аорта.
Ужалить прямо в сердце. Распластать.
Раскровянить. Затем присыпать солью.

Прошу тебя! Не надо только лгать.
Враньё не уживается с любовью.

* * *

Опять тюльпаны, – баловни зимы,
мною куплены в соседнем переулке.

За полцены, за месяц до весны,
стоят в стеклянной вазе, на шкатулке.

Кристалльно-бело-кипенный тюльпан.
Фарфоровый китайский истукан.
Швейцарские часы стенают гулко...
Другой цветок напоминает вновь
подбоем красным жаркую любовь,
как то сердечко, что лежит в шкатулке.

* * *

Слово первое. Рукопожатье.
Быстрый взгляд. Взмах ресниц.
Сердца вздрог.
Нервность рук
И взаимоприятие.
Приглашают любовь на порог.
Нет! Ещё не любовь – притяженье.
Эйфория! Влеченье! Запал!
И затем поцелуй, как затменье,
как сознания внезапный обвал.

РАЗГОВОР

Не ладится, не вяжется
хороший разговор.
Кривляется, шатается
всё превращая в спор.
Бессмысленный, неискренний,
не нужный никому.
Права ли, виновата ли,
никак я не пойму.

* * *

Осенью пахнет
горько и сладко.
Ветер слезинку

сдует украдкой.
Листьев остатки
водит по кругу.
Рябью бежит
холод по пруду.
Солнечный лучик –
лета лазутчик
гладит осину.
Каркают в спину
ворон с вороной...
Вечнозелёной
ели вершина
смотрит в долину...
Льнёт паутина
бабьего лета...
Ярко одеты
бродят под ручку
солнце и тучка,
осень и лето.

КАРТИНА ВАТТО

Полуприкрыта розой, грудь
Слегка, кокетливо вздымалась.
Игривый взгляд косил чуть-чуть
и ах! – невольно вырывалось...

Уже кружится голова,
от слов фривольных девы томной.
Уже в ответ летят слова.
И поцелуй в аллее тёмной...

Проходят годы чередой
и наши жизни пролетают.
Да только поцелуй не тает
веками на картине той.

ЕВГЕНИЙ ДЕНИСОВ

ЛЕФОРТОВО

Не вправе забыть я свой славный венец:
Лефóртоvский мрак, заключенный спец,

И в восьмедесятых, как в тридцать седьмом,
И хамство, и пытки, и гнусный содом.

Слегка подрумянены, в главном же – те ж,
Со мной целиком согласился б отец

И бабушка, что не вернулись назад
Оттуда, где вечные холод и глад...

По тем коридорам я снова иду.
Такие же, верно, они и в аду

Вновь тусклый сочится из лампочек гной,
И страж большеусый опять за спиной.

А чтоб невзначай не столкнуться с другим,
Таким же, как ты, истощенным, седым

В свои тридцать три, чтоб не встретился зэк,
Он щелкает пальцами: «крэк... крэк... и крэк»

Да, в тот закуток, где всегда – в тупике,
Ведет вертухай, словно на поводке.

Как Анна с Киафой тоскуют и ждут –
Гладков и Малащенко спать не дадут.

Мы сядем, совсем как тогда, vis-à-vis,
Друзья твои – кто?! Назови! Назови!!!

Пусть тают столетья, пусть рушится мир,
Мы вместе – их ждет упоительный пир...

И вдруг притягательней кажется смерть,
Она лишь – свобода и верная твердь.

Пусть дуло, что в мой приглядится зрачок,
Подарит высокого неба клочок,

Глоток родниковой чистой воды
И луч потрясающе яркой звезды.

И там, где кончается всякая даль
Мне розовым вспыхнет цветущий миндаль.

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

За окном моё столетье умирает,
В поздних судорогах воспевая лето.
Может быть, оно – последнее столетье,
Хоть того еще и не подозревает.
И зарезанное солнце на закате,
На горе, как на синеющем подносе...
Дождик капает, далёко до зарплаты...
Это осень, милый друг мой, это осень...
А в парадном мужики сидят-бухают,
В стаканах портвейн разлит, во взглядах – счастье.
Даже флаги намокают, набухают,
Тяжелеют даже флаги от ненастья,

Потому что слишком улицы кровавы,
Транспарантами и флагами залиты.
И послушные мычащие оравы
Все бредут перед жиреющей элитой.
За окном моё столетье умирает,
В поздних судорогах воспевая лето.
Может быть, оно – последнее столетье,
Хоть того еще и не подозревает.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Стояла ночь, когда этап мой прибыл
на родину, в мой город. Наконец-то!
Назавтра снова предстояло
с ним распрощаться.
Нас было сорок шесть в «столыпине» и стало
по двадцать три на воронок, битком набитый.
Везли в тюрьму на Красных партизан.
Поскольку в клетку заходил последним,
мне повезло: остался у решетки
и, если присесть, то было видно
сквозь коридор короткий,
где проезжали: здания, деревья,
прохожих поздних редкие фигуры.
Вот улица моя... О, Боже, неужели!
Вот книжный магазин, а вот киоск газетный...
Как близок дом,
где стены и постель меня уже забыли,
но ждет старушка-мать.

ЛЕФОРТОВСКИЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Променял новогодний торт
На безмолвье тюрьмы Лефортово –

Я сегодня собою горд,
Никогда мне не быть столь гордым!

* * *

В лефортовских мрачных застенках,
Где мутные стекла и ложь –
Всё серого цвета оттенки
И жизни цена – грош.

* * *

Бессонные лефортовские ночи
В огромном чреве каменной тюрьмы.
Ты здесь – ничто, ты – атом, точка,
Ничтожнейшая пред тотальным «мы».

КРЫМЧАНКЕ

Твой голос долетит сквозь семь высот
И ангел прилетит, чтоб преклониться
Пред той, чей взгляд прекрасен, нежен рот,
Пред той, что еженощно снится.

Что было между нами – ничего:
Два-три прикосновенья рук и взгляды.
Лишь две недели... Если б месяц – год!
В твоих глазах я вижу свет Эллады

И флаги генуэзских кораблей,
И отблеск стрел тугих монгольских луков...
Но, право ж, встреч любых милей,
Подчас, и боль разлуки.

НАДЕЖДА КОВТУН

* * *

Нет пророка в своём отечестве,
с этим просто надо смириться.
Мне хотелось по-человечески
скромной славою насладиться.
Но талант не очень особенный,
и тематика не козырная,
не сравнить с другими особами,
и не стоит на это злиться.
Удовольствуюсь малой радостью:
ведь для близких стихи интересны.
Привередлива стала к старости,
есть ведь лучшие, но неизвестны.
Слава Богу, что ритмы ладятся,
что ложатся в рифмы ажурные.
А обиды потом загладятся,
помолчу – мы люди культурные.
Захотелось похвал и почестей?
Остудили буйную голову.
Хорошо – не закрыли творчество,
только в нём я сегодня молода.

* * *

Войны багровые зарницы
не гаснут в памяти моей.
Стареют ветеранов лица

и нет на свете матерей,
которые с войны их ждали,
трудом победу торопя.
Те не вернулись с дальней дали,
о ком мы говорим, скорбя.
На фотографиях случайных
желтеют лица без морщин
тех, кто лежит в полях бескрайних –
погибших на войне мужчин.
Всё меньше ветеранов племя,
всё громче почестей слова.
В историю уходит время,
где очевидцем – я сама.
Но не утихнет боль утраты,
не потускнеет блеск побед,
пока мы памятью богаты
и равнодушья в сердце нет.

* * *

Я уже не жду, я так устала...
Краденая моя любовь была.
Вопреки житейскому уставу
я тебе всю душу отдала.
Будто на весы я положила
радость встреч и неуёмный стыд.
Вот взяла – чужого полюбила,
а душа, как о родном болит.
Зыбкое, смешное положение,
встречи, будто в юности, тайком.
Чувство или недоразуменьё?
Мысли, будто в цирке, кувырком.
Рядом ты – я счастлива и верю,
что любовь нам не преодолеть.
Ты моя находка и потеря,
жизнь моя, а может быть и смерть.

* * *

Отдыхали старые барыни,
в канделябрах мерцали свечи,
и сверкали бокалы гранями,
и пасьянсы ложились легче.
И беседы неторопливые
прерывались, чтоб слушать музыку.
Прибегали внучата игривые
и вязали бантики Тузику.
Перед сном чередою чинною
подходили под благословение.
Если это и было рутинною,
то заманчивой, без сомнения.

ТАТЬЯНА УСТИНСКАЯ

КРИК ДУШИ

Сколько можно шагами мерить аллеи парков,
в закрытые двери стучаться и верить
в счастливое завтра,
когда на исходе запасы азарта?

Надежда живёт, как подбитая птица.
Откуда берутся силы прогнуться,
прикинуться «овощем» среди «фруктов»,
живущих круто в любую минуту.
И как не разбиться о речи и лица –
читать небылицы, отвлечься, забыться.
и в будущий день перейти ухитриться.

Вот, если б напиться – счастливые люди!
Стакан неподсуден – лакай из посуды,
не думай о судьбах своих и чужих.
Закуска на блюде – разлей на троих.

АПРЕЛЬ

Апрель торопится проникнуть в сердце
И в нём устроить страшный перебой,
А зимних дней тяжёлое наследство
Мешает нам весеннюю порой.

Апрельские чарующие ноты!
Остановись: не надо суеты!
Ведь счастье – вот оно, за поворотом –
Прекрасный мир любви и красоты.

Пьянящий воздух, птиц многоголосье.
Послушай звук весенней частоты,
И наблюдай, заботы все отбросив,
Как красочны деревья и кусты.

Но солнца луч безжалостно ворвался,
И недостатки быта осветил,
И мир иллюзий, наконец, распался,
Реальность жизни больше не прикрыл...

А за окном апрель вовсю смеётся,
И кажется, что мир с тобой на «ты».
Но счастье ведь не каждому даётся,
Не забывай, как призрачны мечты!

* * *

Как удивительно легки
Тобой наполненные строчки!
Одним движением руки
Над « i » расставляю точки.

Тебе ищу любви слова.
С тобой рассвет встречаю.
Нахлынул чувств девятый вал,
И это не случайно.

Понять мелодию души,
Вскочить в последний поезд,
Любовью жизнь свою прожить
Хочу, пока не поздно.

Зачем ты смотришь свысока,
Во мне изъяны ищешь?
Я – дуновенье ветерка,
Цветенье майской вишни.

Вот убегу в далёкий край,
Где нет занудных истин...
Смотри: любовь не потеряй –
Я твой последний выстрел!

ДО И ПОСЛЕ

Публицистика и Эссеистика

ДАВИД ЯНОВСКИЙ

С немецкого

Рут Андреас-Фридрих

НЕМКА, КОТОРАЯ СКАЗАЛА «НЕТ!»

Рут Андреас-Фридрих родилась в 1901 году, в Берлине.. Её родители: отец, – тайный военный советник, доктор юстиции Макс Беренс, мать – в девичестве Маргарет Древиц – выпускница школы благотворительной помощи, позднее окончила курсы книготорговли. В 1924 году Рут вышла замуж за крупного промышленника Отто А. Фридриха. В 1925 году у них родилась дочь – Карин. В 1930 году Рут и Отто развелись. В это же время начинается её журналистская деятельность, она печатает свои книжные обзоры и фельетоны в газетах и женских журналах.

В годы нацизма, вместе со своим гражданским мужем, Лео Борхардтом (впоследствии дирижёром Берлинского филармонического оркестра), входила в руководство группы Сопротивления «Дядя Эмиль». В этой группе также участвовала её дочь. Группа передавала за границу сведения о политических событиях в Германии; срывала со стен фашистские листовки, призывы и приказы; распространяла антифашистские листовки; когда советские войска подошли к Берлину, перерезала телефонные провода и провода, ведущие к взрывчатке. Они добывали фальшивые справки для тех, кто не хотел служить в армии и фольксштурме. Основная деятельность группы была направлена на помощь преследуемым, в основном – евреям и военнопленным. Их снабжали документами, едой и одеждой, прятали и помогали бежать за границу.

После войны Рут издавала женские журналы «Она» и «Лилит». В 1947 году в Берлине опубликованы её дневники 1938-1945 годов, которые вскоре появились в печати на разных языках. В 1962 году вышло второе дополненное издание этих дневников.

В 1955 году Рут вышла замуж за директора Мюнхенской клиники, профессора Вальтера Зайтца. Она умерла в Мюнхене в 1977 году.

Альфред Франкенштейн в «Израильских вестях» писал: «Она одна из праведных немцев, которые в самое плохое время спасли доброе имя своего народа. Память о ней да будет благословенна!»

Из дневника

Берлин, четверг, 10 ноября 1938 года.

В семь утра раздалась звонки. Один, второй, третий... девятый, десятый, один за другим, как будто кто-то на кнопке звонка, как на барабане, выбивал сигнал атаки. Перед дверью стоял доктор Вайсман, адвокат. «Спрячьте меня, они преследуют меня!» – задыхаясь сказал он. Я уставилась на него. «Кто? Что? Я ничего не понимаю!» – «Закройте, по крайней мере дверь. Вы одна? Куда я могу пройти?» Он проскочил в комнату, бросился на стул и закрыл лицо руками. Его верхняя одежда была разорвана, волосы растрёпаны. Словно он вывалился в грязной луже. «Что случилось? – спросила я. – Вы что, живёте на луне?» – горько усмехнулся он. «Дьявол рыщет по Берлину! Горят синагоги. Еврейская кровь стекает с ножей. Штурмовики маршируют и бьют стёкла». От возбуждения у него прервался голос. «Нас гнали, как зайцев», – проскрипел он. «Они заставили меня бежать вдоль Курфюрстендамм. Я пробежал половину улицы. Еврейская свинья! Кровавый убийца! Сдохни ты, стерва! – кричали вслед. В меня бросали камни и комки грязи. Шпана, хулиганы, проклятые штурмовики!» – «А полиция? Полиция наблюдала. Пусть горит, что горит и гибнет то, что должно погибнуть» – «Значит, он умер?» – «Кто?» . «Ну, фон Рат» – «Да, мёртв» – кивнул доктор Вайсман. «И теперь по нему справляют заупокойную мессу. Со смоляными факелами и бочками бензина. Они меня почти догнали. Но я свернул в боковую улицу. Тогда они набросились на кого-то другого».

Меня бросало то в жар, то в холод от ужаса. О, Андрик, Андрик! (муж автора дневника) Как ты был прав! Никогда жертва не умирала так подозрительно вовремя. Я посмотрела на часы. «Подождите. Я принесу булочки и молоко. Мы выпьем сначала чаю. Потом посмотрим» – сказала я. В девять доктор Вайсман лежал в кровати Андрика, в новой шведской пижаме, сытый и принявший душ. Слава Богу, на первое время мы его разместили.

В полдесятого я поехала в редакцию. Кондуктор автобуса посмотрел на меня так, словно хотел сообщить что-то важное. Но покачал головой и посмотрел виновато в сторону. Пассажиры не поднимали глаз, на их лицах было выражение вины. Курфюрстендамм – целое море осколков. На углу Фазаненштрассе скопились люди. Молчаливая масса, смотрящая в сторо-

ну синагоги, купол которой окутан дымом. «Мерзкий позор!». – прошептала женщина возле меня. Я посмотрела на него с симпатией. Сейчас самое время сказать ближнему: «брат». Но я этого не сделала. Об этом только думают. Если даже хватает мужества, спрашивают: «Ах, простите, пожалуйста, который час?» И стыдятся бесконечно своей трусости. И всё же мы чувствуем себя братьями. Мы, которые сидим здесь, едем в автобусе и умираем от стыда. Братья по стыду. Товарищи по подавленности. Но, если все стыдятся, – кто же бил стёкла? Это был не ты и не я. Как же зовут этого неизвестного?..

В издательстве всё кружилось, как в голубятне. Я вбежала в комнату Холлнера. «Итак, что же произошло в действительности?» Он сидел за письменным столом, как сгусток несчастья, передвигал свою трубку из одного угла рта в другой и стонал: «Девочка, я этого не переживу. Глаза должны лопнуть от стыда. Синагоги... Божьи дома. Святилища Господа, просто облиты бензином. Делают это так, словно совершают героический поступок. Гордятся, задаются, Бог знает как. Стихийное народное бешенство и такая бессмыслица. Без меня, говорю я. Без меня» «Ладно, ладно» – настаивала я нетерпеливо. «Но факты» – Холлнер молча придвинул ко мне через стол несколько машинописных листков, и показал пальцем на жирный заголовок «Антиеврейские выступления в Берлине и стране» – «Да, сообщение ДНВ (нацистский официоз), это значит, что все вечерние издания должны это перепечатать. У редакторов остаётся свобода, при случае, заменить устрашающие эпитеты другими соответствующими. Надо покорно склонить голову. Поставить свою подпись. Сделать вид, что веришь жалкой чепухе».

Я быстро просматривала плотно напечатанные страницы. «...После того, как стало известно о смерти немецкого дипломата, члена NSDAP фон Рата, павшего от руки трусливого еврейского убийцы, во всём райхе прошли стихийные антиеврейские демонстрации. Глубокое возмущение немецкого народа выразилось в многочисленных антиеврейских акциях. Во многих местах Берлина были разбиты витрины еврейских магазинов и разломаны полки в магазинах, принадлежащих евреям. Еврейские хозяйки имеют ещё наглость убирать осколки стекла руками своих арийских служащих, что вызывает гневный протест прохожих... Синагоги и места, где распространяется враждебное государству и народу учение Талмуда и Шулхан-аруха, были подожжены, внутреннее убранство разрушено. Также пострадала синагога на Вильгельмплатц. Там должно было быть оружие. Та же судьба постигла еврейские храмы в Коттбусе и Бранденбурге». Я с отвращением переворачивала листы. «Сегодня утром между шестью и семью часами загорелась синагога в Вильмерсдорфе. Купол уже обрушился... ше-

ствия демонстрантов в Нюрнберге... Все ещё оставшиеся еврейские магазины разрушены... Гнев возмущённых людей против еврейских магазинов в городах Рура и нижнего Рейна, в Эссене, Дюссельдорфе, Крефельде и других местах сейчас горят синагоги. Стихийные манифестации против еврейства в Лейпциге...

В прошлую ночь... Возмущение, огонь... Осколки окна... разрушить, сечь». Бесконечное повторение одних и тех же слов.

Итак, я знаю. Иудейская война началась. Сегодня ночью в два часа. Атакой по всему фронту. И приурочена ко дню рождения Шиллера. Разгадать бы, кто за, кто против! Я решила исследовать народное мнение. Там, куда я приходила, я видела в лучшем случае народное расстройство, в худшем – неизмеримое отчаяние. «Нельзя больше смотреть в глаза другому человеку» – сказал даже наш дежурный редактор, о котором ходили слухи, что он заражён нацизмом. «Антисемитизм – хорошо! Но не так же». Только длинный Майер, наш «политик» довольно потирал руки. «Наконец-то им показали, проклятому сброду», – торжествовал он. «Удивительно, что стихийному гневу народа во всём райхе в одно и то же время пришло в голову одно и то же», – сказала я и сделала вид, что это мне только что пришло в голову. Но крючок зацепился, Майер, глядит на меня озадаченно. «Гм», – пробормотал он и уставился задумчиво перед собой. Потом со злобой покачал головой. «Что вы все вмешиваетесь в разговор! Фюрер знает...». «Конечно, фюрер знает! Именно так я думаю» – отрезала я ему сухо. Пусть его верноподданнический мозг переваривает подброшенный ему отравленный кусок по своему усмотрению.

В комнате Карлы, стоя, заседал конвент. Уже в коридоре услышала я гул возбуждённых голосов. Когда я нажала дверную ручку, всё смолкло, как по команде. «Ах, это ты» – встретила меня моя подруга: «Сейчас ты тоже сможешь высказаться!». Она обратилась к окружающим: «В два часа ночи они подняли с кровати сына нашей хозяйки. Приказ руководства. Это были штурмовики». «В полной военной форме они маршировали по Кляйстштрассе. Валом. Организованно. Народ спал сном праведников» – добавил хроникёр. «Между двумя и пятью люди обычно спят» – деловито сказала секретарша. Карла посмотрела на меня: «Надо пойти поесть, если мы хотим получить ещё что-нибудь у Раймана».

Когда мы пересекли Хаузфогтайплатц, донёсся странный звук. Как будто сбросили с пятого этажа обеденный сервиз. Шум шёл с боковой улицы. «Пошли туда». Карла пустилась рысью. В ста шагах, на Моренштрассе, перед магазином одежды собралась масса людей. Она всё увеличивалась, словно всасывала в свою глотку всех, кто проходил мимо, даже против его желания. «Обязательно сквозь толпу. Пошли!» – прошептала Карла. Мы

проникли сквозь стену человеческих тел. Великий Боже! Я увидела, как Карла побледнела. И ещё, как толстая женщина вытирает пот со лба, как седой господин смущённо дёргает свой воротник. Я увидела другое. Целиком и полностью непостижимое. Трах-дзень. Трах-дзень. Трах-дзень! Три тяжёлых железных стержня бьют, как кузнечные молоты, в огромные окна. Потом тишина. Трах-дзень! Следующее окно превращается в осколки. Перед окнами стоят пять молодчиков в штатском платье, лица перекошены от напряжения. Они таранят, бьют. Работают, как автоматы. Не достаивают окружающих взглядом, в котором нет ни ненависти, ни возбуждения, ни возмущения, ни гнева. Они безукоризненные исполнители. Мастера в ремесле стеклянного боя. Ни один специалист не смог бы так тщательно выбивать из рам остатки стека. Трах-дзень! Здесь осколок, там осколок. Два быстрых шага... удар: люстра падает на пол. Как сосновые шишки, с шумом падают картины со стен. Железные каблук давят восковые лица манекенов в витрине. Осколки, осколки, осколки... Толпа молчит. Страх удерживает её на расстоянии от места действия, которое её гипнотически притягивает и отталкивает. «Готово» – кричит руководитель, делает знак глазами, берёт на плечи стержень и сомкнутым строем отряд марширует дальше. Лево-право, отрететированный шаг в ногу! – до «Стоять на месте! Стой!» перед следующими «еврейскими окнами».

Это погром? Здесь бушует стихийная народная ярость? Выскакивает искра, попадает в бочку с порохом и затаённый гнев всей нации взрывается громом? Нет и ещё раз нет! Если завтра той пятёрке будет отдан приказ убить цепями всех трубочистов Германии, они пойдут и не оставят ни одного. Хладнокровно и без пощады. Не потому, что ненавидят трубочистов, но потому, что они любят своё повиновение. Так безмерно, что даже душа стоит навывтяжку. А мы, другие? Мы, сотни против пяти, мы, миллионы против нескольких тысяч? Мы вытираем со лба пот страха, мы дёргаем испуганно воротник, мы...

«Мы должны сами себе плюнуть в лицо за то, что мы стоим тут, не открывая рта!» – Карла дрожит от гнева». Конечно, мы должны плевать. Но кому поможет то, что ты откроешь рот, если тебя схватят за воротник и сделают на голову корочу. Мученикам нужна публика. Анонимная жертва никому не поможет». Я говорю так мудро, но мудрость меня не радует. Есть что-то неправильное в этом расчёте. Обедать нам уже расхотелось. «Лучше пойти домой, – сказала Карла, – кто знает, что может тут случиться с человеком».

Действительно, ещё много разных дел. Не только доктор Вайсман в кровати Андрика. Наш дом полон квартирантов. Пришли Леви и Кон. Они сидят на моём диване и играют в экарте. «Чтобы отвлечься», – говорит

извиняясь Леви. Он выглядит изнурённым и небрит... Кон смущённо трёт лоб. «Где Андрик?», – спросила я. Он пошёл к доктору Гиршбергу. Его номер не отвечает, наверное, его забрали». – «Забрали?» – Ну да, забрали. В арестантский рай! На еврейские небеса! Спецпочтой в прусских грузовиках. Тот, кто своевременно не скрылся, может писать завещание».

В комнате Андрика устроились два других гостя. «Только на одну ночь», – просили они робко, – пока пройдёт самое страшное». Пронзительно зазвенел телефон. Я узнала голос Франца Вольхайма. Он звучал хрипло и взволнованно: «Откройте дверь. Через пять минут я буду внизу». Шестой гость. Я стала ощущать чувство подавленности.

Когда пришёл Франц, мы собрали военный совет. Двое на моём диване, двое – на Андрика. Самый худой – в кресле. Если пододвинуть стул, можно даже немного вытянуться. Доктор Леви – на полу, на двух коврах и подушках. Когда пришёл Андрик, всё было решено. «Ты их привёл?» – Он покачал головой». «Слишком поздно. Они пришли раньше. Нет также Шперлинга и Петера Тарновского, Эрнста Ангела и маленького Шварца. Я видел, как трое эсэсовцев вывели его из дома и затолкали в грузовик. Там уже стояли 17 человек, вплотную, как бараны. Он был восемнадцатым. Дай мне выпить. А то...»

Всем надо было выпить. Я разлила по рюмкам всё, что нашлось дома. Андрик развернул вечернюю газету. «Двадцать лет заключения для евреев, имеющих оружие». Леви и Вольхайм озадаченно ощупали карманы своих пиджаков. «Не придавайте этому значения», – успокоил их Вайсман. «Если нас тут схватят, и без этого всё кончено». Все подавленно замолчали. «Ты запер дверь?» Меня охватил страх перед собственной смелостью. Андрик успокаивающе похлопал меня по плечу. «Иди спать, малышка! Сон укрепляет нервы». Его отеческая доброжелательность подействовала просто раздражающе. «Мне вообще не хочется спать», – защищалась я возмущённо. «И кроме того, где ты собираешься мне постелить?» Андрик засиял.

«В моих объятиях, где же ещё? Мы пойдём напротив, к Корнбергу, который уехал. Его комната свободна. Если нам повезёт, он не запер дверь». Корнберг – наш сосед по холлу. Коммивояжёр. Добродушный холостяк. В час, в доме воцарился покой. Каждый спал, как мог. Завтра посмотрим.

Берлин. Пятница, 11 ноября 1938 года.

Они увезли всех еврейских мужчин, которых арестовали. Не только в Берлине, но и во всём рейхе. Без ордера на арест. Без юридических формальностей. Как шли или стояли, должны были идти с ними. Говорят, некоторые не могли даже обуться. Тот, кто был предупреждён, избежал

облавы. Сотни смогли спрятаться у друзей или искали защиту у посторонних. Одна маленькая портниха приняла у себя двух беженцев. Она не знала, откуда они и как их зовут. На Франкфуртераллее рабочие вернули еврейским владельцам магазина товары, рассыпанные по улице. В задней комнате больницы главный врач спрятал от гестапо раненного раввина. Ночью начальник штурмовиков с несколькими молодчиками ворвались в его дом, вырвали из кроватей его, его жену и дочь-подростка и вытащили их во двор. Там приказали старику стать у стены, жену и дочь отвели в другую часть двора. Начальник в нескольких шагах перед жертвой поднял револьвер и прокричал: «Я, представитель власти, расстреливаю этого еврея». Прозвучал выстрел, но раввин остался стоять. После второго выстрела он упал. Кровавая шайка удалилась с победными криками. Партия приказала. Но небо ответило. Раввин остался жив. Пуля прошла мимо сердца. Сердобольные души доставили его в больницу.

Сегодня берлинские женщины спуют по городу с таинственными свёртками под рукой, и встречаются тайком на каком-нибудь углу. Бритва для доктора Вайсмана, свежая рубашка для Леви, пижама для Кона. Так, по мере возможности, заботятся о тех, кто скрывается. Ещё опасно появляться. То, что произошло вчера, может повториться и сегодня.

Почти все мои друзья имеют квартирантов. Говоря по телефону, пользуются намёками и иносказаниями. Потом и сами ломают голову, решая, что хотел сказать собеседник. Кто такой этот Карл? К Теа вчера пришли гости. Родственники из деревни, ты их знаешь, те, у кого много детей, Герхард работает за городом. Когда он вернётся, неизвестно. Какой Герхард? Какие дети? Какие родственники из деревни? Никакого представления.

Во второй половине дня я посетила Лизель Гиршберг. Она сидела на перевёрнутом сундуке, окаменев от горя, среди обломков и осколков. «Вчера двое полицейских забрали Курта», – сказала она, глядя пустыми глазами, – ему не разрешили даже надеть шляпу. Через час позвонили в дверь. Когда я открыла, ворвались десять хулиганов и спросили: «Здесь живёт еврей Гиршберг?» Я не сказала ни слова. Тогда всё началось. Они бесчинствовали, как вандалы. Смели всё серебро с буфета, свалили книжные шкафы, вытащили бельё из шкафа. Нашу деревянную мадонну разрубили топором, гравюру Дюрера на меди растоптали, драгоценную коллекцию гравюр Курта бросили в огонь. Это продолжалось полчаса. «Благодари за это своих соплеменников», – сказали они. И при этом они не знали, что я – арийка». Она грустно улыбнулась, внезапно потеряв самообладание. «Курт, – прорыдала она, – я ведь люблю его... я ведь люблю его. Он ничего не сделал. Никто ничего не сделал. Это было нашей ошибкой». Я вдруг поняла: мы всегда думали, что всё станет понятно само собой. Все станут

такими, как мы. Все будут чувствовать, как мы, верить, как мы. То, что мы не видели, насколько другие отличаются от нас, в этом наша вина. Мы судили о других по себе. По себе о нацистах! Так мы их возвеличили. Ты и я, и Андрик, и другие. Евреи – это только начало. Подожди, дойдёт и до нас. Не потому, что мы действуем. А потому, что мы терпим. Великое пришествие несправедливости. «Но что мы могли сделать? – Лизель беспомощно смотрела на меня, – мы должны были громко отстаивать добро. Любовь к людям и мир». Я взяла шляпку и пальто. «Надо хотя бы сейчас сделать вывод из наших ошибок. Если мы не сможем их освободить, надо, по меньшей мере узнать, где они. Идём к Лукашеку. Если кто-нибудь что-то знает, то это он». Лукашек – адвокат. И рьяный католик. С 1933 года он верит в великую перемену и работает для неё. Я не ошиблась. Он не принадлежит к тем, кто терпит. Его приёмная полна народу. Женщины. в глазах которых застыл страх. Они выглядят бледными и невыспавшимися, некоторые беззвучно плачут. Все они нашли дорогу сюда. Лукашек действует. Он внимательно и напряжённо слушает всех. «Первую партию направили на товарный вокзал. Ещё в ту же самую ночь. Она должна была отправиться в Ориенбург... Силезские? Нет, их там нет. Говорят, их отправили в Бухенвальд. Это возле Веймара. Их заставили стоять два часа под лучами прожекторов. Был ли там ваш муж? Да. Его видели. С ним всё в порядке. Он твёрдо уверен, что вернётся. О третьем транспорте мы ещё ничего не знаем. Но сведения готовятся. Нет, доктора Оппенгейма там не было. О Ротхольце никаких сведений. Подождите, я дам вам рекомендации. Для гестапо... возможно, это поможет». Ни одну не оставил он без утешения. Всех заражал своим спокойствием и уверенностью. Всё, что можно было узнать, – узнавал. На всё, на что можно было отважиться, он отваживался. Чем можно было помочь, он помогал. Когда мы с Лизель покинули его канцелярию, у неё в сумке было письмо к советнику уголовной юстиции Мюллеру, а я знала, куда я могу обратиться, чтобы успешно сотрудничать.

На улицах всё ещё убирали осколки. Пустые дыры витрин зияли, как выколотые глаза. О, Эрнст, о, Ангел, о, Петер Тарновский, о, все несчастные бедняги! Дует ледяной ветер, и я мёрзну, когда думаю о вас.

(продолжение в следующем номере альманаха)

КАРА АБРАГАМ

НА СЛУЖБЕ У ДЬЯВОЛА

(Судьба полукровок)

*(Продолжение. Часть первую см. в альманахе «До и после» № 11)***Часть вторая**

Наиболее фанатичные сторонники расовой теории постоянно провоцировали фюрера приравнять полукровок к стопроцентным евреям. Однако Гитлер не пошёл по этому пути, прежде всего, чтобы не восстанавливать против себя их «арийских» родственников. Другой довод: один из видных чиновников Министерства внутренних дел третьего рейха некий W. Stuckart высказался примерно так: «Надо считаться с тем, что половина генетического материала полукровок германская. Они умны, талантливы, хорошо воспитаны, и пусть эти качества послужат лучше немецкому народу, чем его врагам». А вот отношение В. Lösener'a, референта по расовым вопросам, к этой проблеме: «Полукровки более опасны, чем стопроцентные евреи, т.к. они в равной степени являются носителями еврейских и германских качеств». Заметим, что отношение нацистов к полукровкам на оккупированных территориях было не столь «гуманным», как в самом рейхе. В Польше, Украине и Белоруссии полукровки – носители как еврейских, так и славянских черт, – пройдя все круги ада, разделили горькую судьбу сотен тысяч евреев.

Несмотря на ужесточение преследований властей в отношении полукровок, на имя фюрера поступали тысячи прошений о продолжении службы в армии. С одной стороны – жёсткие приказы и распоряжения о резком ограничении службы полукровок в Вермахте, с другой – особые разрешения Гитлера, позволявшие тому или иному «полуеврею» продолжать службу в армии. По этому поводу существует несколько версий. Попробуем в них разобраться. Начнём, пожалуй, с главной.

Не всё ясно с родословной Гитлера. Он сам сомневался в своём происхождении. Его отец, Алоиз Шикльгрубер, был внебрачным ребёнком.

Фюрер приходил в отчаяние, только от одной мысли, что его дед мог быть евреем. Его отец родился в небольшом австрийском городке Доллерсхайме. После присоединения Австрии к Германии фюрер позаботился о том, чтобы все документы о его отце были из местной церкви изъяты и уничтожены. Гитлер запрещал какие-либо публикации, касающиеся его семьи или юности. Людей, которые многое знали о его прошлом, он просто убирал. В беседе с племянником он как-то сказал: «Люди не должны знать, кто я такой. Они не должны знать, откуда я и каково моё происхождение».

Личные контакты Гитлера с евреями во время его службы в армии могли также сыграть некоторую роль при получении особых разрешений фюрера на службу в Вермахте. Во время Первой мировой войны Гитлер наблюдал, сколь храбро сражались евреи на фронте. Железный Крест первой степени Гитлер получил по представлению полкового адъютанта, еврея Гуго Гутманна. Он был знаком с австрийским врачом, евреем Э. Блохом, который заботился о матери Гитлера, страдавшей неизлечимой болезнью. После аншлюса Гитлер помог Блоху покинуть рейх.

Одно из наиболее известных «особых разрешений» фюрера распространялось на «белокурую бестию», на шефа уголовной и политической полиции рейха, обергруппенфюрера СС Р. Гейдриха, казнённого в 1942 г. участниками Сопротивления. В Галле, где он вырос, над ним насмеялись и дразнили Изей. Когда он проходил службу на флоте, то многие сослуживцы считали его евреем и называли не иначе, как «белокурым Моисеем». Уже после войны многие жители Галле были убеждены, что отец Р. Гейдриха, по профессии музыкант, был евреем. Полукровка Алиса Шабер, бравшая у него уроки музыки, рассказывала: «Мы все знали, что он еврей, да и выглядел он как типичный еврей». В музыкальном справочнике за 1916 год есть упоминание об отце Гейдриха – Бруно Гейдрихе; после фамилии музыканта в скобках указано: eigentlich Süß (собственно, Зюс). Адмирал Канарис, шеф Абвера, собрал огромное досье на Гейдриха, где, в том числе упоминалось и его еврейское происхождение. Канарис грозился предать эти факты огласке в случае вмешательства СС в дела Абвера.

Особые разрешения получали военные специалисты. Достаточно вспомнить полукровок, генерал-фельдмаршала Мильха и генерала Вильберга. Оба имели значительные заслуги в развитии военно-воздушных сил третьего рейха. Только благодаря стратегическим способностям Мильха немецким войскам удалось переломить ход Норвежской кампании 1940 года в свою пользу. В 1935 г. Вильберг сумел организовать обучение военных лётчиков вопреки условиям Версальского договора. В 1939 году Вильберг возглавил военно-воздушную академию Германии.

Разрешение на службу в Вермахте получали военнослужащие, имевшие

сильных покровителей в армии, которые могли бы за них похлопотать. В ряде случаев достаточно было знакомства в высших кругах, чтобы Гитлер объявлял того или иного полукровку «стопроцентным арийцем». Не секрет, что некоторые крупные чиновники брали взятки, причём в огромных размерах, только за то, чтобы прошение о службе в Вермахте попало на рассмотрение фюрера.

Гитлер придавал большое значение внешности ходатая. К каждому прошению следовало приложить фотографию заявителя (фас, профиль и полупрофиль). Если подаватель прошения был похож на еврея, то его просьба отклонялась.

Кстати о внешности. Гитлер пришёл в негодование, когда ему однажды представили немца, барона фон Либига, внешне очень похожего на еврея. Окружающие уверяли фюрера, что в жилах Либига не течёт ни капли «еврейской крови». Тем не менее, теоретики расовой теории обнаружили документ, из которого следовало, что один из предков Либига был в 1616 году женат на еврейке. Лётчик Галланд (немец) сбил в воздушных боях 103 самолёта противника. Гитлер крайне неохотно вручал ему Рыцарский Крест только потому, что тот имел еврейскую внешность.

Чтобы остаться в армии, полукровке следовало подать на имя фюрера следующие документы: заявление, биографию, справку о расовом статусе, перечень военных заслуг, заключение полиции о том, живы ли родители и прародители ходатая или нет, фотографию полукровки в трёх проекциях и характеристику от вышестоящего начальника. После 1944 г. следовало также приложить справку гауляйтера о политической благонадёжности заявителя. Далеко не каждое прошение о продолжении службы в армии удовлетворялось. Из огромного числа поданных заявлений положительный ответ получили лишь 10% полукровок и 60% обратившихся, у которых только один из прародителей был евреем.

Многие полукровки, получившие особое разрешение Гитлера, были обмануты в своих ожиданиях. Они надеялись, что это защитит не только их, но и их близких. На проверку оказалось, что служба в армии вовсе не гарантирует безопасность родственникам, оставшимся в тылу. Многие из них были депортированы в концлагеря и там погибли.

В 1943-44 годах полукровки продолжали писать прошения о службе в Вермахте. Эти люди не представляли себе, что ожидало бы их в случае победы Германии, во что они всё ещё верили.

После совершённого на Гитлера покушения из Вермахта были уволены десятки полукровок – высших офицеров, в том числе и генералы. Особые разрешения, выданные им прежде, были аннулированы. 26 октября 1944 г. вышло постановление об увольнении из армии всех штабных офицеров-

полукровок. В последние дни войны из Вермахта было уволено свыше 20 боевых генералов, доказавших Гитлеру свою лояльность и признанных им же чистокровными немцами. Военных увольняли, отправляли на пенсию, не указав причину увольнения. Быть уволенным из армии считалось позором. Люди не понимали, за что их увольняют. Они были растеряны, унижены и возмущены. Ведь до сих пор они, как правило, хорошо служили и ничем себя не скомпрометировали.

Судьба уволенных полукровок складывалась по-разному: одни вернулись домой и устроились на работу, другие попали в лагеря строительной организации Тодт, третьи шли в фольксштурм. А были и такие, которые после демобилизации оказывались в концентрационном лагере.

Что такое депортация, знали все. О том, что творилось в гетто и в концлагерях, знали немногие. Мы судим об этом по тем редким письмам, которые писали узники гетто и лагерей своим близким, а также по рассказам очевидцев, переживших ужасы Холокоста.

Немецкая еврейка Ида Клейн, депортированная в Польшу, писала в 1940 г. своему внуку Гансу Фалькенбергу о жизни в гетто Глуска, что под Люблином: «Безнадёжность делает человека глубоко несчастным. Ты страшно одинок, ты идёшь навстречу смерти. Если есть высшее начало, если есть Бог, то как он может допустить, чтобы здесь происходили такие ужасные вещи. Этим письмом я прощаюсь с тобой. Сердце моё истекает кровью. Ведь мир так хорош: стоит только кинуть взгляд на поля, на леса вокруг, на голубизну неба, на чудесный солнечный закат, как душа наполняется блаженством. И в то же время ты в плену грустных мыслей: всё это я должна оставить, не повидавшись со своими родными и близкими, должна погибнуть страшной смертью, чтобы пасть жертвой сумасбродной идеи». Внук думал, что бабушка преувеличивает. В 1942 г. в ответ на его письмо она пишет: «Никто из вас не может даже представить себе, какие зверства здесь происходят». После этого внук писем от бабушки больше не получал.

Упоминаемый в первой части повествования полукровка Д. Бергман работал в 1943 г. в Лодзи на фабрике по изготовлению резины. По дороге на работу он должен был ехать трамваем через еврейское гетто. Вот что он рассказал: «Я видел столько горя. В конце-концов я поступил, как все остальные: чтобы не видеть всего этого, я не смотрел в окно и закрывался газетой. Таким образом, я оказался соучастником заговора по замалчиванию преступного отношения к людям. И тем не менее, я не мог себе тогда представить, что ещё где-то систематически уничтожают евреев».

Некий Ф. Штайнвассер, у которого только один из дедушек был евреем, собственными глазами видел, как латышские эсэсовцы расстреляли группу евреев. Среди них были и грудные дети. Это было в районе Даугавпилса.

Обречённых раздели догола, загнали в ров и расстреляли. Он видел всё это, стоя на мосту через Даугаву, и подумал: «А ведь на их месте мог быть и мой дедушка». Оказалось, что пока Штайнвассер был на фронте, его дедушку депортировали в Терезиенштат, а брат погиб в Бухенвальде.

Еврей Х. Г. Леви служил штурманом в войсках СС. Служил, разумеется, по фальшивым документам. В минском гетто он потерял всю семью за исключением мамы, которая успела бежать в Швейцарию. Он знал об Освенциме и был информирован о газовых камерах. Он пояснил: «Я остался в СС, чтобы выжить. Что происходило с евреями в концлагерях, солдаты между собой не обсуждали. Если бы они узнали, что я еврей, они вздёрнули бы меня на первом же суку».

Уничтожение евреев совершалось строго секретно. Разглашение подобного рода фактов приравнивалось к измене родине. Трудно было предположить, что Холокост поставлен на индустриальные рельсы. Полную правду об уничтожении евреев мир узнал только после войны.

Читатель этих строк наверняка спросит, не принимали ли полукровки Вермахта участие в уничтожении евреев? Как правило – нет, не принимали. Но в семье не без урода. Вот только несколько примеров: правая рука Геринга, генерал-фельдмаршал Мильх, врал на Нюрнбергском процессе, что он будто бы ничего не знал о массовом уничтожении евреев. Это неправда. Он получал отчёты от одного врача из Дахау об опытах на людях и считал это «интересным». Он знал, что для работы на подземном авиазаводе ему будут переданы 100 000 венгерских евреев, изначально имевших направление в Освенцим. Он же распорядился каждого саботажника на вверенном ему заводе расстреливать на месте. В 1947г. американский трибунал приговорил Мильха за военные преступления к пожизненному заключению. В 1951 г. его дело было пересмотрено. При этом срок пребывания в тюрьме сокращен до 15 лет. В 1954 г. Мильх был освобождён по амнистии. Он дожил до восьмидесяти лет и умер в своей постели.

Ещё более отвратительна фигура врача еврейского происхождения Эппингера, проводившего бесчеловечные опыты на людях. В 1946 году он покончил с собой в ожидании суда.

К концу войны в Берлине осталось около 6000 евреев. Их было бы значительно больше, если бы не так называемые рейфферы (от немецкого *greifen* – брать, хватать), состоявших на службе у гестапо. Таких «рейфферов» в одном только Берлине было около 20. В чём заключалась их «работа»? Они должны были находить и передавать в руки гестапо евреев, перешедших на нелегальное положение. Им предоставлялось право арестовывать людей на улице и в общественных местах. Весь ужас состоял в том, что эти нелюди, продавшиеся за тридцать сребреников, были либо евреями, либо

полукровками. В обмен за свои «услуги» осведомители были освобождены от ношения звезды Давида, им было разрешено свободное передвижение по городу, посещение кино, театров и увеселительных заведений. В случае депортации их отправляли не в Освенцим, а в Терезиенштат. Подлость, как известно, национальности не имеет. Наиболее известной провокаторшей среди них была некая Стелла Гольдшлаг, известная больше как «белокурая отравка», которая вместе с мужем «сдала» гестапо несколько сот евреев. Это была молодая красивая белокурая женщина с голубыми глазами. После войны она была приговорена советскими органами правосудия к 10 годам тюремного заключения. Отбыв наказание, она оказалась в американской зоне, где её судили повторно. Приговор гласил: десять лет тюрьмы. Срок этот, увы, оказался символическим, т.к. она за то же преступление уже отсидела 10 лет. В 1994 г., семидесяти двух лет от роду, она покончила жизнь самоубийством. Все «грейферы» известны поимённо. Одних после войны судили, другие – исчезли в неизвестном направлении, третьи – покончили с собой. Один из провокаторов, некий Готтшалк, попал в 1944 г. в концлагерь Терезиенштат, где его опознали и устроили над ним самосуд: он был утоплен в ведре с дезинфицирующей жидкостью. Все осуждённые в своём заключительном слове говорили: «Мы выполняли эту грязную работу, чтобы выжить». Стремление «выжить» свойственно каждому живому существу, в том числе человеку. Главное – цена, которую он за это готов заплатить...

Послесловие

Май сорок пятого. Конец войне. Народы Европы, избавившись от гитлеризма, могли, наконец, свободно вздохнуть. Правда, впереди были ещё лагерь для интернированных, Нюрнбергский процесс, радостное и не очень радостное возвращение домой.

Участь полукровок после войны также не была безоблачной. Общество продолжало относиться к ним с недоверием. Свою ущербность потомки от смешанных браков ощущали на себе не только в годы нацизма, но и в послевоенное время.

Ни русские, ни их союзники не могли взять в толк, как можно быть евреем и одновременно солдатом Вермахта. Захваченным в плен полукровкам долго приходилось объяснять, что такое «полуеврей», и в чём разница между «полуевреем и полуарийцем». Или, скажем, «четвертьеврей» – это как, хорошо или плохо? Когда бывший солдат Вермахта, полукровка К. Кайзер, пытался рассказать русскому особисту о своём происхождении, тот, потеряв терпение, пристрелил его. Лица еврейского происхождения,

служившие в Вермахте, никаких симпатий после войны и у соплеменников не вызывали. Некий Г. Калах шёл после допроса домой (союзники отпустили его) и встретил группу евреев, освободившихся из концлагеря. Он представился евреем. Так как он был в форме солдата Вермахта, его зверски избили.

А вот что поведал полукровка Х. Коп: «Я вынужден был служить в Вермахте. Теперь мои родственники называют меня еврейским нацистом». Его тётя, выехавшая в Израиль, сказала: «Лучше бы ты погиб в концлагере, чем служил в Вермахте». Он же захотел после войны уехать в Южную Америку и обратился по этому поводу к раввину (у того были связи в Колумбии). Когда Коп рассказал ему о своей службе в Вермахте, тот возмутился: «Ты, наверное, принимал участие в уничтожении евреев?» – «Это неправда, – сказал Коп, – как вы можете себе такое представить?» Тем не менее, раввин отказал ему в помощи.

«Арийцы», которые ещё совсем недавно не хотели знаться со своими родственниками – полукровками, изменили после войны своё отношение к ним на 180 градусов. Они заискивали перед ними, просили прощения, признавались в своих ошибках. Некий Х. Пупе (полукровка) пишет по этому поводу: «Я ничего не забыл и ничего не простил. Боль от пережитого никогда не исчезнет. Я не могу ампутировать своё прошлое».

Часть полукровок стремилась после войны обнаружить свои еврейские корни. Они начали интересоваться еврейской религией, музыкой, литературой, некоторые переехали в Израиль. Бывший военнослужащий Вермахта, полукровка К. Майер хотел чем-то помочь вновь возродившемуся государству. В 1948 г. он принял участие в освободительной войне в должности майора 7-ой бригады израильской армии. «В Израиле я столкнулся с трудностями, – пишет Майер, – т.к. только отец мой был евреем. 12 лет меня считали евреем, а здесь я для них гой, потому что мама моя немка». Ему было разрешено воевать в израильской армии, он имел военный билет, но гражданином Израиля так и не был признан.

Полукровка Антон Д. хотел после войны войти в мангеймскую синагогу. Когда верующие узнали, что он служил в Вермахте, его оттуда вышвырнули.

Примеры эти можно множить и множить. Если прежде полукровки подвергались унижениям, дискриминации со стороны нацистов, то теперь – со стороны соплеменников. Чем они провинились? А виноваты они лишь в том, что один из их родителей был евреем или еврейкой. Так сложилось в Германии, что дети от смешанных браков осознавали себя скорее немцами, чем евреями. Ещё до прихода Гитлера к власти большинство из них приняло христианство. Они разделяли мнение большинства немцев о необходимости реванша за поражение в Первой мировой войне.

Полукровки наряду с другими гражданами Германии служили в Вермахте на законном основании. Постепенно их стали выдавливать оттуда. Служба в вооружённых силах позволяла полукровкам в ряде случаев защитить своих близких от депортации. Как ни парадоксально, но армия оказалась наиболее безопасным местом для полукровок; со стороны сослуживцев они, как правило, никакого антисемитизма не испытывали.

Лишь после войны мир узнал об Освенциме, о газовых камерах, и о массовом уничтожении евреев. И лишь тогда полукровки осознали, что в течение 12 лет они служили неправому делу, режиму преступников, ответственных за убийство миллионов людей.

История полукровок гитлеровской Германии – часть трагедии еврейского народа, разыгравшейся на территории Европы в первой половине XX века.

Литература: 1. Bryan Mark Rigg, *Hitlers Jüdische Soldaten*, Verlag Ferdinand Schöningh Paderborn, 2006, 439 S.

2. Beate Meyer und Hermann Simon, *Juden in Berlin 1938-1945*, 356 S., Philo Verlagsgesellschaft mbH, Berlin 2000

ЯКОВ
БЕРДИЧЕВСКИЙ

**О ЕВРЕЙСКОМ
ЭКСЛИБРИСЕ**

илл. 1, 26

Желание закрепить право собственности владельческим знаком на самых дорогих и близких душе и сердцу предметах возникло в глубокой древности.

А что может быть дороже и ближе книги – доброго, преданного друга, верного, неизменного советчика, постоянного спутника непрекращающейся, бесконечной эстафеты поколений?!

Уже на древнейших, дошедших до нас, манускриптах встречаются владельческие надписи, а с появлением книгопечатания возникают и специально изготовленные ярлыки с указанием имени владельца. Ярлыки эти принято называть экслибрисами, что в переводе с латинского означает «из книг» («Ex libris»).

Первым же экслибрисом (1503), по праву относящимся к памятникам еврейской культуры, является гравюра на дереве великого немецкого художника Альбрехта Дюрера для учёного и библиофила Виллибальда Пиркхеймера, чья четырёхтысячная библиотека была одной из наиболее значительных в Европе (илл.1).

В состав этого экслибриса включён известный афоризм «Начало премудрости – страх Божий» на трёх, к тому времени давно ставших классическими, языках – еврейском, греческом и латинском.

Обращение к еврейскому языку на экслибрисах XVI–XVII веков (впрочем, как и позднее) можно считать традиционным. Так, еврейские надписи встреча-

ются на экслибрисах Г. Пёмера (1525), И. Баумгартена (1530), И. Вагензайля (нач. XVIIв.) и др.

Первые экслибрисы на книгах российско-еврейских библиотек появляются значительно позже – на рубеже XVIII–XIX в.в., но они в большинстве своём были штемпелями или наборными шрифтовыми ярлыками.

Художественный же экслибрис, несущий определённую национальную окраску, возникает в России в минувшем веке. К нему обращаются признанные мастера графики. Среди необозримого моря экслибрисов видятся наиболее интересными и значимыми работы художников **С. Б. Юдовина** (1892-1954) – для исследователя еврейской старины С. Д. Шпиро (илл.2), для собственной библиотеки (илл.3,4), **Р. Менкицкого** (1887-1942) – для расстрелянного в львовском гетто, крупнейшего собирателя иудаики, создателя Еврейского музея при Еврейской общине Львова М. Гольдштейна (илл.5), **З. И. Горбовца** (1897-1979) – для историка и искусствоведа М. Р. Шульдинера-Садкова (илл.6), **Г. А. Кравцова** (1906-1981) – для известного кинорежиссёра Г. Р. Рошаля (илл.7), доктора технических наук, профессора И. А. Ковельмана (илл.8), еврейских писателей А. Ю. Гонтаря (илл.9), З. Е. Вендрова (илл.10), А. А. Вергелиса (илл.11), учёного-книговеда и библиографа И. М. Кауфмана (илл.12), **Ф. И. Кидера** (1938-2003) – для главного раввина Одессы и Юга Украины А. Вольфа (илл.13) и его брата – херсонского раввина Й.-И. Вольфа (илл.14).

К еврейской тематике в экслибрисе нередко обращались художники **Н. И. Альтман** (1889-1970) – для библиофила М. М. Персица (илл.15), **Г. И. Гидони** (1895-1937) – для журналиста и художественного критика А. И. Гидони (илл.16), **Б. Р. Криммер** (1903-?) – для искусствоведа и библиофила Ю. Б. Генса (илл.17 и 18), **Т. С. Цинберг** (1908-1077) – для доктора философии, публициста и историка еврейской литературы, погибшего в сталинских концлагерях С. Л. Цинберга (илл.19), **А. Л. Каплан** (1902-1980) – для собственной библиотеки (илл.20), **А. С. Мистецкий** (1910-1985) для собирателя иудаики и библиофила И.И.Шапиро (илл.21), **А. Н. Тычина** (1896-1987) – для искусствоведа А.Д. Палееса (илл.22), **Е. Н. Тиханович** (1911-2005) – для музейщика и библиофила Я. И. Бердичевского (илл. 23).

Ныне работают **К. Гирш** (р.1938) – экслибрисы для художника А. Л. Каплана (илл.24) и искусствоведа М. Д. Фишелева (илл.25), **Ю. К. Люкшин** (р.1949) – для библиофила и собирателя графики В. М. Халифа (илл.26), **Н. Ченчикова** – для коллекционера, экслибрисиста Б. Я. Левыха (илл.27) и др.

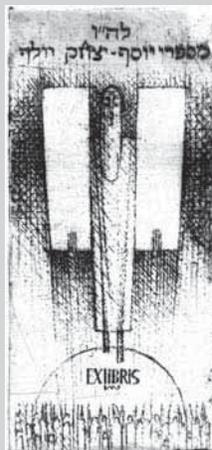
Илл. 7, 9

Илл. 8, 11, 10

илл. 12

илл. 16, 14, 13

илл. 19, 22, 21

илл. 18, 10, 17

יצחק
А. Калманов

Ex libris
М. Фашенел.

ИЛЛ. 28, 25, 15

ИЛЛ. 27, 23

МИХАИЛ ГОРДИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ

Последние дни апреля 1967 года. Неделя до начала «Шестидневной Войны». С Тель-авивского аэродрома взлетает самолёт. На борту Леви Эшколь – глава израильского правительства и Ицхак Рабин, недавно назначенный главой Генштаба. Леви Эшколь, занимающий также пост министра обороны, и Ицхак Рабин летят на инструктаж в Южный военный округ.

Шум моторов – подходящий повод для молчания. Обоим есть о чём подумать. «Русские» толкают своих арабских сателлитов к войне. Уже закрыты для израильских кораблей Тиранские проливы, уже изгнаны из Синая разделительные войска ООН и введена вместо них египетская армия, уже заключены наступательные соглашения с Сирией, уже пресса арабских стран, не скрывая намерений своих правительств, призывает очистить от скверны «священные арабские земли», уничтожить евреев, скинуть их в море.

Сдержанный, вдумчивый Леви Эшколь вздыхает. Выхода нет. Нужно начинать первыми. Ещё месяц такого напряжения, и без всякой войны Израилю грозит экономический коллапс. Тотальная мобилизация парализовала всю страну. Тяжело на душе и у Рабина. Он главнокомандующий, на нём основной груз ответственности за то, что должно произойти. У будущего противника под ружьем миллион солдат, всё население Израиля тогда составляло два с четвертью миллиона. Соотношение в танках и авиации более чем 3:1 в пользу противника. Удастся ли устоять перед такими силами?

На собрании командования округа Ицхак Рабин представляет план, одобренный правительством: бронетанковая дивизия генерала Таля нанесёт удар по направлению Эль-Ариш, остальные войска станут в глухую оборону. Их задача – как бы ни развернулись события, не пропустить египтян к центру страны. Главная цель плана – продержаться до тех пор, пока в события не вмешается Совет Безопасности ООН. Тогда конфликт будет,

по мнению правительства, решаться за столом переговоров и тем самым грядущая катастрофа может быть предотвращена.

Когда Рабин закончил, слова попросил генерал Шарон. Его выступление было коротким. Он заявил, что стоять в обороне, отдав инициативу противнику – это преступление. «Цахал» (Армия Обороны Израиля) способен одним непрерывным ударом разгромить египтян, занять Синайский полуостров и самим, без вмешательства ООН, решить проблемы с зарвавшимися «соседями». Его слова были встречены тягучим молчанием. Никто не проронил ни слова. Глава правительства закрыл совещание и отпустил всех, кроме Шарона. За «безответственное» выступление он отчитал боевого генерала, как мальчишку.

На обратном пути Эшколь и Рабин не говорили. Оба думали о дерзких словах Шарона. Дело в том, что в прошлом свои самые необычные предложения Шарон проводил в жизнь.

До 1953 израильской армии не удавалось предотвращать нападения террористов, не удавались и ответные операции против бандитских баз в Иордании и в Газе. Именно Шарон, тогда ещё молодой офицер, предложил совершенно новый метод войны с террором и воплотил его в жизнь. Созданное им подразделение «101», стало прообразом последующих спецподразделений в израильской армии. Шарон создал новую концепцию действий пехоты. В 1954 Шарон превратил батальон парашютистов в самое эффективное пехотное подразделение. Решением генштаба этот батальон был развёрнут в целый полк. И уже в 1956 году, во время «Синайской Операции», выяснилось, что парашютисты – главная ударная сила израильской армии. Взятие перевала Митгле казалось дерзкой, невыполнимой задачей, но именно эта операция решила судьбу всей войны. Все армии мира поторопились тогда подражать Шарону. В Советском Союзе, например, при каждой общевойсковой армии был создан батальон спецназа. Последние восемь лет строптивного непонятного Шарона «мариновали» в учебном отделе – не давали ему командования над боевыми частями. Но за эти годы Шарон обучил своим методам войны все остальные рода войск. Только недавно Шарон получил генеральское звание, многие из его ровесников обогнали его в военной карьере. Но разве звания помогают найти верные решения на поле боя? А может быть прав именно Шарон?

Спустя несколько дней, на совещании в генштабе Ариэль Шарон опять предложит всеми силами атаковать египтян. На этот раз отношение к словам Шарона будет иным. В зале – Моше Даян. И всем присутствующим известно, что под мощным давлением оппозиции и общественного мнения он будет назначен министром обороны. Даян одобряюще кивает Шарону, и все понимают, куда подул ветер. Даяну, чтобы закрепиться на высоком

посту, нужна убедительная победа в грядущей войне. Даян знает цену Шарону. Он считает его лучшим боевым командиром. После совещания Даян задаёт Шарону только один вопрос: «А что с Абу-Агейла?»

Абу-Агейла – неприступная крепость на подступе к Синаю. Без взятия Абу-Агейлы прорыв в Синай невозможен. Поэтому «русские» оборудовали Абу-Агейлу по самому последнему слову военной науки. Три ряда траншей с дотами и капонирами, подкреплёнными зарытыми в землю танками, артиллерийский заслон, минные поля – делают совершенно невозможной атаку позиции с фронта, а гранитные скалы – с Юга, и зыбучие пески с Севера охраняют фланги.

Шарон отвечает Даяну коротко: «Абу-Агейлу» я беру на себя».

Назавтра должна состояться официальная церемония назначения Даяна военным министром, но у Даяна есть дело поважнее. Он летит в штаб дивизии Шарона, он должен видеть план взятия Абу-Агейлы. Теоретически, для атаки на такую укреплённую позицию требуется минимум 3-4 дивизии, предполагаемые потери при наступлении огромны. Таких сил в распоряжении Даяна нет. Найдёт ли Шарон подходящее решение этой задачи? Для Даяна это центральный вопрос. Шарон предлагает план взятия Абу-Агейлы ночью, силами своей дивизии, при поддержке десантников. План очень сложный. Добиться координации изолированных друг от друга частей различных родов войск, действующих в темноте с четырёх различных направлений? Такого не было ещё в военной истории. Но Шарон справлялся в прошлом с задачами, казавшимися фантастическими. Даян даёт согласие на проведение операции.

Спешно меняются планы всей войны.

5-го мая ВВС Израиля уничтожает авиацию противника. На суше ведутся затяжные бои. Только к вечеру начнётся главная сухопутная операция – атака на Абу-Агейла-Ум-катеф.

Даже днём атакующие части могут оказаться под огнём своей же артиллерии и авиации. При разгроме Франции, в 1940, более трети потерь немцам нанесли собственные средства поддержки. Ночью эта опасность ещё более увеличивается, добавляется трудность ориентации на местности. Шарон решил эти две проблемы с гениальной простотой. Десантникам перед наступлением раздали электрические фонари, покрашенные красной, синей и зелёной краской. Мелькание этих цветов в каждой из трёх траншей должно ориентировать идущие на прорыв израильские танки.

Уже в три часа ночи второго дня войны Шарон сообщает командованию о том, что дорога в Синай открыта. К середине дня заканчивается зачистка всего укрепрайона. Операция, проведённая Шароном, войдёт в учебники по стратегии, его имя станет нарицательным в штабах многих

армий. У израильтян погибло 32 человека, потери египтян – больше тысячи – небывалое соотношение для атаки на укрепленную оборонительную позицию. После взятия Абу-Агейлы создаётся угроза египетским частям, обороняющимся в Синае: следует приказ отходить. Отход превращается в повальное бегство. Только две дивизии противника отступают, сохраняя боевую готовность. Шарон получает новую цель. Пока его солдат поднимают по сигналу тревоги, вырывает план танковой засады. Пять часов длится обстрел головной колонны египтян, попавших в западню, хвост колонны атакуют танковые батальоны израильтян. К концу боя вся местность представляет собой фантастическое зрелище – горящие танки и автомобили, тысячи убитых египетских солдат. Уцелевших гонят к Каналу – огромное количество пленных некому охранять.

Во время войны штаб Шарона сопровождает корреспондентка армейского журнала Йаэль Даян, дочь министра обороны. Из всех действующих частей она выбирает дивизию Шарона – она уверена, что именно там, где находится Шарон, решится судьба войны. Она не ошибётся в своём выборе. После войны она напишет книгу, в которой передаст свои впечатления. Она напишет, как её поразила харизма Шарона, поразило влияние, которое оказывал на всех его спокойный, холодный голос в радиосети. Таким я представляю себе «настоящего» полководца – напишет дочь Моше Даяна в своей книге.

После Шестидневной Войны имя Шарона становится широко известным в Израиле и за его пределами. Он купается в лучах заслуженной славы, но как-то остаётся почти незаметным, что в армии он всё ещё на старом посту – в отделе обучения. Даян закрепляется на посту министра обороны. Ицхак Рабин делает феноменальную карьеру, становится главой правительства. От Шарона пытаются избавиться и удалить из армии уже в 1969 году. Но, к счастью для Израиля, эта попытка срывается и Шарону удаётся спасти свою страну ещё раз, в 1973 году, в «Войне Судного Дня».

АЛЕСЬ ЭРОТИЧ

ОНИ*(Письмо Мартину)*

Помнишь, ты сказал, что прошлое никогда не принадлежит только одному человеку, оно коллективно, и воспоминание – это тоже часть жизни. Мы все объединены одним взглядом на историю, как на личный опыт. Иногда я испытываю зов пройтись по закоулкам памяти, а если удастся – то и подсознания, почувствовать астральный полёт души.

Ты знаешь, парадоксально, но многое из недавнего прошлого уже не помнится, а вот эпизоды детства видятся до мельчайших подробностей. Вероятно, посредством памяти осуществляется органическая связь между прошлым и настоящим в жизни человека, достигается целостность личного «я». Память – это эстафетная палочка, она сама по себе является инструментом. Некоторые воспоминания детства с годами не теряют аромата реальности.

Я перестал верить во время, в целостность его ткани. Время, как ритм.

Время умирает и оживает тогда, когда хочется ему.

Я постоянно ощущаю живой след прошлого в своём бытии. Вижу время в пространстве, и чувствую, что время и пространство – категории единой вечности.

Некоторые люди живут в настоящем, некоторые в прошлом, некоторые в будущем.

Я живу во всех трёх измерениях одновременно.

Иногда достаю пачку пожелтевших фотографий – тех, что привёз с собой в эмиграцию. Если долго вглядываться в лица людей, запечатлённых там, то можно увидеть, как оживают глаза под соломенными шляпами, теплеют тела под старомодными кофтами и пиджаками, улыбки затрагивают губы, слышатся их голоса, которые с каждым годом становятся всё тише... вот ещё одна трещинка из прошлого проросла в настоящее и тянется в будущее... они были...

Я храню небольшие вещи, принадлежащие им – кольца, броши, заколки для волос. Вещи эти помнят тысячекратное прикосновение рук и заряжены их энергией, как аккумуляторы. Консервный нож памяти вскрывает веч-

ность, душа уносится за огненную заводь земных снов, из тумана воспоминаний внезапно выплывают фрагменты-острова, они возникают всегда почему-то в обратном порядке – от частного к общему. Частности лепятся друг к другу, и из них постепенно образуется картина давно минувшего, милого сердцу сновидения, происходившего на других берегах...

Из небытия появляются люди. Мучительно роаясь в захламленных уголках памяти, я отыскиваю **их имена**... гаснущее небо с облаками, съедающими солнце,.. тихая улочка,.. бревенчатые хаты, утопающие в вишнёвых садах и исчезнувшие ещё до того, как не стало их фотографа. Сегодня на этом месте между безликих бетонных коробок ревут потоки машин. И это внезапное исчезновение домов, улицы, города моего детства вызвало куда больший шок, чем эмиграция. *Но это было...*

Был сад со свечками, неугомонными тружениками тёмных аллей.

Был большой дом, где жили четверо взрослых и один ребёнок, дом с пугающим зевом погребца, из которого всегда тянуло холодом, с манящим чердаком, где в соломенной трухе можно было откопать старинные вещицы. Дом, где душа без подсказки переобувалась в домашние тапочки, где в окнах застряли обрывки снов.

Часто цепляюсь взглядом за эту улицу и этот дом. Зачем? Видимо, чтобы удержаться в хаосе будней. Ведь в том доме осталась простота и наивность жизни, бесшабашность и дружелюбие родных лиц, в этом доме я испытал кризис познания – узнал о том, что не вечен в этом мире...

Я и сейчас чувствую тепло его печи, запахи варящейся картошки, золы, смешанные с людским запахом. И запах этот для меня лучше, чем аромат изысканных духов.

Иногда мне кажется, что я так и не проснулся от детства.

Там были железные кровати с блестящими шарами и горами пуховых подушек, *где они* занимались бесхитростными ласками, были огромные оранжевые абажуры с бахромой, были старинные шкафы ручной работы, пропахшие нафталином, полки с книгами классиков, большой кухонный стол с тяжёлыми самодельными табуретками вокруг, массивный дверной косяк с ежегодными зарубками моего роста... *это было...*

Молчание ночи так глубоко, что я слышу тембры своих мыслей, и тогда силой своей воли привычно останавливаю течение времени, сортирую годы, события, лица, просматриваю топографию чужих жизней... *Вот они, – те, кто были перед нами...*

Сейчас, в этот момент, я чувствую, что **они здесь**, вижу **их** фигуры, закутанные в тени, заколдованную мимику лиц, вижу свет, исходящий **от них**. **Они** смотрят через плечо на то, что я пишу, рассеивая сумерки напряжёнными взглядами, заглядывают в лицо.

Ты спрашиваешь, почему я так часто вспоминаю о них? Может быть, для того, чтобы попросить **их** дать мне возможность появиться на свет заново, начать всё с белого листа, самому выбрать себе имя, характер, ментальность. Вернуться в тот временной отрезок, в котором ничего ещё не произошло. Вернуться, долюбить, доказать, досказать... добавить. Передать **им**, что ничего не забыл. Ведь они пришли и ушли из моей жизни, как поезда...

Начать писать свою биографию по законам ещё не стёртых истин, поиному выбирать друзей, не делать ненужных поступков, не произносить ненужных фраз, извиниться, измениться, исправиться... простить...

Они были... были... были.

Вот маленькая фотография 1955 года.

Я часто смотрю на неё, словно пытаюсь открыть что-то новое. Это как обнаружить новые ходы при аранжировке любимой песни.

У стен свежесрубленной избы, утопая в море цветущей картошки, стоит группа худых, скуластых мужиков в кепках, с большими натруженными руками. Бывшие партизаны, все из одного отряда. Среди **них** аристократами смотрятся отец и мать. «Немауляці» (младенец) на коленях у матери – это я. Картошка в Белоруссии цветёт в июле, значит мне два месяца.

Отец, как обычно, в белом френче. Откуда у него было это пристрастие к френчам, понять не могу. Был он всего-то рядовым штрафбата, и то пару месяцев в конце войны. Видимо, это был какой-то комплекс. Носил белые и цвета хаки френчи, такие, как у Сталина. Вождя всех народов не ругал никогда. Тридцать седьмой год вспоминал часто, свой «Гулаг» тоже вспоминал, но с именем Сталина это не связывал...

Винт его судьбы скрипел ржавой резьбой, жизнь состояла из острых углов. Мальчишкой он видел тяжёлую поступь полков Людендорфа по улицам Минска, затем конфедератки Пилсудского, им на смену – будёновки Тухачевского. Рассказывал, как в тридцатых, они, штангисты и боксёры из спортобщества ОСОВИАХИМа, однажды на танцах отлупили молодых энкаведистов. После чего, от греха подальше, подался на Азовское море, в Таганрог, ещё застал там казаков в башлыках, с их характерным говором.

Вернулся в Минск накануне войны... и тут встретил танки Гудериана. Загремел в немецкий концлагерь, где однажды долговязый, рябой мужик, глядя ему в глаза, сказал: «Чёй-то рожа твоя мне не нравится, паря. Уж не жидок ли ты часом? Вот завтра скажу, кому надо, глядишь, пайку мне и увеличат...» Но завтра для рябого уже не наступило. Отец имел телосложение римского легионера, носил пианино на спине, гнул пятаки пальцами...

Потом были ужасы оккупации, опять приход русской армии, третьей русской армии в его жизни.

Маниакально – активный капитан СМЕРШа на допросе кричал:

– Почему, оставшись на оккупированной территории, вы работали на врага?

– Все должны были где-то работать, иначе – лагерь.

– Вы должны были лучше застрелиться, чем работать на врагов Родины и Сталина!

Отец ничего не сказал в ответ, понимал, бесполезно.

Впереди у него был штрафбат и ГУЛАГ.

За него скажу я.

Во имя чего он должен был оборвать свою жизнь? Во имя некоей территории земли, именуемой громким словом «Родина»? Во имя общественно – политического строя той страны, ценности которого сегодня осмеяны и презираемы потомками? Или во имя руководителя этого строя, прихоти ради приказавшего взять Берлин именно к 1 Мая, заплатив за это десятками тысяч жизней?

Ради всего этого он должен был окончить свою жизнь, не сотворив меня?..

Тогда отец казался мне рядовым бесцветным человеком, живущим в мире чёрно – белого кино, **как и все они**. Скромно одевался, скромно вёл себя, делал всё, как положено. Писал поздравления на все красные праздники родственникам, хвалил Брежнева, над которым все мы смеялись. Но только теперь я понял, что ему было с чем сравнивать, он жил в другой системе координат, мерял другими мерками, владел системой первичных знаков бытия, её базовыми ценностями, мимо которых мы, сегодняшние, пролетаем.

Только теперь я осознаю, что он был человеком блестящей жизненной тактики, позволившей ему пережить две войны, бандитов, тридцать седьмой год, два лагеря...

Мать.

У неё был ясный и спокойный в своей благородной скорби взгляд.

Иногда я чувствую знакомый запах её духов.

Так пахла та далёкая жизнь, так пахнет твоё прошлое...

Молодость моего и твоего сына приходится на противостояние «Библия – Коран».

Моя молодость пришлась на противостояние «СССР – США».

Её молодость – «Сталин – Гитлер».

Меня всегда удивляло, почему некоторые её фотографии датированы 1942-43 годами.

Годы оккупации. На них она изображена с группой ровесниц. Озорные, весёлые, нарядные, с цветами. Почему эти фотографии сделаны на немецкой фотобумаге? Те, что сделаны в ателье, это понятно. Но на природе! У

кого из местных жителей тогда вообще мог быть фотоаппарат. И вопрос всех вопросов. Как могла она, обладательница смуглой кожи и чёрных, вьющихся волос, избежать гетто? Знаменитого минского гетто... Помню, как рассказывала, что её, схватив на улице в подозрении на «скрывающуюся жидовку» люди из «Hiwi» - «Hilfswilliger» привели в СД, но вскоре отпустили. Что-то здесь не то. И означало это только одно. Что у неё был всесильный покровитель. Немец.

Василий Гроссман в своей книге «Жизнь и судьба» пишет, что в Сталинграде у всех, не только у офицеров, но и у простых немецких солдат были русские женщины. Вот она, правда войны! В своё время Гиммлер пытался наладить производство секс-кукол для солдат на Восточном фронте. Из этого ничего не вышло, и он вернулся к традиционной идее борделей. Он был в шоке, когда на совещании военных юристов в мае 1943 года узнал, что почти каждый командир войск СС имеет связь с полькой или с какой-нибудь другой женщиной на Восточном фронте. Но поделаться с этим ничего не мог. В конце концов, на связь арийцев со славянскими женщинами махнули рукой и думали лишь об одном, как снабдить войска достаточным количеством противозачаточных средств.

А военнотружущих Вермахта обслуживали фронтотые борделит. Отсутствие же этого в советской армии привело к тому, что насилотались не только миллиотны немотк и полек, включая 70 – 80-ти летних, но и советские женщины, освобождённые из фашистских концлагерей.

Недавно в Берлине встретились дети военнотружущих Вермахта из нескольких стран Европы. Дети разных народов создали «Бюро детей войны». В Дании – тысячи таких детей, в Норвегии ещё больше, в Бельгии десятки тысяч, больше всего в Голландии – пятьдесят тысяч. Как ни странно, существует и цифра детей Вермахта из оккупированного СССР. Полтора миллиона. Ни одна из женщин не могла тогда признаться что отец её ребёнка немец. Аборты были запрещены. Один из моих родственников, родившийся в Минске в 1944 году, имеет арийский профиль и харизматический нрав. Откуда это, при его курносых, тихих родителях...

Что двигало немцами, это понятно. Может быть, это моя первая и последняя женщина... Часто так оно и было. Но что двигало нашими красавицами, комсомолками?

Представь, кем были эти пришельцы для семнадцатилетней девушки, попавшей в большой город из глухого белорусского хутора. Ни отца, ни матери в живых уже не было, сёстры вывели её в «свет». На фотографии тех лет она задорная, полногрудая, яркая, как весенний цветок, заявляющий миру – вот я появился на свет. Встречайте меня, дайте тот кусочек счастья, который мне принадлежит!

Пришельцы стали для неё воплощением рекламных красавцев с плакатов ОСОВИАХИМа тридцатых годов. Тех белокурых, голубоглазых, статных и жизнерадостных атлетов в красивой униформе, которых страна посылала «штурмовать далёко море». Немцы были предвещены этими плакатами, они были пришельцами с другой планеты, носителями другой культуры, галантными кавалерами, дарившими цветы и шоколад. Местные, неотёсанные заморыши выглядели неандертальцами на их фоне, да и тех было мало. Вот песня тех лет: «Девушки, война дошла аж до Урала, ах девушки, что, молодость пропала?»

Три года оккупации.

Что думали они, молодые девчонки, на что надеялись? Фронт далеко. Судьба Москвы неизвестна. Часто видели смерть, иногда – ежедневно. А рядом... Вот он мужчина моей мечты, самец сильного народа, покоровшего наш народ. Он защитит, за ним, как за стеной, у него всегда есть продукты, карточки. А вдруг повезёт, полюбит и заберёт к себе, в великую Германию...

Ты спрашиваешь, верили ли в идеалы коммунизма, партии, Родины? Не больше, чем те, кто в перестройку, выбросив партбилеты, торговал этой самой Родиной на развес.

Станет ли кто-нибудь их осуждать? Не осуждали и тогда. Даже головы не брили, как делали это после войны в Польше и во Франции.

О войне мать вспоминала мало. Война перешла для неё в ту изменчивую, наполовину вымышленную реальность, которую каждый создаёт себе сам. Мне, например, кажется, что и я был на фронте, в партизанском отряде, в концлагере. Мать интуитивно выработала правило – вспоминать о войне гомеопатически малыми дозами, иногда лишь для того, чтобы дымка ретроспективы оттеняла сегодняшний день. Миф о войне для неё разрушился благодаря индивидуальности человеческого восприятия. В отличие от фронтовиков и партизан, война потеряла для неё ореол мифа, слетели штампы. Война превратилась в то, чем, по сути, и являлась – в ужас. Бесконечные вызовы смерти вместе с сумасшедшими восторгами спасения. Жизнь была одна на всех, а смерть у каждого была своя. Правил принцип: «Ты умрёшь сегодня, а я умру завтра». Но каждый хотел выжить...

После войны она ожила. Стала учиться, занималась спортом. Входила в сборную Белоруссии по лыжам. Носила широкополую фетровую шляпу, вуаль на пол-лица. По-прежнему любила фотографироваться с подругами. Искала, охотилась за своей «половиной», предназначенной Богом. В её фотоальбоме остались фотографии каких-то мужчин в мятых двубортных костюмах, лощёных офицеров... конец сороковых, начало пятидесятых. Видно, не судьба ей была...

Но не сдавалась, десять лет боролась, пока не встретила крепко скроенного блондина в телогрейке и сапогах, но с благородным лицом аристократа. По бериевской амнистии он недавно вышел из лагеря... Это была она, та самая «половина».

«И станут двое как одна плоть...»

Дядя Лёня.

Благодаря ему, рассказы о войне я стал слушать раньше, чем сказки.

Лицо, как скомканный бумажный лист, маска с губчатым, лиловым носом.

Вяжущий взгляд, борозды морщин, колко – жёлтая стерня проволочных волос. Язык – сорокаградусная настойка мата. Слова он резал яркой и трескучей сваркой, они стыли, каменели в памяти. Помню, я любил в детстве вместо игрушек играть его орденами и медалями. У отца их не было.

Ему – контуженному, нельзя было пить. Но он иногда пил запоями.

Вижу его сидящим у печи. Память в зимние, долгие вечера возвращалась к нему перекрученным жгутом тревоги и отчаяния. Он сидел и вонзал в вязкую темень за окном свои бесконечные вопросы. Из его описаний рождалась совершенно иная правда о войне. Как она отличалась от книжных и киношных штампов!

Наполняя свои рассказы неистовым исступлением и косноязычной бессвязной речью, он старался выплакать, облегчить непреходящую душевную боль...

Хлеб делали из трав, коры и опилок, самогон гнали из лосиного навоза, он служил ещё и наркозом, когда отпиливали конечности ножовкой, ничего другого в лесу не было. Грабили деревни, воевали друг с другом, женщин в отряде пускали по кругу...

Немцев не боялись, разучились бояться.

Те в лес не совались, это была не их тактика. Только когда фронт уже приблизился, стали направлять для борьбы с партизанами регулярные воинские части. Против партизан Витебщины в 1943 году воевала целая армия выходцев из России. И это не была армия Власова. Эти не боялись ничего, могли глухой зимней ночью внезапно атаковать партизанскую базу...

Дядя Жора.

Монументальный, как айсберг. Он воевал ещё вместе с Чан Кай-Ши против японцев.

Тяжёлая, будто камень, голова, пудовая сила в лице, васильковые проталины глаз. Взгляд без напряжения. Человек, который умел переводить оптимизм в разряд реализма. На полках его эмоций лень перебирала не спеша обрывки мыслей. На рыбалке он мог сидеть часами без движения, казалось, его тело представляло оболочку, хозяин которой отлучился по делам. Был

немногословен, словарный запас обитал у него глубоко внутри. Он излучал тотальный позитив, кредит его самообладания никогда не иссякал. Любил выступать по школам, нацепив всю свою огромную коллекцию орденов и медалей. Назидательно учил меня любить Родину, он – человек, на сто процентов вписавшийся в её прокрустово ложе.

Я тогда заряжался его негромкой правотой, от которой на душе становилось легко и спокойно. Всё хотелось постичь секрет того золотого сечения, которое позволяло ему ходить по штормам житейского моря, как посуху. Где взять такую же закваску, которой ты был наделён с лихвой...

Как не хватает твоего быстрокрылого штурмовика, дядя Жора, на эту свору, грызущуюся из-за места у краника на трубе с нефтью, в разграбленной ими стране.

Помнишь, сколько мы с тобой тарани и сулы на Азовском море перетаскали!

Прости, я так и не вписался в твою систему, дядя Жора, и теперь ловлю сулу в Шпрее, только называют её здесь Zander. Ты ведь не обижаешься на меня, старый рыбак?

Знаешь, Мартин, я заметил, что многие из тех, кто вообще не знал войны, к вечеру своей жизни становятся жёстче. А они мягчели. Особенно матёрые фронтовики. Люди, вскрывавшие после боя консервы штыками в крови, были мягки и добры к концу жизни.

Ты знаешь, **они** жили бедно, но легко и просто. Почему?

Знали цену истинных страданий, после которых всё было легко. Не знали о своей бедности, все вокруг так жили, легко проходили через корявую истину сонных хрущёвских будней. Хотя и были распяты между грубым бытом и тотальной идеологией, жертвами себя не считали. Была крыша над головой, на улицах не стреляли, было что надеть и что поесть.

Никогда не критиковали власть. Отмечали все её красные дни календаря, радовались и напивались. Книг читали мало, в основном русскую классику. Книгой книг была сталинская «Книга о вкусной и здоровой пище».

Национальная рознь если и была, то в лёгкой форме, не такая, как сейчас. Напоминаю, речь идёт о Минске 50-х – 60-х годов.

Разводов в их среде не было, жили вместе до самой смерти. Вместе выжить было легче, и это представление о правилах выживания вошло и мне в кровь.

Никогда не были за границей, не учили и не знали иностранных языков, так слегка, польский и идиш. Хотя нет, вру, некоторые знали пару десятков слов по-немецки типа: «Хенде хох». Только мать говорила по-немецки бегло. Между тем, сами того не зная, употребляли огромное количество немецких слов, являющихся составной частью белорусского языка – дах, шпіталь, фарба, цукар, цэгла, ганак, цэбар, швагер и других.

Между собой общались на «трасянке» – смеси белорусского и русского. Баня – это отдельная песня, без бани серьёзный разговор не вытанцовывается.

Мылись в банях, где у всех было одинаковое мыло – серое, одинаковые железные тазики-шайки, одинаковые белые полотенца и одинаковые берёзовые веники, с которыми шли по улице, засунув их под мышку. Раз мать взяла меня, пятилетнего, с собой в женское отделение. Многоголосый гул, висящий в парном, туманном воздухе, многозвучный плеск воды вокруг, жестяное бряканье шаек о камень множественных, длинных скамеек. Очередь у двух кранов с большими деревянными ручками.

Помню толстых тёток с огромными сиськами, в рейтузах до колена, в длинных белых комбинациях, некоторые пристёгивали чулки к трусам, колготок тогда не знали...

– Зачем взяла такого большого с собой, он всё понимает!

В мужском отделении помню мужиков без одной руки или ноги, все в чёрных трусах до колена и белых майках под названием «соколка». Помню, я боялся парилок, выдержать больше одной минуты там не мог, всё удивлялся, как эти голые мужики в фетровых шляпах сидят там целый час и лупят друг друга вениками...

Мужчины должны были стричься под «канадку», а женщины – носить длинные до пояса волосы, которые заплетали в косы, укладывали в венки на голове, как сейчас у украинского премьера Юлии Тимошенко. Летом варили варенье в больших медных тазах из малины, которую собирали сами в лесу, сушили грибы и ягоды. Зимой квасили капусту в больших дубовых бочках, в таких же ставили и солёные огурцы. К слову, всего этого навалом и здесь, в Германии, но по вкусу – уступает. То ли бочки у немцев не те, то ли вкусовые ощущения детства другие. На праздники варили холодец, который получался молочно-белым, в нём было много чеснока. Сами делали колбасу, которая называлась «пальцем пханаля». Германия – родина колбасы, но равной той, памятной с детства, я ещё не встречал. На пасху пекли калачи, огромной, невероятной высоты. Разнообразием кухня не отличалась, главой её всегда была картошка, правда в большом выборе: от драников до неизвестных в России «цеппелинов».

На застольях пели под гармонь «Вот кто-то с горочки спустился», «Чаму ж мне не пець», «Бывайце здаровы, жывіце багата». Танцевали вальс и танго. Крутили пластинки с песнями Шульженко и Утёсова, западных песен вообще не было. Покупали один телевизор, один холодильник, один набор мебели на всю жизнь. На стенах висели картины, выполненные на стекле маслом, с белыми лебедями на чёрной воде, репродукции картин Шишкина «Утро в сосновом лесу» и Крамского «Незнакомка».

Порнографию знали, помню, видел у мужиков чёрно-белые фотографии, некоторые раскрашенные анилиновыми красителями, некоторые с классических картин типа «Данаи» Рембрандта. Когда брат, моряк, в конце 70-х привёз первый «Playboy» – они были в шоке. Но слово «порно» не знали, а уж тем более «софт-порно», «хард-порно», «группен-секс». Сейчас, когда я пишу эти строки, в Германии заведены дела на 12 тысяч любителей детской порнографии, и это не шокирует общество. А **они бы** никак не втемяшили, что можно с пятилетними детьми делать. Увидали бы **они** «нормальный» сегодняшний порножурнал, где какая-нибудь лихая тётя «трахается» сразу с пятью партнёрами, просто не поняли бы, зачем. Собственно и слова такого «трахаться» не знали. Даже определения «голубой» не знали. Как и «гей, трансвестит, транссексуал, фетишист, минет, тёлка». Не знали никаких там «травка, кайф, хохана, стафф, наркота, экстази, передозировка, наркодиллер, ширнуться, двигаться по вене...»

А заодно, и слов «стресс», «депрессия» с добавлением «перманентная» или «подростковая». Не знали так же слова «эмансипация», и жили соответственно. Вот почему у нас были добрые и любящие матери и бабушки. **Им** повезло, **они** не были знакомы с этим словесным бредом, способным расстроить умственную ориентацию нормального человека. В **их** головы не намело этого мусора современной цивилизации...

Они водили меня в наш старенький деревянный кинотеатр «Вымпел» на «Гусарскую балладу», «Верные друзья», «Два плюс три», «Карнавальную ночь». Эти фильмы моего детства я с удовольствием смотрю и сейчас. Любый из них стоит всех вместе взятых сегодняшних «Бригад», «Волкодавов», «Бандитских Петербургов» и им подобных.

Это были фильмы иной цивилизации.

Я всегда поражался **их** жизненной силе и стойкости, **они** словно были снабжены другой нервной организацией. Никогда не помню, чтобы кто-то **из них** жаловался на бессонницу. Писали письма родственникам, иногда по несколько в месяц, и это объединяло **их** гораздо лучше, чем нас сегодня телефон, компьютер, курс евро или доллара и мексиканские сериалы. Любили друг друга только за то, что живут рядом, а не за выгоду или толщину кошелька. Денег не копили, не становились их рабами, **их** организмы не были несоразмерно изношены деньгами...

Они были счастливыми людьми, ясно осознавали и следовали сюжету своего существования. Для **них** целью жизни была просто сама жизнь. Не бродили в поисках счастья, продающегося на разлив, **их** счастье называлось обретение душевного равновесия, жизнь по согласию с самим собой, с союзом сознания и подсознания. Владели искусством жить рядом, вместе, секрет которого многими сегодня утерян. Видимо, что-то наруши-

лось в людском представлении о счастье. **Они** всё принимали спокойно. Любые человеческие поступки, любое словоблудие. Спокойно проходили дистанцию от любви до потери, от потери до приобретения. На одних весах у **них** были обломки весёлых праздников и осколки горьких слёз...

Были не ангелы, много пили, часто объяснялись витиеватым матом. Но знали свой масштаб. Спокойно существовали в выбранной системе координат. **Их** не водил поток жизни, **они** его водили.

Инстинкт самосохранения работал у **них** в биологическом режиме. Пройдя через невероятные испытания, остались верными простым человеческим истинам – любовь, верность, добро, справедливость. Распределяли всё в жизни равномерно на графике событий так, чтобы выходила ровная, плавная линия, без резких скачков и падений.

Не только отец, но **и все они** казались мне тогда пресными, скучными людьми, выросшими по свистку в этике ограничения и унижения, летящими на автопилотах по жизни. Никаких бурь и страстей. Просто водоросли какие-то, мирно качающиеся на глубине своего внутреннего спокойствия.

Но когда жизнь валила меня с ног, я приползал и зализывал раны, положив голову **им** на колени. Обладали способностью снять любую проблему, здраво рассуждать, расставлять всё по своим местам, правильно поступать.

И секрет этой правильности находился где-то за гранью моего понимания!

Ich verstehe es nicht!

Они не учили меня ничему, но их опыт, их дела легли тогда куда-то на дно моей души, в её тайники, и теперь стали выступать по капле на поверхность...

По счастью, не многие дожили до ельцинской эпохи, безжалостной к старикам. Никто **из них** не достиг восьмидесяти лет. Отошли все, точно сговорившись, в 80-х годах.

Спокойно готовились к смерти, упражнялись в покорности судьбе, как и во всяком другом искусстве. Уходили в последнюю свою осень тихо, неспешно, как озеро готовится к зиме. Разговоров и философствований на эту тему избегали. Просто иногда кто-нибудь, покупая новое пальто, вскользь бросал: «Это последнее».

Или: «Вот умру, всё, что на книжке, тебе достанется».

Но, несомненно, думали, как будут переходить мост через Стикс, как будут торговаться с Хароном, кого перевезёт первым, кого вторым, к тем последним воротам, в которые не надо ломиться. Неспешно готовились к венчанию со смертью. К существованию лишь в моей памяти, к разговорам со мной внутри меня.

Не искали способов омоложения. И не потому, что их не знали, а от-

того, что тогда, в тот ГЛАВНЫЙ РАЗ, смерти избежали, и этого было достаточно. Никаких кремов, лосьонов, масок для лица у них не было, «дезиков» так же не помню. Только «Тройной одеколон». Мне тогда казалось, что это вообще был единственный одеколон в то время.

Были счастливы от того, что знали – умрут в своей постели в окружении близких, неважно, в больнице или дома, похоронены будут на кладбище, а не в братской могиле, расстрельной яме, болоте, в печи крематория...

Уходили с чувством выполненного долга, с достоинством людей, исполнивших своё призвание на земле. Выжили в войну, создали семьи, родили детей, вывели их в люди, дождалась внуков...

Несуществование закралось в их жизнь давно. Исподволь, тишком.

Их жизни были сложены в штабеля, **не для них**, для других, но тела всё ещё находились в старом пространстве, как пни на месте срубленного леса. **Их** одинаковые часы марки «Луч» всё ещё шли, но время **им** уже не принадлежало. **Они** стали частным случаем, частным прошлым. Маятник тени качнулся **в их** сторону, колея закончилась

Всё это я запомнил, хоть и был молод. Я только фотографировал и оставлял негативы на сетчатке глаз, записывал компакт-диски на оборотной стороне подсознания. И теперь проявляю всё это на большом экране плазменного телевизора моего жизненного опыта. Вижу, как **они** неспешно учились не жить, как готовились к этому, откладывали похоронные деньги, надевали старческие одежды, приобретали палочки для ходьбы, выселялись из собственных голов. **Их** неторопливые года погружались в трясины будней...

Помню этот **их** апофеоз печали по несбывшемуся, покорность вершащей всё судьбе, принятие безысходности перед наступающей тишиной. Смерть – как воронка от снаряда. Она заполняется лишь со временем и никогда до конца. **Они** ведь ушли и не вернулись просто потому, что нащупали маленькую потайную дверь в стене, заглянули... и оказались в таинственной гармонии другой стороны бытия. Ангелы – навигаторы перестали прокладывать им путь...

А ещё я думаю, что **им** повезло. **Они** были счастливы.

Счастливы, что пережили войну, остались целыми и невредимыми.

Счастливы, как все живущие в собственном измерении, по собственной шкале ценностей, апробированных жизнью.

Счастливы, как и все живущие в свой срок.

Человек приходит на эту землю, не имея национальности, расы, родины, партийности.

Он не рождается наркоманом, садистом, нацистом, националистом, экстремистом.

Одни рождаются в богатой стране с устоявшимися традициями демократии и гуманизма, а другие, наоборот – в бедной, с диктатурой и тоталитарным режимом.

Но всем приходится пройти свой путь на земле так, как это запланировано Творцом.

Им было предначертано взвешивать человеческие жизни. И свои и чужие. Стать и жертвой и палачом. Штурмовики дяди Пети и дяди Жоры утюжили немецкую землю. **Они** отомстили за всех. Бог сделал **их** своей карающей рукой.

Я смотрю в окно. Оно обнимает пестроту крыш.

Недалеке виднеется башня Karstadt на Hermann Platz.

В апреле 45-го французские эсэсовцы под командованием капитана Анри Фене подбили там из фаустпатронов четырнадцать советских танков. После чего, переодевшись в гражданское платье, выдали себя за подневольных рабочих. Благополучно доживали потом свой век во Франции...

В окне сфокусировались две бесконечности, пересекающиеся в идеально сбалансированной точке. Горизонтальная бесконечность времени и вертикальная бесконечность зданий всех эпох... Германия – говорю я, и время начинает растягиваться, как резиновое... Чпок! – время растянулось до предела и со звоном лопнуло...

Ряд файлов из прошедшей жизни стёрся в голове. Было ли это? Жил ли я в том доме? Может, это был лишь сон? Чемодан с чьими воспоминаниями стоит у меня под кроватью? Кто его забыл?

За окном идёт снег. Мороз круто посыпал солью зелёные кусты и траву. Рвутся новогодние петарды.

Надсадно гундосит полицейская сирена. В фиолетовых сумерках, сквозь причудливые хитросплетения запорошенных снегом ветвей платана, в окнах напротив горят рождественские звёзды. Над головой стоит яркий, светящийся иллюминатор луны. Снег падает и на меня, и не только сверху, но и изнутри. На задворках моего сознания играет компакт диск под названием «Berlin». Я «подсел» на иглу телебашни с Alexander Platz, шпили церкви безошибочно находят тепло моих вен...

Знаешь, с каждым годом то далёкое уходит, теряет окраску, становится плосче. Я стал приближаться к **их** возрасту, какими **они** сфокусировались в объективе моей памяти.

Стал многое знать, уметь, понимать... убирать на полку воспоминаний.

Начинаю отказываться от тех правил, которые раньше казались нормой...

Иногда задаюсь вопросом – поняли бы **они** мой поступок, мою эмиграцию? Мне кажется, что поняли бы.

Кто будем мы для них? Цивилизация, через саморазрушение пытающаяся найти себя?

Люди, рисующие нервную линию депрессии со знаками препинания, идём через года, по изогнутому воронкой коридору, увешанному кривыми зеркалами, бежим по канализационным трубам. Проходим мимо друзей, приближаем к себе врагов, радуемся взлёту, который становится падением...

Живём с раскуроченными защитными механизмами, загнанными вглубь вечными проблемами. Не можем избежать цинизма. Он – наше средство общения, он необходим нам, что бы просто доказать, что с нами всё в порядке.

Заматываем внутреннюю пустоту дресс-кодом. Существование в атмосфере пустоты.

Психологическую наполненность этого существования ищем в погоне за вещами и развлечениями. Люди, у которых тела находятся в разное с душой...

Почему дороги, которые мы выбираем, не всегда выбирают нас! Чего достигли мы с нашей жадной идеала, абсолюта, чуда. Отчего поиск этот носит чрезмерно иллюзорный, самоистребительный характер? И в итоге – ни счастья, ни гармонии, ни спокойствия. А **они**, в отличие от нас, всю жизнь ожидающих, что вот-вот начнём жить, просто жили каждым днём. Я знаю, **они** не канули в небытие, как камни в глубокий колодец. Просто **они** однажды заглянули за горизонт... и не вернулись. **Они** ждут нас там, где не будет уже ни лет, ни дней, ни минут. Но каждая минута нашей жизни, все наши дела и поступки записаны тем, кто будет нашим судьёй. Я знаю, там **они** снова вместе, в нашем старом доме, на маленькой улочке, утопающей в цветущих вишнёвых садах. Собираются за старым столом под большим оранжевым абажуром, делятся новостями, радостями и горестями...

А пока мы, следующие, остаёмся в притяжении огромного шара, где у каждого над серым пеплом радости и горя сияет своя звезда...

Летаргическое безмолвие... перекрученные стрелки часов... недопитый бокал вина... сердцебиение тьмы... скальпель, бегущий по пространству времени... обрывки снов глазами Бога... догоревший круг имён... полёт в прошлое, как в колодец... вера в бесконечность каждого мгновения на Земле... всё, что могу... NOTA BENE...

МАРК ШЕЙНБАУМ

ЭССЕ О ГРАФОМАНИИ И ПЛАГИАТЕ

Когда трудно определить, что же ты написал, то проще всего это нечто назвать звучным словом «эссе», что я в данном случае и делаю.

Евгений Шварц получил как-то письмо от Григория Козинцева. Письмо пришло из Ялты и состояло из фраз, вырезанных из тамошней «Курортной газеты» и наклеенных на лист бумаги. Как уверял впоследствии Козинцев, оно полностью выразило то, что он намеревался сообщить адресату.

Берлинский философ и писатель Вальтер Беньямин надеялся когда-нибудь написать эссе, пользуясь исключительно цитатами. Он так и не удосужился выполнить своё намерение. Я попытался использовать этот метод, слегка разбавив цитаты из чужих текстов своими примечаниями, путая порой своё с чужим, то есть прибегая к плагиату. Ведь графомания без плагиата – вещь совершенно немыслимая. Впрочем, заимствование из многих источников – это уже не плагиат, а компиляция.

Итак, определение предмета.

По Николаю Доризо: «Графоман – это труженик, это титан, это своеобразный гений, напрочь лишённый таланта». У критика Льва Пирогова это определение звучит так: «Графомания – это психическая зависимость от процесса писания безотносительно к его результату». Многих литературный зуд посещает в том возрасте, когда любая песня оказывается уже лебединой, а на благодарных читателей автор может рассчитывать разве что среди ангелов. Александр Мелихов считает, что «Нельзя писать, страдая духовным авитаминозом». В эмиграции мы избавляемся от авитаминоза в прямом смысле этого слова, зато усиливается авитаминоз духовный, чему способствует и непривычный возраст. Всё это, в свою очередь, отрицательно влияет на плотность мысли на квадратный сантиметр бумаги. «Важно, чтобы мысли у автора поспевали за скоростью его пера» – предупреждает Анатолий Найман. Попробуй догони расшалившееся, взбрыкнувшее перо.

Кстати, поскольку графоман непрерывно занят творчеством, читать чу-

жие произведения ему абсолютно некогда. Парафраза известного анекдота могла бы звучать так: «Графоман не читатель, графоман – писатель».

Как говаривал Карл Краус: «Писатель, который читает, похож на повара, который ест». Многие повара едят на ходу то, что сами приготовили. Так и графоманы, читают в основном только свои произведения.

Графоману доступны любые жанры литературы. Многие сочиняют рассказы. А по мнению английской писательницы Надин Бисмонт: «Рассказ – это нервная депрессия со знаками препинания». К сожалению, не у всякого графомана они расставлены на должные места по той простой причине, что у него всегда наличествует «потный вал вдохновения», и куда-то подевались остатки весьма среднего образования.

Надпись в одном из залов музея «Прадо» гласит: «Бережно относитесь к тому, что вам непонятно, это может оказаться произведением искусства». О Боже, скольких современных авторов я понять не способен!

Случается, что и хороший писатель с годами становится графоманом. Сказал ведь как-то Карен Шахназаров: «Талант даётся человеку не навсегда, а лишь во временное пользование».

Интересно замечание упомянутого здесь Карла Крауса:

«Композитор пользуется звуками, художник – красками, писатель использует всего лишь слова, а они доступны любому дилетанту».

И в другом месте он же: «У писателей и парикмахеров задачи сходные: приходится учитывать конфигурацию головы клиента». Какой графоман это учитывает?

И опять Краус: «Публике следует устраивать лишь переносимые муки».

Кто из графоманов задумывается о муках публики? И всё тот же Краус:

«Читатель не должен чувствовать себя глупее автора». Иногда это просто невозможно!

Когда у графомана исчерпались сюжеты, он прибегает к плагиату. Литература – это большой котёл, в котором переплавляются старые мотивы. Как тут не извлечь что-либо графоману для себя? Впрочем, к плагиату прибегали и те, кого в графоманы не зачислишь. Набоков позаимствовал кое-что для своей «Лолиты», включая название, у малоизвестного немецкого писателя Хайнца фон Лихберга. Булгаков своё знаменитое «Рукописи не горят» – у средневекового раввина из Испании (Имя его утеряно). Тот произнёс это, когда на кострах инквизиции горели, зачастую вместе с авторами, манускрипты на иврите. У раввина фраза звучала так: «Рукописи не горят. Горит бумага, а слова с дымом уносятся к Богу».

Существует термин: «Незакавыченная цитатность». Томас Манн называл это проще «Вдохновенным списыванием». Действительно, как можно устоять, если малоизвестный текст больно уж хорош. Впрочем, плагиат скорее

явление полезное. Он свидетельствует о том, что тот, кто что-то позаимствовал – человек всё же начитанный и ценит чужие достижения. Кроме того, плагиат способствует продвижению качественных текстов в читательские массы. Так что, тем, у кого заимствуют, и обижаться не стоит.

А теперь о поэзии.

Все мы помним Маяковского: «Так вот вам, товарищ, моё стило и можете писать сами!» Маяковский был очень неосторожен с этим своим заявлением. Масса людей приняли его за чистую монету. И пишут!

Блок говорил: «Стихи в большом количестве вещь непереносимая».

Должен заметить, что польская поэтесса Вислава Шимборская за 60 лет творчества написала всего 250 стихотворений. Около 4-х в год. Может быть и это сыграло роль при присуждении ей Нобелевской премии. «Писать нужно так, чтобы, когда дело кончится, от дров не осталось ни щепки, а ты ещё пылал», говорит Найман. Многие вообще не припомнят, а были ли изначально дрова в наличии.

Афоризм, который мог бы стать девизом для всех графоманов: «Если нельзя, но очень хочется – значит можно». Этот афоризм когда-то «Литературная газета» выдавала за свой, редакционный. На самом деле его автором является Шолом Алейхем.

Не припомню автора: «Талант у поэта – зачастую лишь дефект характера».

Хорошо, когда есть талант, а при его отсутствии нужен как минимум характер, чтобы можно было во время остановиться.

АСЯ ПРОЦКО- ВАЙСБЕРГ

«БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ»

*«Ваше благородие,
госпожа удача...»
Б. Окуджава*

Кто теперь не знает этот знаковый фильм?

Уже юбилей его отпраздновали. Режиссёр рассказал подробно о съёмках. И о героизме актёра, доигравшего ампутированными ступнями ног роль своего героя, ног, и то, что фильм стал талисманом для космонавтов во время долгого пребывания в космосе.

Я познакомилась с фильмом в другой обстановке, в другое время и в городе, где условия быта были далеки от привычных для европейца.

В конце шестидесятых мы по воле «госпожи удачи» жили и работали в посёлке городского типа Кизыл-Арвате. Если кто-то не знает, где он находится на карте нашей необъятной бывшей страны, – сообщу. Это – Туркмения. Железная дорога Ашхабад – Красноводск. Направление Восток – Запад. На карте отчётливо видно, как железная дорога ожерельем опоясывает южную (подчёркиваю – Южную!) границу пустыни Кара-Кум. Железнодорожная станция и посёлок Кизыл-Арват находится в 100 км от города Ашхабада. Ещё одна характеристика Кизыл-Арвата – среднесуточная летняя температура + 40 в тени. Вот только тени почти не бывает. Солнце всё лето стоит в зените. Тамошнюю жизнь можно понять по юмору молодых офицеров, которые с издёвкой над собой вопрошали: «Зачем Бог создал ад, когда есть Мары, Кушка и Кизыл-Арват?» (Мары и Кушка – города Туркмени). Ещё Кизыл-Арват называли «Кизыл-Париж». Сообщая свой новый адрес тётушке, в Москву на Гоголевский бульвар, я просила её не путать Кизыл-Арват с Арбатом.

Мы служили, работали и как-то жили в этом посёлке. Основным развлечением было кино. В субботу и воскресенье по железной дороге при-

возили фильм и показывали его вечером после захода солнца. В этот вечер, уложив детей спать, мы с мужем помчались в кинотеатр. Муж пошёл в кассу за билетами, а я остановилась у рекламы, узнать какой будет фильм. Машинально отметила красочность афиши – на фоне голубого неба золотой диск солнца и голова верблюда. Прочитала название: «Белое солнце пустыни»...

Из глубины поднялся жёлчный ком и застрял в горле. Перехватило дыхание. Появился муж с билетами.

– Пойдём! Ещё надо занять места на скамейке.

– Не пойду!

– Я же билеты купил!

У меня вдруг прорезался голос и сквозь слёзы я закричала:

– Не пойду! У меня это белое солнце поперёк горла стоит. Эта твоя пустыня у меня в печёнках сидит!

Публика пробегая в кинотеатр, стала оглядываться на нас. Муж увёл меня с освещённого места, по дороге пытаюсь успокоить. Но я не могла прекратить истерику: с обидой изливала все тяготы жизни в жаркой пустыне. О том, что на базаре уже неделю нет картошки, о том, что три раза приходится вертеть мясорубкой верблюжатиной, о том, что устала караулить каждую ночь, когда во дворе в кране забулькает вода и набирать её в чайник, кастрюли, в корыто и другие ёмкости для стирки и купания детей...

Не помню, что ещё перечисляла из своих каждодневных солнечных бед... И вдруг умолкла. Оказывается, меня давно уже никто не успокаивает. Муж, подёргивая крылышко моего крепдешинового платья, говорит:

– Вот ты в сарафанчике, а мне на этой жаре весь день в форме надо ходить. Ты в босоножках, а я на площадке по пескам в сапогах, да ещё и с портянками...

Я молчала. Подумаешь, беда какая – картошка, верблюжатиной, вода по ночам для стирки вечно просоленных от пота рубашек. Да и портянки я сама уговорила мужа надевать. Куда девались мои слёзы? Давно это было...

И надо сказать, в жизни ещё много было всякого и трудного, и трагического. Но истерик больше не было.

А фильм «Белое солнце пустыни» мы смотрели не один раз и даже в Германии.

ДО И ПОСЛЕ

Новые переводы

ЛЕОНИД БЕРДИЧЕВСКИЙ

С польского

Владислав Шленгель

КОЛ-НИДРЕ

Содержания этой молитвы
я не знал, но мелодий мольба
в мою душу сознанием вбита
и осталась во мне, как судьба.

Зажжены жёлто-серые свечи,
дрожь в спине и качанье бород,
всхлипы-жалобы в пасмурный вечер,
вниз падение звуков и взлёт,

в грудь битьё, руки вскинуты к небу,
мудрость многожды читанных книг.
На пощаду нацелен молебн, –
на библейский размеренный стих.

Эта ночь, что задёрнута тайной,
покаяньем «Кол-нидре» звучит.
Горьким пафосом здесь не случайно –
просьба снятия прежних обид...

В мыслях я возвращаюсь к той ночи,
слышу детство мне ранивший стон.
Это сердце моё кровотоцит,
и я этим опять потрясён.

Вот евреев испуганных лица, –
униженья, разграбленный ларь,
мордобой и готова вонзиться
в горло им мародёрская тварь.

Растворились мы в круговороте
прочих наций, их помыслов, слов,
спрятав головы в плечи, и вроде,
сбросив вечные цепи оков.

Отреклись от молитв и шабатов,
и шагаем в обнимку с грозой.
Но назад мы глядим виновато
сердцем, мыслью, застывшей слезой...

Возвратиться, наверно, не поздно
в мир еврейства, в молитвенный круг,
где слышны нескончаемо просьбы
материнских заломленных рук...

Шелестя пожелтевшей страницей,
Закрепив от тфилина ремень,
мы представим прекрасные лица
в Судный, снявший обеты, тот день.

При печальной молитве «Кол -нидре»
будем с Богом вести диалог.
Станет ясен нам и очевиден
путь, в который напутствовал Бог...

С идиша

Перец Маркиш

Из ранней лирики

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Слышу, ветер трепещет листком по стеклу –
о защите он просит меня и ночлеге.
Захотелось ему прикоснуться к теплу,
к передышке в своём заколдованном беге.

Он собою прохладу ночную принёс
и мольбу растворил в своём жалобном стоне.
«Ты встречал голубка?» – мой раздался вопрос,
прежде, чем я согрел его лаской ладони.

«Хочешь, ветер, свободно мы ночью и днём
будем вместе носиться, простором влекомы.
Голубок нам вдогонку помашет крылом,
и вселенная станет отеческим домом».

* * *

Лес – мой друг и товарищ, и мой побратим,
шумный, стройный и тёмнозелёный.
Хоть и стар он, люблю я беседовать с ним
и ласкать его локоны-кроны.

А вблизи серебром отливают река,
словно листья, шуршат её волны.
Ветер я молодой – лишь умолкну слегка –
дева леса уходит в безмолвье.

На реке веселей. Там открытый простор
и для мыслей расширен её кругозор,
профильтрованный юной весною.

Знаю я: не откликнется, как ни зови,
на признанья мои в бесконечной любви –
«что ты делаешь, дева, со мною!»

* * *

Земля! Я на тебе почти что невесом,
с тобой делю я общий груз судьбины.
Достаточно мне быть зелёным стебельком,
и видеть неба синюю вершину.
И ощущать тебя, как личный дом.

Земля! Я ветер, что летит сюда с небес,
собою возмутив кусты и травы.
Достаточно быть ветерком, несущим весть
прекрасную, не для пустой забавы.
Исчезнуть не желаю наотрез.

Земля! Пока весна и радуется глаз,
и солнце греет всех великодушно,
достаточно того, что я увижу вас,
и вам меня увидеть тоже нужно.
Пока весна – момент наш – не погас.

* * *

Дожди и ветры выбрали для оргий
вершины гор, здесь начинают путь они:
скулят, бушуют и доходят до грызни,
как псов огромных бешеные орды.

Небесный свод их сотрясают вопли,
и тучи в панике несутся, кто куда.
Для всей окрестности их бесовство – беда,
весь горизонт унижен и затоплен.

И от разрывов молнии и грома,
что ослепляет день и ночь вершины гор,

как будто вынесен им смертный приговор –
дрожат всем телом, слышен хруст излома.

Затем, спустившись к горному подножью,
не успокоятся – им стоны нипочём.
Им очень жаль, увы, неблизок первый дом.
И дальше мчат, уже по бездорожью.

КАРЛ АБРАГАМ

С немецкого

Пауль Р. Франке

ОТ ТЕМНОТЫ К СВЕТУ

(четыре ночных размышления)

Возьми себя в руки, старик,
прошло то время,
когда музыканты играли тебе
«Champs Elysee».*
Ушло то время,
когда женщины восхищались тобой;
всё в прошлом,
всё в прошлом,
всё в прошлом.
Согласись!

Время ушло.
То, что за этим следует,
лишь дополнение,
подарок.
Дар Всевышнего?
Дар судьбы или тела?
В любом случае –
это подарок.
Посмотрим,
что я могу из этого сотворить.
Как случилось,
что я так весел?

Ведь ничего
не изменилось!
Ничего!
Разве что глаза?

Наступит время,
когда придётся
о себе побеспокоиться.
Большая часть обязанностей
выполнена.
Теперь черёд за произвольной программой,
где только я сам себе судья.
И если ты,
Смерть,
явишься этой ночью,
что я тебе скажу?
«Не делай мне больно», –
или проще:
«Сделай это не грубо».
Хочу тебя, смерть,
так встретить,
как женщина –
своего возлюбленного.

* * *

Полнолуние:
во мне открываются
источники,
освобождённые от пут
возраста.
Звучит пленительная мелодия.
Я предоставляю возможность
теням моих рук,
озарённых свечами,
танцевать совместно
pas de deux.
Словно это

Ты и Я,
сливающиеся
друг с другом,
и расходящиеся
в ритме чувств.

* * *

Во мне, собственно,
только страх,
что всё окончено.
Не всё, конечно,
а то, что со мной всё кончено.
Я об ужасном факте
смерти.
Не всё ли равно,
как потерять жизнь,
быстро или медленно...
Утрата есть утрата.
Потерянность -

Потерянность своего Я
в бесконечности
вселенной и времени.

Потерянность
конечного:
плодов древа
познания. Это она
возбуждает страх,
отчаяние
и ищет смысл
и молитву, чтобы
это конечное
пережить.

---

*Champs Elysee — одна из лучших улиц в Париже. Название происходит от Элизииума в греческой мифологии.

НОРА ГАЙДУКОВА

С немецкого

Рихард Демель

ДАЛЁКОЕ В ГЛУБИНЕ

Из бледных вечерних туч
Вынырнула звезда,
Как она далека.
За нею и лунный луч.

Как она далека.
Из утренних серых туч
Струится прозрачный луч,
Там, где была звезда.

Вернфрид Хюбшман

ЧАСЫ

В дыхании часов заметен такт.
Вращаются колесики. Попытка указать.
Но правду металл не выдает никак.
Язык скрывает мысли. Замолчать.

Ты слышишь – непрерывно бормотание планет.
Между собой болтают. Междометья здесь.
Выходят цифры, дни сплетая в сеть.
Ты видишь – время переходит в улыбки свет.

Сигналят колокольчики о преопределении,
Которое просвечивает в сердце.
Мы здесь еще, заметим в упоенье.

Ты держишь ритм дыхания часов
Сквозь страхи, жилы, зубчики младенца.
Лицо часов, сменяет череду веков.

МУЗЕИ

В тиши музеев ночью,
Когда картины к их создателям зывают,
Жестикуют блуждающие руки.

Сгущается вещающая тень
От голосов, блистающих в экстазе,
Воспоминаньями великих мертвецов.

Игра идет по поиску финала,
Пройти путем сияющих имен
В тиши пред штурмом старых мастеров,

Которым все известно.
Ведь позади картин сияет свет
И краски, и холсты – все вверх ногами
В тюремной клетке, где увидят звезды.

ОТЕЛИ

Опять отели с их ресепшен.
Питаются камнями, упакованными в сталь.
Но почему ты в лифте чувствуешь себя раз-
детым?
Вот комната твоя: лаборатория попытки
Здесь прижиться.

Огромный город светится в окне.
А за спиной, как вспышки автогена
Чьи-то стоны или крики из комнат по-соседству,
Что для тебя бессмысленны вполне.

Тот темный гость здесь также обозначен.
Два метра рост, в очках, длинноволос.
Ни на один вопрос не отвечает.

И от него нельзя добиться слова.
Вещает лишь его телохранитель,
И то сквозь микрофон.
Уже за ними в бар прокралась смерть.

С испанского

Хосе Сантана

ТОРО 5

Бык – это близость вечности
И точка безнадежных размышлений.

ТОРО 6

КОНЕЦ ТОРРЕРО

Прежде, чем выйти на арену в этот раз,
Сидел один, задумчиво и скромно.
В свои раздумья молча погружён.
Готовя к неизбежности себя.
Чтобы исполнить вновь испано-римский
Таинственный и древний ритуал.

Тогда была последнею ошибкой обвиняемого.
Браво воткнул отважный мачо-пикадор

Своё оружие в чёрного быка.
И краткий миг до этого мгновенья,
Когда под взглядами чужими
Ты потерял мужские атрибуты.

О, площадь, сандерон, театр, цирк романский!..

ДАВИД ЯНОВСКИЙ

С немецкого

Мориц Штрахвиц

С КАКОЙ ЛЮБОВЬЮ У НОГ ТВОИХ

С какой любовью у ног твоих
я стелю своих песен руно
в час, когда льётся вечерний свет
сквозь сводчатое окно.
Мне в такт качаешь ты головой,
глаза полны доброты,
а я к тебе простираю руки
и пою: «Как прекрасна ты!»

С какой любовью у ног твоих
гляжу я, как ты нежна!
С жалостью смотришь ты на меня,
но жалость мне не нужна.
Я знаю, что ты играешь со мной,
но твои так прекрасны черты,
что я лежу пред тобой и пою,
пою: «Как прекрасна ты!»

С какой любовью у ног твоих
я б в муке немой угас!
Ещё охотней – вскочил и тебя
поцеловал бы сто раз.
Хотел бы я тебя целовать

весь день – пустые мечты,
хотел бы я утонуть, умереть,
и петь: «Как прекрасна ты!»»

Эдуард Мёрике

ВОПРОС И ОТВЕТ

Спрашиваешь ты, откуда
Вдруг любовь приходит злая,
Почему, хоть сердцу худо,
Острый шип не вынимаю?

Почему, скажи мне, ветер
Крылья быстро вдаль несёт,
И откуда ключ заветный
Воду сладкую берёт?

Ты попробуй в непогоду
Буйный ветер укротить,
Палочкой волшебной воду
В роднике остановить.

Гуго Фон Гофмансталь

КОНЕЧНО, МНОГИЕ...

Конечно, гибнут многие внизу,
Где вёсла судна двигаются тяжко,
Другие у руля живут вверху
И видят птиц и звёздные пространства.

Сникли многие, отяжелев,
У корней запутанной жизни.
А другим уготованы стулья
Рядом с тронами королев,

И сидят они там, как дома –
Ловкий ум и ловкие руки.

Но падает жизни той тень
Косо на жизни другие,
И связано верхнее с нижним
Неразрывно, как небо с землёю.

Позабывших народов усталость
Не могу с ресниц моих сбросить,
От испуганной души не отогнать мне
Дальних звёзд падение немое.

Вьются рядом с моей судьбою
Другие под музыку Времени,
И удел мой больше, чем жизни
Быстрый пламень и бедная лира.

БОРИС РОЗОВ

С немецкого

Иоганн-Вольфганг Гёте

АРФИСТ

Кто хлеб слезами не смочил,
Кто ночи на лежанке тесной
В бесплодных думах не влачил,
Не ведает руки небесной.

А ты, небесная рука,
На эти шуточки торовата.
Оставь в покое бедняка –
И на земле придёт расплата.

ВОСПОМИНАНИЕ

От добра добра не ищут –
Нет в дороге ничего!
Счастье рядышком, дружище, –
Потрудись схватить его.

* * *

Я брёл беспечно
В лесной предел.
Лесных находок
Я не хотел.
Цветок я встретил

В тени ветвей –
Очей прелестней,
Звезды ясней.
Сорвать находку?..
Шепнул цветок:
«Меня надломишь –
умру я в срок».
Отнёс с корнями
Бесценный клад
К лачуге милой
В заветный сад.
И в уголочке
Цветочек тот
Растёт, как прежде,
Как встарь, цветёт.

* * *

Пусть судьба нещадно лупит –
Да и ты не недотрога!
А дорогу не уступит,
Что же! – скатертью дорога.

Эмануэль Гейбель

* * *

Порою, собираясь по делам,
Преданий и вещей пакуем хлам.
Не проворонь судьбу свою, дружок, –
Возьми в дорогу лёгкий посошок.

ТЫ КРАСИВА

В саду моём гвоздика
Вздыхает глубоко
И потихоньку вянет:
Ты далеко.

Огонь в моей печурке,
С кем ладил я легко,
Стал чёрною золою:
Ты далеко.

Молчат цветы и звёзды.
Мир сломан и никто
Не подлатает солнце:
Ты далеко.

* * *

Та любовь всего основа,
Что отдаст себя без слова.
Не любовь, что от другого
Жертвы требовать готова.

Вильгельм Буш

* * *

Дальних круч горят изломы...
Зуд скитаний – вот беда!
Гонит глупого от дома –
Дьявол ведаст, куда!

В сумку брошены вещички...
Лишь смущают с неких пор
Кой-какие мелочишки –
Твой, к примеру, тихий взор.

ОШИБКА

Жива нелепица и снова
Умы юнцов смущать готова:
Меж множества любви примет
Первее наслажденья – нет.

МИНУС ОТ ЗЛОСТИ

В книгу жизни злобу злую
Мы под знаком минус пишем.
Плюс – любовь напропадюю,
Ею мир от века движим.
Плюс нам выпал или нет –
Жди от времени ответ.

РАИСА ФИЛИППОВА

С немецкого

Вильгельм Буш

ОДИНОКИЙ

Кто одинок, тем повезло.
Никто не сделает назло,
Никто не сможет помешать
Желанья все осуществлять.
Никто не даст ему совет,
Хотят помочь, да толку нет.
Сбежав от мира, он хохочет.
Встаёт, когда того захочет.
В пижаме целый день проводит,
Удобным это он находит.
Не зная женские запреты,
Куриль он может сигареты.
От злобных взглядов ограждён,
Штаны латать сам может он.
На флейте может он играть,
Приятно время убивать,
Чихать и кашлять без оглядки,
И завести свои порядки.
О нём все скоро позабудут.
И спрашивать лишь редко будут:
«А жив ли этот человек?
Мы думали – исчез навек».
Налоги если б не платить,
То лучше б не могло бы быть.

Сплошное счастье, всем назло.
Кто одинок, тем повезло.

* * *

Красива и нежна была.
Цветком прелестным расцвела.
Он был весёлый мотылёк,
Любил садиться на цветок.

К ней шмель частенько прилетал,
От удовольствия жужжал.
Жук часто ползал, вот беда:
То вверх, то вниз, туда, сюда.

О, боже, – мотылёк страдал,
Её ко всем он ревновал.

В конце концов, произошло
То, что ужаснее всего:
Осёл-старик вдруг съел цветок.
И безутешен мотылёк.

ЛИСА И ЁЖ

Однажды, как-то за горой,
Вдруг повстречались ёж с лисой.
Лиса сказала: «Стой, злодей! –
Закон издал король людей.
Вот как звучит его закон:
Преступник – кто вооружён.
Его Величества приказ
Ты должен выполнить тотчас!
Иди сюда, отдай свой мех!»
«Лиса, ты вызываешь смех,
Тебе все зубы поломаю,
А уж потом мы поболтаем».
Свернулся в плотный он клубок,

Одни иголки, нету ног.
Воюет с целым миром он.
Борец за мир – вооружён.

КАЗАТЬСЯ И БЫТЬ

Дитя моё, совсем не просто,
Ответить мне на твой вопрос-то.
Напрасно хочешь отыскать
Кратчайший путь познать людей.
Увы, не сможешь отгадать,
Кто друг тебе, а кто – злодей.
Не сердце видишь, а жилет,
Лишь внешность – в этом весь секрет.

* * *

Готовить вкусное жаркое,
Конечно, дело не мужское,
И только женщине дано.
Известно это всем давно.
Тут ловкость женщине нужна,
Проворной, скромной быть должна,
Всегда в душе покой иметь,
И сыпать пряности уметь.
А во-вторых, здесь ум ей нужен,
Чтоб в спешке не испортить ужин,
И блюда аппетитный вид
Сам за себя заговорит.
Полить, перевернуть умело,
Не дай бог, чтоб не пригорело.
Еда у женщины вкусней,
Коль сердце доброе у ней,
И в доме уваженье есть
К тем, кто жаркое станет есть.
«У женщины, коль сердце злое,
Плохое сварится жаркое»
Не зря в народе говорят.

Хотите знать теперь мой взгляд?
Об этом думал я не раз,
Открою свой секрет для вас:
Готовить хорошо умеет,
Кто сердце доброе имеет.

* * *

Случись со мною вдруг беда,
встревожен будешь ты тогда.
Подумаешь о том: быть может,
Случится и с тобою тоже,
Но если, к счастью, вдруг беда
Тебя минует, то тогда
Иначе взглянешь ты на дело,
Тебя, коль это не задело...
Заметишь ты, что сожаленье
Вдруг превратилось в наважденье.

ГЕНРИЕТТА ЛЯХОВИЦКАЯ

С польского

Чеслав Милош

ПЕСЕНКА О ФАРФОРЕ

Блюда мои – вы не вечны,
Лишь черепки-останки,
Разбросанные вдоль речки,
Где проходили танки.
Ветер над вами блуждает,
Пух от перин из дома.
На чёрный след опадает
Яблони тень с изломом.
Земля в осколках не значит,
Что безутешно горе.
Я так ни о чём не плачу,
Как о своём фарфоре.

Лишь только зорькою ранней
Свет горизонт разбудит,
Стонет земля от раны
Потрескиванием блюдец.
В снах мастеров бесценных
Перья замёрзли лебяжьи –
Тонут в ручьях подземных –
Не вспомнит никто пропажи.
Лишь я брожу, как незрячий,
В раннюю эту пору.

Я так ни о чём не плачу,
Как о своём фарфоре.

Равнина до края света
Слоем хрустящим покрыта.
Ступаю в крошечке этом
По нежным осколкам битым.
Останки отрады сладкой –
Крышечки, доньшки, ручки,
Измазаны грязью гадкой –
Лежат помертвело кучки
В кургане от бывшей дачи
И смотрят с немым укором.
Я так ни о чём не плачу,
Как о своём фарфоре.

**ПАМЯТИ ПЕТРА ЗАМАНСКОГО
(13. 03. 1921 – 03. 01. 2008)**

Ушёл из жизни наш друг и коллега – поэт, журналист, автор множества сценариев.

Он прошёл военными дорогами путь до самого Берлина – в качестве корреспондента.

Ранения и награды не обошли его стороной. После войны окончил Литературный институт.

Работал во многих крупных газетах. Живя в Киеве, представлял газеты «Советская культура» и «Радянська культура». Статьи его отличались чёткостью и отточенностью мысли и слога.

О своём посещении Японии он рассказал в книге «В объективе Япония» (вместе с фотокорреспондентом «Огонька» Н.Козловским). В ней показана панорама страны со всех её сторон: встречи с людьми, необычной архитектурой, общении с деятелями искусства и культуры. Им написаны очерки о Ф.Шаляпине, Л.Собинове, С.Рахманинове, Р.Глиэре и др.

Выпущены две книги стихов: «Таёжные тропы» и «Круговерть».

В 1978 году эмигрировал в Берлин. С первого дня создания Клуба литературы и искусства, П.Заманский был его деятельным членом. В основном занимался поэзией, – ведь Поэзия была его главным призванием. Он был строг, лаконичен, точен в оценках произведений коллег по Клубу. Давал дельные и неоспоримые советы, всегда соблюдая каноны стихосложения, не выносил фальши, надуманности и случайных, притянутых рифм и слов.

В Берлине в 1999 году вышла книга его стихов «Как польнь на губах». Она состоит из множества глав, собственно, циклов, о природе, взаимоотношениях, любви и других популярных темах, но увиденных внимательным глазом и решённых по-своему. Кроме того, в книге опубликована его ретроспективная поэма «Бабий Яр». В ней он рассказывает не только о трагедии еврейского народа, но и о том, как власти её замалчивают, преподнося в удобной для них плоскости. Эта вещь пронизана глубоким гражданским пафосом, негодованием к «власть предержащим», верой в торжество справедливости. Она написана в 80-е годы, но это не взгляд со стороны, в ней боль и сопричастность к трагедии.

Предлагаем два небольших стихотворения из его последней книги – автобиографичных и пронзительных.

У каждого свои дороги.
Всем разная судьба дана.
И носят человека ноги
Туда, где мир, и где война.
Поворожи и мне, гадалка,
на склоне лет мою судьбу.
Я всё приемлю: мир, борьбу,
не утрашусь и катафалка.
Но путь раба, смешной и жалкий,
под страхом смерти – не приму!

* * *

Нет, я не задолжал друзьям,
когда уехал из России.
Но должен до сих пор врагам,
за волосы совсем седые,
за то, что не признал в отце
врага и не отрёкся словом,
за то, что как-то на Сырце
был взят в участок участковым,
за то, что был машиной сбит
(я ими был в расход назначен)
Я должен им. Душа горит,
но долг мой так и не оплачен.

Много лет Пётр Григорьевич болел. Мы понимали, что конец неизбежен. Но, всё-таки горько осознавать, что он наступил. Склоняем головы перед памятью об этом человеке. Мы не забудем его, сохраним встречи и беседы с ним – нашим другом и неизменным Автором альманаха. Вечная память!

Редколлегия Альманаха «До и после»

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Народ книги	4
Марлен Глинкин	5
Генриетта Ляховицкая	14
Мина Полянская	21
Леонид Бердичевский	34
Анжелла Подольская	43
Любовь Рейнгач	56
Альберт Леин	62
Марк Шейнбаум	72
Валерий Матэтский	77
Михаил Эненштейн	84
Давид Яновский	94
Игорь Коган	97
Михаил Вайман	104
Вера Фёдорова	111
Михаил Верник	116
Семён Лурье	125
Станислав Львович	129
Нора Гайдукова	140
Марина Авербух	145
Инна Иохвидович	150
Елена Зельгер	160

Евгений Денисов	163
Надежда Ковтун	167
Татьяна Устинская	170

ПУБЛИЦИСТИКА, ЭССЕИСТИКА

Давид Яновский	174
Карл Абрагам	182
Яков Бердичевский	190
Михаил Гордин	196
Алесь Эротич	200
Марк Шейнбаум	214
Ася Процко	217

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Леонид Бердичевский	220
Карл Абрагам	225
Нора Гайдукова	228
Давид Яновский	232
Борис Розов	235
Раиса Филиппова.	239
Генриетта Ляховицкая	243
Памяти Петра Заманского	245

